

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

В Е С Е Н Н Е Е
П О Р О Ш Ь Е

М С М Х V .

Изд. СИРИНЪ.

Пушкинская, 10.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ

Типографія М. М. Стасюкевича,
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довиелло.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

Р А З С К А З Ы

СВѢТЪ НЕМЕРЦАЮЩІЙ.

ПТИЧКА

Я вамъ про птичку еще не рассказывалъ, какая это была птичка умная и чудесная... ласточка. Лапочки остались да перышко—на красной ниткѣ придѣлалъ, на листкѣ въ особой книжкѣ храню, тамъ же и цвѣты у меня, такая книжка есть.

Расскажу все по порядку. Зиму живешь въ Петербургѣ и ничего, а какъ весна покажется, такъ и начинается: куда бы проѣхать! И тутъ, какъ нарочно, все соберется, чтобы только никуда не пустить тебя, всякія мелочи загородятъ дороги всѣ. И всегда такъ выйдетъ, смотришь, а тамъ и опоздалъ, поздно ужъ, а туда не доберешься—дорого, хуже того, добраться-то доберешься, а назадъ не выберешься. Просидѣлъ я весь май и іюнь въ Петербургѣ, и даже слишкомъ, и просто ужъ мѣста себѣ не нахожу, и дѣлать ничего не дѣлается. Съ утра до поздняго вечера грамофонъ оретъ,—дворъ у насъ колодцемъ, гулко,—и такое выводитъ, тоска возьметъ, и вотъ-вотъ самъ собакой завоеешь, ночью голуби,—на самомъ наверху живу, тутъ же и голуби,—да такъ заворкуютъ, проснешься, слушаешь, и кажется, такъ вотъ тамъ у нихъ, въ zobу, что ли, гдѣ, и разорветъ все. И вороны какія-то появились: сядетъ на подоконникъ, смотреть, и оставить на ночь за окномъ ничего нельзя, все стащатъ; я подкараулилъ,—на самой на зарѣ, подъ утро таскаютъ—умная птица, эти вороны, знаетъ, когда можно. Старшій дворникъ у насъ, Григорій Кузьмичъ, душевный человекъ, съ деньгами ни-

когда не торопить, одно горе, музыкантъ большой, самому-то ему, извѣстно, и невдомекъ, а мнѣ очень чувствительно: въ праздникъ, ну, въ праздникъ всякому полагается, и въ праздникъ и въ простой, будній день, какъ отработается, по дому порядокъ провѣрить, и—за гармонью, а она у него басистая, ладовъ не пересчитаешь, да какъ начнетъ играть и ужъ безъ передышки зажаривается,—грамофонъ свое, а онъ свое. Вотъ дѣла какія! И вспомнилъ я, что мнѣ одинъ пріятель зимой писалъ, какъ соблазнялъ онъ меня куда-то проѣхать на раздолье какое-то, а главное, когда угодно можно, и все, что угодно: и охотиться, и на лодкѣ кататься, и верхомъ, и море совсѣмъ подъ бокомъ — купанье хорошее, — вспомнилъ я, разыскалъ письмо, перечиталъ внимательно и рѣшилъ ѣхать.

Мѣстность, куда завлекалъ меня пріятель мой, приморская съ нѣмецкимъ названіемъ,—посмотрѣлъ я на картѣ, правда, море близко, да не очень, ну, это все равно, до воды я не охотникъ, плавать умѣю и, если надо, нырнуть могу, съ дѣтства обучили, да на водѣ мнѣ не по себѣ какъ-то: и почвы подъ ногами никакой, и все колеблется, совсѣмъ неудобно. И верхомъ я не мастеръ, сроду на коня не садился, и когда вижу, какъ городовые на коняхъ мучатся, не завидую, развѣ что на картинкахъ... скажу по правдѣ, я когда-то очень мечталъ такимъ на портретѣ себя увидѣть, чтобы на конѣ и палецъ такъ,—показываетъ, а подо мною пушки и дымъ клубами. И охотникъ я неважный, развѣ въ шутку сказать, охотникъ!—когда мчится мимо поѣздъ, люблю постоять, духъ захватываетъ, кричать хочется, а съ американскихъ горъ кататься, да чтобы палили надъ ухомъ, нѣтъ, спасибо: и оглушаетъ, и непріятно. Хорошо меня мой пріятель знаетъ: столько удовольствій ожидало меня послѣ воркотни голубиной, воронъ, грамофона и добраго нашего Григорія Кузьмича.

Сообразилъ я все съ дѣлами, помѣшкалъ еще съ недѣлку, и съ Богомъ. До Риги хорошо доѣхалъ, не замѣтилъ, а тамъ пересѣлъ и по узкоколейной потащился, и дотащился, и ужъ на лошаdkѣ повезли меня неизвѣстно куда, сначала

полемъ, потомъ въ гору, да опять въ гору... смотрю по сторонамъ, ротъ разинулъ: какъ хорошъ вечеръ въ полѣ!

День ушелъ на осмотръ усадьбы. Хозяинъ-мельникъ, не бойкій въ нѣмецкомъ, употреблялъ на подмогу руки, и онѣ не только его рѣчь дополняли, но скорѣе и были сѣмой, сѣмой краснорѣчивой рѣчью. И я тоже больше руками дѣйствовалъ.

У мельника всего оказалось вдоволь. Мельница, хотъ и не работала, — стояла засуха, но, должно быть, хорошо работала, когда вода прибывала, машинъ стояло всякихъ не мало, а полъ и стѣны были мучные, бѣлые, и когда мы вошли въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ мельникъ сукно себѣ выкатывалъ, я совсѣмъ постѣрѣлъ.

Осмотрѣвъ мельницу и всякія къ ней пристройки, мы повернули берегомъ къ хлѣву, и первыя выскочили на насъ свиньи, такія огромныя, даже страшно, — мнѣ свиньи всегда какъ-то страшно, Богъ ее знаетъ, что у ней тамъ! Хорошія коровы водились у мельника — штукъ сорокъ держалъ мельникъ коровъ, и всѣ онѣ у мельницы паслись на лугу, по дорогѣ къ кладбищу, тутъ же и овцы, — я насчиталъ дюжину и бѣлыхъ, и черныхъ. Изъ хлѣва заглянули въ конюшню, постояли въ сараѣ у машинъ — около молотилокъ, косилокъ, сѣялокъ, осмотрѣли зубья всякіе, пилы и ножи, все было новенькое такое и блестяло, какъ начищенное, зашли и въ ригу, и тоже смотрѣли и все трогали, выпили ячменнаго сусла, прохладились и, не заходя въ домъ, садомъ прошли въ клѣтъ. Въ клѣти хранилось масло — такіе окоренки! — окурока висѣли, на полкѣ — хлѣбъ, и тутъ же три новенькихъ тесовыхъ гроба: яблоками отъ гробовъ пахло — яблоки въ гроба отъ ребятишекъ складывали, чтобы повадки таскать не было, и около гробовъ, къ стѣнѣ приставленные, стояли три бѣлые креста.

Мельникъ смотрѣлъ на меня такъ побѣдительно, что мнѣ со своимъ ничевоиъ просто пригнуться захотѣлось: все это его, все это онъ самъ завелъ, самъ сдѣлалъ, этими самыми руками, онъ осушилъ болото, прокопалъ прудъ, пу-

стиль мельницу, обзавелся скотомъ... На лѣвой рукѣ не хватало большого пальца: въ годъ женитьбы, лѣтъ десять назадъ, машиной отрѣзало.

— Жена цѣлый день плакала! — мельникъ растопырилъ безпалую руку и держалъ ее передъ собой.

Когда же изъ клѣти перешли въ садъ и взялись за пчелъ—пчелиные домики прямо подъ окнами чистыхъ моихъ комнатъ, — понятныхъ словъ не хватило, ни словъ, ни рукъ, и мельникъ заговорилъ по-своему. И въ домѣ послѣ пчелъ мельникъ говорилъ по-своему, и, должно быть, очень интересное—исторію, должно быть, своего кирпичнаго дома, но я ничего не понялъ.

Домъ раздѣлялся на двѣ половины. Двѣ комнаты въ садъ къ пчеламъ и пруду, за которымъ шла лугомъ дорога на кладбище—мои комнаты, и два хода: чистый въ прихожую, черный—въ кухню. Это одна половина, другая хозяйская. Прихожая съ кухней отдѣляли чистыя комнаты отъ хозяйскихъ, а тамъ было три комнаты: одна совсѣмъ маленькая, въ ней ютились теперь хозяева съ ребятишками, и двѣ просторныхъ, опять съ какими-то машинами.

До послѣдняго уголышка все показалъ мнѣ мельникъ и оставилъ меня въ моихъ комнатахъ. И до вечера я одинъ сидѣлъ въ своихъ чистыхъ комнатахъ, вещи разбиралъ, къ столу прилаживался.

Вечеромъ опять появился мельникъ и не одинъ, а съ своей мельничихой, а за ними ребятишки. Мельникъ съ виномъ, мельничиха съ подносомъ — на подносѣ лежали лепешки и хлѣбцы всякіе. Покивали мы другъ другу, покланялись, изъ одной выпили: мельникъ пригубить и мнѣ даетъ, отопью глотокъ, неловко, и ему назадъ; была одна рюмка, больше не полагается.

Мельничиха лепешками потчевала, — сладкія лепешки, дѣти на нихъ такъ и засматривали. Трое ихъ было у мельника: старшій Андру, такъ его кликали, поменьше Мильда, такъ ее кликали, и совсѣмъ маленькій, все за мать цѣплялся, просто Иванъ.

— Старшій будетъ хозяиномъ, младшій пасторомъ,—показываль мельникъ, а эта—Мильда.

И какая чудесная, умная, смотрѣла эта Мильда, такая крѣпкая дѣвочка съ овсяными косками.

Сѣли, посидѣли, помолчали и опять стали другъ другу кланяться: хозяевамъ на покой пора, доброй ночи желали мнѣ, и мнѣ съ дороги отдохнуть не мѣшаетъ, пожелаль и я имъ добраго сна. Всякій на своемъ и по-своему говорилъ.

Мельникъ съ виномъ, за мельникомъ мельничиха съ подносомъ, а за ними ребятишки—гуськомъ. И я опять остался одинъ.

Мельникъ вернулся.

— Рано утромъ, — сказалъ онъ и такъ ясно и понятно, будто по-другому сказать и не могъ никакъ, — рано утромъ прилетитъ птичка, постучитъ носикомъ въ окно, вставать!

„Рано утромъ прилетитъ птичка, постучитъ носикомъ въ окно, вставать!“—и мнѣ чудно стало: ишь, какой мельникъ!

А вѣдь и правда, я проснулся отъ стука: маленькая птичка стучала ко мнѣ въ окно изъ сада, вотъ чудеса!

И ужъ я зналъ, когда подыматься, и нарочно другой разъ до солнца глаза открою, чтобы мнѣ мою птичку посмотреть, какъ будетъ будить меня: чуть станетъ солнце надъ лѣсомъ, и она ужъ летитъ... такая умная птичка!—подлетитъ, метнется, словно заглянетъ, сплю иль не сплю, и носикомъ въ стекло—какая умная птичка! — постучитъ въ стекло, посидитъ, поотдохнетъ и опять... какая умная птичка!

Въ воскресенье заложилъ мельникъ линейку, древнее что-то въ родѣ нашей линейки, и повезъ меня осматривать землю—свои владѣнія.

— Ваша,—говорилъ мельникъ, кнутомъ по сторонамъ показывая на лѣсъ и землю,—ваша, и это все ваша.

— И хоть все было наше, но его оказалось не очень много: и земли немного, а лѣсу и того меньше, много было

у барона, и когда проѣзжали мимо замка, мельникъ смотрѣлъ совѣтъ сурово и совѣтъ недобро.

— Баронъ ничего не позволяетъ, ни корчмы держать, ни заводить фабрику, а самъ все дѣлаетъ плохо!—мельникъ говорилъ обрывисто, кнутомъ никуда не показывалъ.

Правда это или неправда, я не знаю, только одно я замѣтилъ, что мельникъ свое поле косилъ косилкой, а у барона косили косами. Возможно, что мельникъ былъ правъ, и суровость его по правдѣ.

Отъ замка поѣхали такъ, по дорогѣ землю смотрѣть.

Попадались сожженные мызы, груды камней лежали на мѣстѣ домовъ: это было на другой годъ послѣ нашего свободаго года, и бѣды было вездѣ не мало.

— Человѣка стрѣлили, — подымалъ мельникъ кнутъ, — двадцать стрѣлили.

Дни проходили такъ: я вставалъ по птичьему стуку, пилъ чай, потомъ начинались передвиженія по комнатамъ,—то подсяду къ окну, въ поле смотрю, то къ другому, въ садъ посмотрю, пчелу послушаю—все гудитъ, работаетъ!—потомъ лягу на постель и лежу, изъ окна мнѣ лугъ виденъ,—„во лузьяхъ, во зеленыхъ лузьяхъ!“ А послѣ обѣда, какъ станеть спадать жара, отправлялся я черезъ кладбище лѣсомъ къ рѣчкѣ.

И всякій разъ неизмѣнно появлялась Мильда. Какъ моя птичка, чуть подыметъ солнце, и ужъ летитъ, такъ и Мильда, вечерѣетъ, иду по дорогѣ, и она тутъ-какъ-тутъ. Она, какъ звѣрокъ, то забѣжитъ и начнетъ кувыраться, то далеко уйдетъ за деревья и кричитъ,—и звонко надносится по лѣсу голосъ, какъ самая первая и голосистая птичка.

Мильда собирала землянику и рвала цвѣты. Землянику она давала мнѣ въ горсткѣ, а цвѣты на дорогу положить или пустить на воду въ рѣчку и сейчасъ же спрячется, и я вижу, какъ зорко слѣдитъ. И когда я догадывался и вытаскивалъ изъ воды цвѣты или подымалъ цвѣты съ дороги, Мильда кричала отъ удовольствія, и звонко, еще звонче надносился ея голосъ по лѣсу.

Мильда ничего не понимала, что я говорилъ ей, и ни одного слова я не слыхалъ отъ нея. Мильда только смотрѣла, смѣялась и кричала. И скоро я понялъ и ея глазъ, и ея смѣхъ, и ея крики, и я покорно нагибался съ берега за цвѣтами и къ землѣ на дорогѣ за цвѣтами.

Вечеромъ, когда зажигали огни, заходилъ ко мнѣ въ комнату мельникъ, садился къ окну у двери, бралъ папироску, закуривалъ и молча курилъ. Я пилъ молоко и ходилъ передъ мельникомъ отъ окна къ двери. Тутъ же неизмѣнно была и Мильда, она тихонько забиралась въ уголъ и изъ угла высматривала звѣркомъ,—слѣдила.

А мельникъ все сидѣлъ, курилъ и о чемъ-то думалъ.

— Дождю довольно!—говорилъ мельникъ, и начинались поклоны: на покой пора.

Я выходилъ въ садъ. Въ саду, въ домикахъ спали пчелы, на клѣти спалъ аистъ, и домъ съ мельникомъ спалъ: снилась ему ясная погода и луга,—во лузьяхъ, во зеленыхъ лузьяхъ расхаживалъ мельникъ.

Такъ я и жилъ, я привыкъ къ мельнику, привыкъ къ пчеламъ, привыкъ къ Мильдѣ, привыкъ къ своей птичкѣ: птичка меня разбудить, мельникъ меня накормить, Мильда дорогу покажетъ.

На Ильинъ день, когда я поднялся, ужъ на кладбищѣ звонили къ обѣднѣ. Птичка меня не разбудила!

„Какъ же такъ, птичка... на такой день! пенялъ я птичкѣ и на себя пенялъ: проспалъ я птичку, не слыхалъ птичку, а она, поди, носикомъ какъ колотилась, и беспокоилась, что не встаю, и колотилось ея маленькое сердце, съ горошинку такое, не больше, и какъ, поди, тревожно въ окно засматривала: „Вставай ты, вставай!“—будила меня моя маленькая, умная птичка“.

Подхожу къ окну, такъ безъ мыслей всякихъ, смотрю, а на подоконникѣ—моя птичка, и ужъ нѣтъ моей птички,—однѣ ея лапки лежатъ и перышко.

Вотъ эти самыя лапки и перышко!

День былъ пасмурный, печальный, а вечеръ пришелъ,

еще тише. Мильда не кричала, не смѣялась, Мильда была, какъ день, печальна: забѣжить далеко по дорогѣ, упадетъ въ траву и лежить ничкомъ, будто обмираетъ,—больше не было птички!

И три дня мы такъ жили, вставалъ я безъ времени и спалъ плохо, долго не спится, а потомъ—какъ убитый. Ужъ подумывалъ, не попросить ли будильникъ. И вдругъ, подъ утро, стучить. Открываю глаза—птичка! Бросился къ окну—Мильда!—Мильда, какъ птичка, быстро пряталась за кусты.

„Милая моя птичка, умная и догадливая,—съ этихъ поръ, какъ птичка, часъ въ часъ будила меня Мильда,—и я кланяюсь тебѣ и землѣ твоей и народу твоему!“

1913 г.

ЯБЛОНЬКА.

Многое можно понять, чего самъ никогда, даже и во снѣ, пожалуй, не сдѣлалъ бы, но одного я себѣ не могъ представить и не нашелъ уклоновъ въ самой тѣмѣ сердца, чтобы понять, какъ это такъ маленькихъ дѣтей истязаютъ, т.-е. не одинъ разъ шлепокъ тамъ дадутъ ребенку, а изо дня въ день больно изводятъ, и пусть отъ самаго жгучаго и нестерпимаго, пусть отъ остервенѣвшаго сердца.

Я не мало встрѣчалъ дѣтей и русскихъ и не-русскихъ—нѣтъ, этого я никогда не могъ, я никакъ не могу принять!—и зналъ я людей, у нихъ вся душа была истерзана и сердце надорвано, и свѣтъ ужъ имъ не милъ былъ, просто имъ жить было нечѣмъ, и одни только дѣти,—да посмотрите, какое нѣжное свѣтлое тѣльце и какъ они смотрятъ!—только дѣти и возвращали ихъ къ жизни, хоть на часъ, хоть на минуту.

Нюшка отца своего, настоящаго, никогда не видала. Ей было три года, когда мать вышла замужъ. И первый годъ Нюшкѣ хорошо было въ домѣ и она думала, что Александръ и есть ея настоящій отецъ, но когда родилась у нея сестренка, Нюшка поняла и такъ, и изъ словъ поняла, что ошиблась.

Жили они за Обуховымъ мостомъ, у Пахомовны старухи комнату снимали. А какъ ребеночекъ родился, съѣхали на другой дворъ. Пахомовна Нюшку баловала: хорошая такая

дѣвчонка росла, внимательная, и хоть куда—яблонька молоденькая!

Началъ Александръ бить Ньюшку, и за дѣло и безъ дѣла, и въ праздникъ и въ будни, одинаково. И ужъ Ньюшка теряться стала: и такъ сдѣлаеть—побьетъ, и этакъ сдѣлаеть—опять дѣрка. И мать стала бить.

Вернется Александръ съ завода, попадетъ ему на глаза Ньюшка, а вѣдь какъ не попасться, ты куда скроешься?—увидить, да такъ саданетъ кулакомъ подъ подбородокъ, инда кровь пойдетъ: извѣстно, мужская да чужая рука тяжелая.

И не то, что Ньюшка не родная ему, а то, что въ гульбѣ родилась—мать тамъ съ какимъ-то путалась!—и ничего ужъ онъ знать не хочетъ, противна ему дѣвчонка, и какъ увидить и какъ вспомнить—мать-то тамъ до него съ какимъ-то путалась!—какъ вспомнить, да на дѣвчонку, бить.

А мать кричить:

— Давай, я лучше бить буду!

Думала отвадить этакъ, уберечь ребенка: свое дитѣ и побьетъ, да легонько. Ну, да какъ ни бей, вѣдь, сердце-то вотъ какъ ходитъ!—какъ ни бей, все больно будетъ. Вырветъ дѣвчонку отъ отца, да бить.

Такъ изъ рукъ въ руки, отъ кулака подъ кулакъ, да вся избитая и ходитъ Ньюшка, няньчить сестренку. Если бы съ большимъ такое, тотъ нашель бы... а вѣдь она маленькая, затрясется вся...

— Давай, я лучше бить буду!—такъ и закричить мать.

Стояло въ углу сломанное судно, на это судно усаживалась Ньюшка: подберется вся, скорчится и сидитъ тихонько, будто ея и нѣтъ въ домѣ.

— Проклятое, скотина!—вдругъ вспоминалъ отецъ и смотрѣлъ, ой, смотрѣлъ, и не дай Богъ на глаза попасться.

Случалось, что Александръ выпивалъ, и тогда всѣмъ было плохо. Онъ накидывался сначала на Ньюшку и лупилъ ее, чѣмъ придется, и ремнемъ, и веревкой, и такъ, пинками,—въ кровь избьетъ, да за мать.

Нѣтъ, онъ не могъ простить матери, не могъ забыть ей,

что путалась, и эта дѣвчонка... и ничего ужъ знать не хочетъ, все вспомнилъ!—и ненавистны ему и мать и дочь.

Когда жили у Пахомовны, тихо было и, даже выпивши, не задиралъ онъ мать и не поминалъ ей, а тутъ... и до матери добрался.

И какъ еще Богъ спасъ, цѣлы оставались.

А мать, избитая-то—куда ей дѣвать обиду?—да на дѣвчонку, и выместить: вѣдь, не будь ея, было бы все!—да на дѣвчонку, да съ размаха, какъ хватить.

А дѣвчонка, Нюшка... отецъ и на нее и на мать, мать на нее... а ей-то? Если бы съ большимъ такое, тотъ нашель бы... а вѣдь она маленькая, затрясется вся...

— У! убила-бъ тебя!—такъ и закричить мать.

Съ годъ Пахомовна ничего не слышала о своей я бл о н ѣ к ѣ, и жива ли она, ничего не знала: заботъ у Пахомовны есть о чемъ, да и со старикомъ со своимъ мается—чего-чего, а горя довольно у всякаго!—очень пьющій старикъ, запойный, и какъ найдеть на него, такъ все и тащить, а не дай, кулаки сучить.

На Пасху, на недѣлѣ собралась Пахомовна въ гости по знакомымъ навѣдаться,—слава Богу, со старикомъ у ней потише стало. Пришла Пахомовна къ Машковымъ, глядитъ на свою Нюшку, а ее и узнать нельзя: и что такое случилось съ дѣвчонкой, не можетъ въ толкъ взять старуха—почернѣла вся, какъ чурка, и ободранная и исцарапанная.

— Давно-ль вы ее пріобщали?—спохватилась старуха.

Да, такъ и есть: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отъ Пахомовны съѣхали, ни разу и въ церковь не сводили дѣвчонку, съ годъ ужъ.

Время было до обѣда, позднія обѣдни еще не кончились. Стала Пахомовна просить мать отпустить съ ней въ церковь дѣвчонку. Мать сначала-то недовольна,—кто безъ Нюшки за ребенкомъ посмотреть?—а потомъ согласилась.

И пошла Пахомовна въ церковь, повела съ собой Нюшку. И опять дорогой, какъ взглянетъ, и глазамъ не вѣрить: и что такое случилось съ дѣвчонкой? Но сколько ни начинала заговаривать, молчитъ Нюшка, только смотритъ, и такъ какъ-то

смотреть, словно бы Пахомовна бить ее сейчас примется. Такъ ничего и не узнала старуха, привела Нюшку въ церковь, приобщила, и опять домой.

„Вошли мы въ квартиру,—разсказывала послѣ Пахомовна,—и вижу я, дѣвчонка такъ въ уголь и бросилась къ судну, утѣлась смирнехонько, голову наклонила и сидить. Смотрю я и ничего понять не могу. Что же это, думаю, съ дѣвчонкой такое сдѣлалось, какъ облезьянка ученая! А мать и говоритъ: „Это ея постоянное мѣсто, при отцѣ она не смѣетъ больше нигдѣ находиться!“ Жалко мнѣ стало дѣвчонку, постояла я, посмотрѣла, простилась и пошла. Иду себѣ, и раздумалась: зачѣмъ же я Нюшку-то съ собой не взяла, погостила-бъ у меня! приобщила дѣвчонку, а ей какъ въ темницѣ! Иду, раздумываю, а ноги такъ и подкашиваются, и чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ труднѣе мнѣ, немоготу итти,—и повернула назадъ. Вхожу я въ квартиру, а ужъ дѣвчонка вся-то избита: вся рука въ крови и лицо расцарапано. Какъ увидѣла я, такъ у самой тутъ и заныло: „Не отпустите ли, говорю, ее погостить денька на два, а то очень мнѣ одной скучно!“—матери говорю. А мать: „Ей сестру качать надо!—и не смотреть, а потомъ обернулась,—ну, да пускай идетъ!“ Я къ отцу: „А вы, папаша, отпускаете?“ „А чтобъ она сгинула, подохла скорѣй!“—и рукой махнулъ. А дѣвчонка трясется вся, да глядитъ такъ, а сказать-то и не смѣетъ, что, молъ, возьми меня, Пахомовна!“

И взяла Пахомовна дѣвчонку, яблоньку свою, умыла и пригладила ее, свою яблоньку,—вѣдь и узнать было нельзя!—и такъ запугалась дѣвчонка, всего боится, а тутъ и въ себя пришла, успокоилась.

Три недѣли прожила Нюшка у Пахомовны, а дальше и не знаетъ старуха, куда ее дѣвать: держать у себя больше не можетъ, старикъ опять за свое взялся, долго ли до грѣха! а отдать младенца на поруганіе духу не хватаетъ.

Случай выручилъ Пахомовну. Нашлись добрые люди, взяли у ней ея Нюшку,—въ хорошія руки попала дѣвчонка. Приглянулась она имъ, а своихъ нѣтъ, не благословилъ

Богъ, да и какъ не приглянуться: оправилась у Пахомовны дѣвчонка и опять хотъ куда, какъ яблонька молоденькая. И повезли Нюшку въ деревню жить.

Пропала бы дѣвчонка, совсѣмъ заколотили бы ее, издрожалось бы все ея маленькое тѣльце, погасили бы духъ въ немъ, горькое сердечко ея задохнулось бы отъ такой ранней, такой нашей горечи...

Въ деревнѣ въ усадьбѣ жила Нюшка,—какъ свою, полюбили ее, и она прижилась.

А Машковы ничего, Машковы живутъ нынче тихо и ладно, ну, когда выпивши развѣ, да и то, куда противъ прежняго. Растетъ у нихъ дочка, Катюшка, отецъ-то очень дѣвчонку любить! Машковы живутъ, слава Богу, не жалуются, а про Нюшку и словомъ не обмолвятся, ровно и нѣтъ ея и не было: или такъ, для него она проклятое, и вотъ сбыта съ рукъ, не мозолить глаза, ну, и успокоился, а для матери, забыть-то не забыла она, а будто и схоронила свой грѣхъ, вѣдь заѣлъ онъ ее упреками... или не такъ?

Встрѣчаю я какъ-то Пахомовну, на паровой конкѣ отъ Скорбящей ѣхала: старикъ ли ея опять смутился, а можетъ, и совсѣмъ поспокойнѣе стало.

— Ну, какъ,—говорю,—Пахомовна, чтò слышно о яблонькѣ?

А Пахомовна пошарила въ карманѣ, вытащила платокъ, узелокъ развязала и кусочекъ бумажки мнѣ, свернутый листъ почтовой, письмо подаетъ прочитать, и вижу, сама такъ и засвѣтилась,—отъ Нюшки письмо.

„Пріѣзжай къ намъ, Пахомовна, у меня двѣ яблоньки и земляники грядка. Когда пріѣдете, я васъ угощу“.

1913 г.

АЛЕНУШКА.

Родятся на свѣтъ такія дѣти, изъ тысячи замѣтишь: изъ глазъ ихъ, въ ихъ улыбкѣ глядитъ самъ свѣтъ Божій.

Съ ребятами трудно, надо все умѣючи, но съ такими... эти никогда не въ тягость. Ну, закапризничаетъ Алenuшка и на минутку, кажется, станетъ самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, какихъ не мало, за которымъ и смотрѣть надо и терпѣливо переносить дѣла всякія звѣрька малаго, но только на одну минуту, и ужъ снова смотреть, и опять эта улыбка—самъ свѣтъ Божій играетъ на ней.

У Алenuшки двѣ коски, двѣ бѣлыя коски съ красненькой ленточкой, она маленькая съ розовымъ носикомъ, шесть лѣтъ ей, шесть вѣсенъ. Не знаетъ она ни читать, ни писать, знаетъ она только пѣсни пѣть.

Однажды осенью въ слякотный туманный петербургскій день ко мнѣ, въ мою комнату вошла Алenuшка.

— Здравствуй! Здравствуй, Алenuшка!

— Здравствуй!—и Алenuшка повела какъ-то носикомъ, почувяла!—да прямо къ игрушкамъ.

Вся стѣна моя въ игрушкахъ. Правда, ихъ не такъ много, много о нихъ разговоровъ разныхъ, много живетъ въ нихъ чувствъ и моихъ и тѣхъ, кто меня любитъ, вотъ и кажется много, и не настоящія онѣ, игрушки, мало настоящихъ, покупныхъ, онѣ сами ко мнѣ приходятъ,—я нахожу ихъ

или мнѣ ихъ находятъ, а то тетя Аня дѣлаетъ—тетя не моя, Димы, Олега, Разбойничка, Козы Козловны тетя, имъ она и дѣлаетъ, а мнѣ заодно, очень страшныя игрушки.

— Я это знаю чтò,—Аленушка показала на подкову: подкова на стѣнѣ подъ игрушками, я повѣсилъ ее для счастья, и вотъ она первая, счастливая, бросилась въ глаза Аленушкѣ.

— Ну, скажи, Аленушка.

— Копыто!—Аленушка смотрѣла увѣренно: конечно, копыто... но, замѣтивъ, должно быть, мою улыбку, почувствовала, что не такъ сказала, и поправилась,—копыто у коней на подковахъ!—сказала Аленушка и смѣется.

Я снялъ со стѣны обезьянку, но этого мало, все снимай, все хочетъ Аленушка поглядѣть поближе, а главное, потрогать. Я подаль ей лягушку, слона, медвѣдѣ, бѣлку, куринаса—остроносаго звѣря съраго съ короткими лапками, и лютаго звѣря, лисицу, единоуха-зайца, доромидошку-трехпалаго, чернаго длиннаго съ чернымъ долгимъ хвостомъ, скакуна, стракуна, змѣю-скоропею да бѣлаго зайца.

Все, всѣхъ забрала Аленушка, на диванъ разложила,—игрушки къ ней льнули, какъ звѣри къ Адаму, когда давалъ Адамъ имена звѣрямъ.

Аленушка давала всему свои имена, и все оживало.

Голубая подушка сдѣлалась крышей, вишневый платокъ мой—ночью.

И полегли звѣри спать,—заснули игрушки. Къ нимъ подъ платокъ просунула свою мордочку и Аленушка, тоже спать. Шла долгая темная ночь и, конечно, прошла.

Первая—Аленушка, первая поднялась Аленушка, подвинула стулъ къ дивану, на стулъ поставила корзинку изъ-подъ бумагъ. Тутъ проснулись и наши звѣри.

Корзинка сдѣлалась клѣткой, а подъ стуломъ сталъ домъ.

И пошли звѣри другъ къ дружкѣ въ гости ходить да разговаривать.

Бѣлка—въ клѣткѣ, смотритъ бѣлка на улицу черезъ окошко, веселитъ домъ. А домъ лягушки-квакушки. Въ домѣ слонъ, куринасъ да медвѣдь. Стучитъ въ гости заяцъ съ лисою.

Приняли гостей, пошелъ разговоръ. Подглядывала въ домикъ змѣя-скоропея.

— Лягушка-квакушка...—вела Аленушка игрушечный свой разговоръ,—лягушка молоденькая, умѣть прыгать по деревьямъ всё-таки. Слонь... старый слоненокъ катаетъ людей, живетъ въ лѣсу, дѣтей нѣтъ. Медвѣдь на полѣ живетъ, можетъ лисицу катать, жена—медвѣдиха. Обезьянка умѣетъ на деревьяхъ лазить, умѣетъ чихать. Куринаясь-звѣрь никого не катаетъ, не лазаютъ, просто онъ ходитъ по лѣсамъ, грибы ѣстъ. Лютый звѣрь — горничная у лисы, служилъ прежде у зайцевъ. Вермидошка—великанъ-звѣрь, мама звѣрей, у него зубки есть, руки есть, какъ у обезьянки. Бѣлка-кухарка, варитъ орѣшки, пушистенькая. Скакунъ-прыгунъ по кустамъ въ жаркой странѣ. Стракунъ-кузнечикъ, чик-чик...

Находились другъ къ другу звѣри, надоѣло по гостямъ ходить, насталъ у звѣрей вечеръ, задремали звѣри, заскучала Аленушка.

— Аленушка, а пѣсенку?—трогаю, глажу ей коски.
И опять такъ весело смотреть, и опять засмѣялась.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабель подгоняетъ...

Поетъ Аленушка свою пѣсенку.

— Аленушка, когда ты смотришь, весь міръ черезъ тебя смотреть съ пригорками, съ елочками, съ березками, а когда улыбаешься, самъ праздникъ, ясный день горитъ въ твоей улыбкѣ, васильки тамъ, кашка, колокольчики тамъ, и кукуетъ кукушка!

Мы сидимъ на диванѣ, такъ—я, такъ—Аленушка, рядомъ. Аленушка рассказываетъ мнѣ о какой-то Надеждѣ Сергѣевнѣ, которую она знаетъ, о какомъ-то Варельянѣ Сервестовичѣ, надъ которымъ долго бьется, выговаривая мудреное имя, и о какихъ-то дѣтяхъ, о Танѣ, Юрѣ, Олѣ, Надѣ, Килькѣ, и о какой-то Лидіи Васильевнѣ, которая знаетъ много сказокъ, а сама она, Аленушка, знаетъ только одну.

— Какую?

— О Дѣдкѣ-Морозѣ, — говоритъ Аленушка, — „Тепло ли тебѣ, дѣвица, тепло ли, красная?“ „Тепло, дѣдушка!“ — Аленушка смотритъ, и видитъ, и свѣтитъ.

— Аленушка, я очень люблю игрушки, я разговариваю съ ними, какъ сейчасъ съ тобою, и я ихъ тебѣ всѣ отдамъ, если хочешь. И самыя любимыя мои: лебедя, коня, пѣтушка, краснаго слоника, мышку, все тебѣ дамъ, хочешь? Только одну, оставь мнѣ одну, завѣтную. эту — оленя-золотые рога. Я, Аленушка, задумалъ большую думу и мнѣ безъ оленя никакъ нельзя, онъ ночью рогами золотыми посвѣтитъ дорогу, оставь мнѣ оленя!

Ни оленя, ничего не взяла Аленушка, только посмотрѣла на игрушки.

Аленушкѣ одна бѣлка понравилась, бѣлка-кухарка, и съ бѣлкой на минутку скрылась Аленушка. А когда вернулась, стала съ бѣлкой у окна и долго, молча, все ее тискала, потомъ разговаривала съ ней, потомъ... хвостикъ у бѣлки отпалъ.

Оторвала Аленушка хвостъ, любя, конечно.

Пришло время домой уходить, прощаться.

Стали мы прощаться. И ужъ какъ цѣловала Аленушка бѣлку и хвостъ, а взять и ее не взяла, и хвостъ не взяла.

Пеструю ленточку изъ-подъ конфетъ подарилъ я Аленушкѣ, поцѣловалъ ее въ лобикъ, поцѣловалъ и коски ея, и ту и другую, съ красненькой ленточкой.

1912 г.

МУРКА.

У меня есть два маленьких пріятеля: Иринушка и Кира, братъ съ сестрою.

Я засталъ ихъ въ страшномъ горѣ: собаку ихъ Шумку съѣлъ волкъ. Изъ костромского ихъ Теремка пришло это печальное извѣстіе.

— Шумку волки съѣли, — встрѣтили меня оба въ одинъ голосъ и такъ же одинаково добавили: — одинъ Шумкинъ хвостъ остался.

О хвостѣ, оставшемся послѣ съѣденной Шумки, конечно, изъ Теремка ничего не сообщалось, они это сами себѣ сочинили въ утѣшеніе.

— Шумку волки съѣли! — повторяли они въ одинъ голосъ на всѣ лады, и другого разговора не выходило, все только о Шумкѣ.

Волкъ съѣлъ Шумку съ мѣсяцъ, и недѣли двѣ назадъ, какъ пришло изъ Теремка извѣстіе, и за эти двѣ недѣли дѣти не могли успокоиться, и всѣ мысли ихъ были заняты съѣденной Шумкой, собакой простой, дворяншкой, привыкшей къ своей конуркѣ, да къ костямъ, какія попадали ей изъ кухни на обѣдъ и ужинъ.

Дѣтямъ Шумка представлялась чѣмъ-то особеннымъ и ничуть не простымъ, во всякомъ случаѣ была она въ родѣ человѣка, какъ папа и мама, только что не говорила, го-

ворить по-нашему не умѣла, а зато на папѣ и мамѣ не покаться такъ было, какъ на Шумкѣ.

А волкъ—волки—волкъ взялъ, да и съѣлъ Шумку, одинъ хвостъ оставилъ.

„Ахъ, волкъ ты сѣрый волчище, Ивана-царевича изъ бѣды выручалъ и отъ смерти спасъ, а тутъ такое устроилъ! Да если-бъ хоть разъ въ жизни своей волчиной увидѣлъ ты Иринушку мою, носикъ ея (Иринушка—курнопятка у меня), и какъ она смотритъ, да никогда бы ты и не захотѣлъ съѣсть ея Шумку. „Я твою Шумку трогать не буду, буду ходить по лѣсу, будетъ Шумка бояться меня, но ужъ тутъ я ни при чемъ, я волкъ!“—сказалъ бы ты, волкъ, недогадливый. Ну, что бы тебѣ хоть разъ, разъ одинъ, посмотрѣть на Иринушку“.

— Ну, вотъ что, — сказалъ я моимъ пріятелямъ,—будетъ у васъ вмѣсто Шумки котенокъ, Муркой назовемъ, согласны?

— Согласны.

И я рассказалъ имъ о Муркѣ, какая она такая.

— Маленькій, вотъ такой, котенокъ съ длинною шерсткой, а молочко такъ хлебаешь... усы напыжить и мордочкой покачиваетъ, Мурка.

Я сказалъ имъ о этой Муркѣ потому, что какъ разъ накануне былъ я у знакомаго въ гостяхъ и тотъ предлагалъ мнѣ котенка взять: два котенка у него, — кошка Мурка и котъ Василій. Я тогда отказался, но теперь, желая чѣмъ-нибудь загладить волкову промашку и утѣшить Иринушку, рѣшилъ взять котенка-Мурку: пускай она вмѣсто Шумки въ Теремкѣ живетъ, въ Теремкѣ съ дѣтьми ей хорошо будетъ.

И! какъ обрадовались, забыли и Шумку, хвостъ Шумкинъ, лютаго сѣраго волка — волковъ, и ужъ весь вечеръ только и проговорили, что о пушистомъ котенкѣ, о моей Муркѣ.

— Завтра часа въ три принесутъ вамъ Мурку!—простился я съ пріятелями моими.

И утѣшенные, съ Муркою въ думкахъ, пошли они къ себѣ въ свою дѣтскую: завтра будетъ у нихъ Мурка.

Я извѣстилъ знакомаго, далъ ему адресъ и попросилъ завтра же къ тремъ часамъ послать дѣтямъ ту самую Мурку, отъ которой я отказался. И знакомый мой отвѣтилъ мнѣ, что все исполнить непременно: труда ему особеннаго не будетъ—отъ Покрова до Мясной улицы три шага, близко, и котенка не простудишь.

Я такъ былъ увѣренъ, что онъ все исполнить.

„Ну, — думаю, — теперь ужъ мучаютъ мою Мурку, но и любятъ, какъ, конечно, ни я, ни тотъ мой знакомый не полюбили бы, и говорятъ съ ней, разговариваютъ, какъ только могутъ одни дѣти говорить съ животными, какъ-то и за па-нибрата и съ уваженіемъ.

Черезъ мѣсяцъ встрѣчаю ихъ мать.

— Ну, что, — спрашиваю, — какъ Мурка?

— Какая Мурка? — и рассказала она мнѣ, какихъ я ей дѣлъ надѣлалъ, какихъ хлопотъ съ этой Муркой, оказывается, никто и не думалъ присылать имъ котенка, — а какъ дѣти-то ждали! Съ утра съ самаго на всякій звонокъ бѣгали къ двери, не несутъ ли котенка, не идетъ ли Мурка? И за столъ не усадишь, не ѣдятъ ничего, все ждутъ, до ночи ждали...

Я къ знакомому:

— Что же это, — говорю, — тамъ ждали, а вы...

Оправдывается: отдавать будто ему тогда жалко стало.

— Весной, — говоритъ, — будутъ котята, вотъ тогда одного непременно ужъ пошлю.

Ну, ладно, будетъ весною новая Мурка, утѣшилъ я, да и дѣтей утѣшилъ.

— Весной, — говорю, — будетъ вамъ Мурка, а теперь холодно еще, простудить можете, она маленькая.

Пришла весна. Вспомнилъ я о пріятеляхъ моихъ, вспомнилъ обѣщаніе мое, вспомнилъ, какъ ждутъ они, и пошелъ къ знакомому тому котенка просить.

И что же, опять постарался: кота Василия испортилъ, а Мурку мою держалъ взаперти, какіе ужъ котяты!

— Да помилуйте, — говорю ему, — что же вы сдѣлали,

вѣдь тамъ ждали, тамъ ждутъ! Чтò я-то имъ скажу? Вѣдь, если бы вы знали, какъ ждутъ...

Смѣется, смѣшно ему, чтò не понимаю.

— Котъ лучше будетъ, понимаешь, сытый будетъ, добрый котъ, Василій, да и мебель новенькая, испортилъ бы мебель...

— Мебель! Да Богъ съ ней, туда и дорога, и пускай былъ бы котъ драный, пускай бѣгалъ бы изъ дому, пропадалъ бы и виновато возвращался бы домой исцарапанный, голодный, паршивый, мнѣ котятко надо, котенка, Мурку. Чтò я скажу имъ, Иринишкѣ и Кирѣ, какъ я имъ на глаза покажусь теперь? „Гдѣ, спросятъ, котенокъ?“ Чтò я имъ отвѣчу, гдѣ?

И я ушелъ съ пустыми руками, шелъ я мимо моего дома, мимо дома Иринишки.

„Иринишка, я тебѣ котенка достану, ну, если не я, все равно, онъ у тебя будетъ, маленькій, Мурка. Вѣдь такъ ждать, какъ ты ждала, оба вы ждали, да вамъ за это все, что хотите, должно быть и будетъ. Котенокъ почуетъ—онъ звѣрь, какъ мой волкъ, котенокъ почуетъ, самъ прибѣжить, безъ всякаго кисъ-кисъ прибѣжить. Онъ у васъ будетъ. Вѣдь вы его и не видя любите, и какъ любите! А любовь тянетъ, за версту услышишь, изъ вѣка почуешь,—онъ будетъ у васъ непременно маленькій съ хвостикомъ и съ длинной-длинной шерсткой“.

1912 г.

ЧУДО.

За чудомъ далеко не надо ходить, а за границу ѣздить и подавно.

Оно тутъ всякую минуту передъ глазами, только смотри и замѣчай. Жаль, замѣчаютъ такъ мало. А не замѣчаютъ не потому, чтобы котятми, что ли, барахтались въ жизни, нѣтъ, не такъ это просто, каждому изъ насъ больше отпущено, чѣмъ сами мы о себѣ думаемъ. Не замѣчаютъ совсѣмъ по другимъ причинамъ: или отъ своей ужасной занятости, или, странно сказать, стѣсняются...

Живя въ городѣ, читаешь по утрамъ газету, конечно, а днемъ толчешься съ людьми по занятію своему; газетныя извѣстія—на бумагѣ, знакомые твои—кругъ такой узенькій. А какъ люди живутъ по настоящему-то, народъ живетъ, все это, по крайней мѣрѣ, въ миллионъ разъ большее твоего круга, откуда увидишь?

Зналъ я одного, никогда не выѣзжавшаго изъ Петербурга, — за дѣлами все, не было и минуты свободной, такъ для него народъ волей-неволей въ полотерѣ сошелся: придуть полотеры полъ натирать, поговорить съ ними, ну, будто и къ народу, къ землѣ прикоснулся. И сколько лѣтъ такъ черезъ полотера на свѣтъ Божій смотрѣлъ, да такъ и померъ. А то одинъ съ извозчиками вѣкъ свой вѣчный проговорилъ. Съ самимъ-то съ собой, да съ событіями изъ газетъ

всякихъ, да съ людьми съ тѣми, что всякій день видишь на занятіи, такъ, должно быть, очертѣть, тутъ и полотеру радъ, тутъ и за извозчика возьмешься.

Скажу вамъ, тоже въ трамваѣ можно видѣть много, если смотрѣть, о своемъ не очень думать. Разговоръ, конечно, заводить не придется, и слушать, пожалуй, мало чего—въ трамваѣ разговаривать не принято, но больше и главное смотрѣть.

Сѣлъ я разъ у Гостинаго, днемъ это было, и какъ на подборъ, полонъ трамвай и такихъ ужасныхъ звѣрскихъ, не звѣрскихъ, а насѣкомыхъ какихъ-то лицъ.

Вы представьте себѣ таракана, только страшно увеличеннаго, или блоху, только страшно увеличенную, и отбросьте отъ всѣхъ отъ нихъ усики всякіе, крылышки, или у червяка ножки его червячьи и туловище, одну ихъ голову возьмите и увеличьте ее до крайности,—вотъ какія собрались лица.

Когда идешь по Невскому и встрѣчаются такіа чудовища, впечатлѣніе какъ-то сглаживается, все это идетъ мимо, другимъ смѣняется, ну, а тутъ на полчаса, на четверть часа ты окруженъ ими, и невольно смотришь и разсматриваешь.

Такъ и ѣдешь.

Такъ мы ѣхали.

Около Николаевского вокзала у Знаменья вошелъ какой-то не то мастеровой, не то стрѣлокъ трамвайный, что по трамваямъ собираетъ, огромный, опухшій весь, а съ нимъ дѣвочка и мальчикъ: дѣвчонку онъ на рукахъ внесъ, а мальчишку за руку тянулъ.

Мѣсто освободилось, и онъ примостился съ дѣтьми прямо противъ меня.

День былъ весенній, а все не такъ еще тепло, чтобы налегкѣ такъ: ребятишки легко одѣты были, только что калоши высокія съ резинками у дѣвочки, а у мальчика сапожки одни, больше росту, задервенѣлые.

Дѣвочка примостилась на колѣняхъ, а мальчикъ какъ-то за спиной отца держался. Глаза у дѣвочки совсѣмъ свѣтлые, а у мальчика совсѣмъ черные, и оба смотрятъ невесело, молчать оба.

Повернули на Суворовскій, ѣдемъ. Смотрю я на дѣтей, и вдругъ отецъ ихъ, мастеровой онъ или стрѣлокъ нищій, мнѣ было совсѣмъ неважно, говорить что-то... какими словами онъ это сказалъ и сказалъ ли, не разобрать было, но я понималъ, что просить онъ, какъ поняли это всѣ съ насѣкомыми лицами, сосѣди мои. Поняли они, я это ясно почувствовалъ, но никто не шевельнулся, и такъ до слѣдующей остановки проѣхали, и показалось мнѣ, что очень много и страшно долго.

И вотъ одинъ кто-то изъ всѣхъ насъ, тараканъ какой-то, сунулъ въ руку этому мастеровому копѣйку, а за этимъ тараканомъ и всѣ потянулись, весь трамвай, блохи, мухи, мокрицы.

Я посмотрѣлъ на чудовищъ моихъ, а у всѣхъ глаза опущены, никто не смотритъ, ни въ окно, ни на сосѣдей. Одни мои глаза смотрѣли, нѣтъ, еще смотрѣли тѣ совсѣмъ свѣтлые,—дѣвочка смотрѣла.

И я не узналъ никого.

Какъ странно! Или не тотъ вагонъ,—лицъ не узналъ я.

Это были совсѣмъ другія лица, и ничего-то не осталось ни тараканяго, ни блошинаго.

Дѣвочка болтала калошами, а глаза такъ и свѣтили, такіе свѣтлые, мальчонка что-то заговаривалъ, въ окно посматривалъ, пальцемъ по стеклу водилъ.

Какъ странно! Я все смотрѣлъ, и до послѣдней остановки до перевоза доѣхалъ, все смотрѣлъ, а всѣ сидѣли, совсѣмъ не тѣ, и у всѣхъ глаза были опущены.

Какая-то старушонка, барыня старая, паучихой показалась мнѣ тамъ, у Гостиного, передъ тѣмъ какъ вылѣзть, сгорбленная такая, качаясь, чуть не падая, костлявой жалкой рукой потянулась съ своимъ мѣдякомъ и пошла.

И тутъ я увидѣлъ, какъ глаза ея запалые, заплаканные—совсѣмъ не паучиха!—до того горько смотрѣли и, можетъ быть, въ послѣдній разъ смотрѣли, а завтра тамъ увидятъ, что-то да увидятъ, и, можетъ быть, кому о насъ всѣхъ расскажутъ, все наше, это расскажемъ.

1912 г.

БОЧЕНОЧЕКЪ.

Если Оля усядется на диванъ, то ноги ея далеко не достаютъ до края, такъ что и еще одному свободно помѣститься можно, такая Оля еще маленькая.

Куколъ Оля не любитъ, а подарятъ ей куклу, отдастъ другимъ дѣтямъ, сама не играетъ. Всю любовь ея забрали себѣ маленькія всякія вещицы, такія разныя чашечки маленькія, коробочки, боченочки, и съ ними Оля играетъ, какъ въ куклы, прячетъ, перекладываетъ, хранить.

Эти драгоценности свои хранитъ Оля въ большой черной шкатулкѣ—любимая бабушка подарила, въ шкатулку же складываетъ она и подарки—коробки съ конфетами,—ихъ у нея тихонько отбираютъ, и не догадывается Оля, не замѣчаетъ!—и въ эту же шкатулку на масляницѣ Оля и блины положила, чтобы лежали ея блины,—все вмѣстѣ.

А есть у Оли любимыя вещицы, съ ними она рѣдко когда расстаётся, и все съ собой таскаетъ, любимыя.

Была Оля въ гостяхъ у сосѣдей, вернулась домой, хватъ, а любимаго боченочка и нѣту—нѣту боченочка, забыла!—и сейчасъ назадъ собралась къ сосѣдямъ: боченочекъ тамъ, она знаетъ гдѣ, она живо пробѣжитъ за нимъ, и опять онъ съ нею будетъ, маленький ея боченочекъ.

И ужъ сбѣжала Оля съ крыльца черезъ дворъ бѣжать къ сосѣдямъ, но тутъ постигла ее неудача: на дворъ забѣ-

жала собака, да не какая, а бѣшеная — бѣшенка-собака, и по двору поднялся такой шумъ и гамъ, такъ всѣ переполошились—дѣтей уводили въ домъ, и Олю Фатевна нянька потащила за собою назадъ въ комнаты.

Какъ передъ грозой, затворяли въ домѣ окна, и всѣ двери были заперты. Жутко на дворѣ были собаки.

Жутко на дворѣ было, и посмотрѣть страшно. На вой сбѣгались съ дворовъ собаки, а бѣшеная съ ними управлялась, бѣшенка катала собакъ — она набрасывалась на собакъ, и рвала ихъ зубами, опрокинетъ собаку на-земь и опрокинутую рветъ, только шерсть летитъ. Кубаремъ катались собаки, на голову визжали отъ боли, какимъ-то клокочущимъ и раздирающимъ визгомъ. Бѣшенный визгъ и вой стоялъ по двору.

Куда и думать было и не только выйти во дворъ, но и носъ показать за дверь — по самому важному дѣлу едва-ли кто бы рѣшился выйти изъ дому. Были отряжены люди за мужиками, и теперь дожидались этихъ мужиковъ: придутъ они съ кольями, прикончатъ бѣшенку.

Но какъ же тутъ быть, какъ Олѣ такъ долго оставаться безъ ея любимаго боченочка, ждать она не хочетъ, ей сейчасъ его надо, — и ну Оля плакать, да какъ! Оля такая: если чего захочетъ, такъ ей и подавай сейчасъ—на полъ ляжетъ, на полу по полу руками и ногами бьется, — изволь подать!

У Ильменевыхъ сидѣли гости. И всякій тутъ, какъ могъ, уговаривать сталъ Олю и утѣшать, о мужикахъ толковали ей, вотъ придутъ мужики съ кольями и тогда хоть куда хочешь, а то все равно никто не пойдетъ за боченочкомъ, никто не согласится, всѣ люди попрятались.

А Оля слышать ничего не хочетъ: бьется на полу, плачетъ, да какъ! — давай и давай ей боченочекъ, достань его сейчасъ!

И вотъ отецъ Оли—любилъ онъ свою дочку!—взялъ палку, поднялъ съ полу на руки къ себѣ Олю — Оля крѣпко охватила его за шею, куда дѣвались и слезы! — и пошелъ съ

ней изъ комнатъ, отперъ дверь, вышелъ на крыльцо и прямо во дворъ.

И тотчасъ бѣшенка бросила собакъ и кинулась на него.

Дорога отъ крыльца до калитки показалась Олѣ такой долгой, какъ отъ крыльца до церкви, нѣтъ, еще длиннѣе, какъ отъ крыльца до мельницы. Очень, очень страшно было Олѣ.

Палкой отбивался отецъ, отшвыривалъ собаку, палкой совалъ собакъ въ горло—засовывалъ палку ей въ самое горло, задыхалась собака, отставала и снова накидывалась и еще бѣшеннѣе и злѣе еще.

Очень, очень страшно было Олѣ, и отъ страха все крѣпче и крѣпче хваталась Оля за шею отца, стискивала рученками своими и ужъ такъ крѣпко, что отецъ и кричать не могъ на собаку, Оля душила его, и не догадывалась, не замѣчала! — Оля думала, что папа ничего не боится и только ей, Олѣ, очень, очень страшно.

Долгая дорога отъ крыльца до калитки окончилась благополучно, отецъ вынесъ Олю за ворота, и скоро въ рукахъ у Оли былъ опять ея любимый боченочекъ.

Тутъ и мужики подоспѣли, несли они колья на бѣшенку-собаку.

1913 г.

ЗВѢЗДЫ.

Вотъ, думаешь иногда, и особенно въ минуты, когда проволочнымъ загорожденіемъ огородишь себя отъ міра, или нѣтъ, когда въ самую гущу жизни войдешь и весь общарапаешься,—что если бы собрать всѣ улыбки, отъ которыхъ тлѣетъ на сердцѣ, взгляды всѣ, отъ которыхъ и въ самой густой темнотѣ свѣтлѣетъ, соединить это все и показать міру, да вѣдь какъ бы тогда ожилъ міръ, земля ожила бы. Вѣдь это было бы для міра, что теплый дождь землѣ, послѣ котораго дышать легко и сладко.

Я и у большихъ, у взрослыхъ встрѣчалъ, но у дѣтей чаще какую-то такую радость, захватывающую всю твою душу, отчего сердце ходитъ, и такъ бы вотъ вышелъ куда на площадь и прокричалъ бы всѣмъ о ней, что видѣлъ ее, эту радость, и зову всѣхъ посмотрѣть, пока не поздно еще.

Моимъ сосѣдомъ въ трамваѣ оказался мальчикъ и съ нимъ нянька, строгая такая, русская, со шрамомъ на лбу, и сердечная. Я видѣлъ, какъ она все посматривала на мальчика.

Зимой вечеромъ это было въ освѣщенномъ трамваѣ ѣхалъ я по Бассейной съ Михайловской.

Мальчикъ повязанъ былъ башлыкомъ, личико страшно блѣдное, а глаза минутами прямо какъ у большого, и большіе такіе, ну, звѣзды. Не переставая, рассказывалъ онъ

нянѣкѣ своей и все какъ-то руку подымалъ, варешку свою черную съ однимъ большимъ пальчикомъ.

Изъ всѣхъ разговоровъ его я понялъ, что лежалъ онъ въ больницѣ, и вотъ нянька везетъ его домой, выписала. Матери у него нѣтъ, съ отцомъ онъ живетъ, и, должно быть, не очень-то живутъ, отецъ служить гдѣ-нибудь, чиновникъ. За мальчикомъ нянька ходить.

Лежалъ Женя въ больницѣ, боленъ былъ и трудно. Шейка у него бѣлымъ носовымъ платкомъ повязана. Что такое могло быть съ нимъ, скарлатина, дифтеритъ или еще какая болѣзнь опасная, только видно было, близко подошла къ нему его ранняя смерть,—неизвѣстная, любить она такихъ, какъ Женя съ большими глазами.

Женя рассказывалъ нянѣкѣ, какъ въ больницѣ къ одной дѣвочкѣ мать пріѣзжала и привезла много пирожныхъ разныхъ, трубочки, и онъ тоже ѣлъ ихъ, и почему-то было очень смѣшно. Женя рассказывалъ, словно только-только что говорить научился, торопился, все пересказать хотѣлъ, что видѣлъ и слышалъ. И смѣялся. Это когда онъ выздоравливать сталъ, произошло что-то смѣшное. Смѣялся онъ и рассказывалъ.

А я думалъ, не разбирая словъ, слыша лишь одинъ его смѣхъ, какъ ему хорошо все, вся эта жизнь наша хороша, и такъ ее много у него, что и дѣвать-то некуда, всю раздарилъ бы и еще осталось бы. И вотъ она бьетъ изъ души у него, изъ самой глубины ея, и свѣтится черезъ большіе глаза его—звѣзды, и свѣтитъ мнѣ прямо въ душу.

И совсѣмъ вѣдь неважно, что отецъ его мелкій чиновникъ, получаетъ гроши какіе-то, и въ домѣ нѣтъ матери, и квартирнка у нихъ тѣсная, и холодно, совсѣмъ это неважно, у него сейчасъ міръ весь со звѣздами—домъ его.

И мнѣ не хотѣлось выходить, такъ бы все и сидѣлъ и слушалъ и смотрѣлъ, и смотрѣлъ бы на него, на его открытые, словно впервые увидѣвшіе жизнь, такіе большіе глаза-звѣзды, на улыбку его, на его бѣлый платокъ.

Счастливый, какъ онъ былъ счастливъ! И за эти счастливыя минуты его—и мои счастливые я благословляю нашу тревожную, жуткую и невѣрную и, какъ смерть, неизвѣстную жизнь.

1912 г.

БѢЛЫЙ ЗАЯЦЪ.

Ѣхаль я какъ-то изъ Петербурга, скажу прямо, въ ожесточеніи Ѣхаль я: много было такого, чего душа никакъ не могла принять. И я не только не ожидалъ встрѣтить что-нибудь хорошее, напротивъ, самъ какъ-то вызывалъ дурное, искалъ его.

Въ одномъ купѣ со мной оказался актеръ, и этотъ актеръ разсказами своими о всякихъ закулисахъ и жалобой на всякую подлость актерскую еще болѣе растравилъ мое отравленное ожесточенное чувство.

Ожесточеніе я вижу съ головой ежиной, отчаяніе представляется мнѣ совсѣмъ безъ головы, вмѣсто головы торчитъ щетина. Богъ миловаль, до этого еще не дошло.

Проѣхали мы тягучую ночь, слѣзъ мой актеръ, и освободившееся мѣсто занялъ старичокъ генераль.

Ѣхали, помалкивали. Была у меня съ собой книжка, думалъ, почитаю тихонько и успокоюсь. Да куда ужъ читать: все во мнѣ ходуномъ ходило. И строчку до конца не доведешь, вспомнишь что-нибудь, вспомнишь день какой, и заслонить жизнь строчку, потеряешь нить, начинай сначала.

Долго я такъ бился и страницу не осилилъ, сложилъ книжку. Такъ сидѣть—скучно, вышелъ я въ коридоръ и вижу, изъ сосѣдняго купѣ выглядываетъ мальчикъ. Въ другое время, ужъ навѣрное, заговорилъ бы съ нимъ, а тутъ какъ-то не

до кого было, — пускай выглядываетъ, все равно. Стоялъ я у окна, смотрѣлъ.

Весна была, чуть только деревья одѣлись въ свою такую нѣжную весеннюю зелень, когда каждый листокъ отдѣльно видишь, такой нѣжный зеленый, и вѣришь и не вѣришь, словно не вправду все, и кажется только.

Долго я такъ смотрѣлъ и еще бы смотрѣлъ, если бы не остановка: поѣздъ вдругъ остановился. Я—на площадку.

— Что случилось?—спрашиваю пассажира: изъ другого вагона вышелъ пассажиръ, какъ и я, должно быть, посмотрѣть, что случилось.

— Лошадь подъ поѣздъ попала,—сказалъ пассажиръ.

— Переѣхали лошадь,—сказалъ проводникъ, тоже вышедшій на площадку, —хвостъ нашли, внутренности, кишки, а лошади самой нѣту, — и онъ нагнулся къ буферамъ, посматривая на рельсы:—можетъ, гдѣ и лежитъ.

И я нагнулся:

„Тронется,—думаю, — поѣздъ, буду слѣдить, на рельсахъ коня увижу!“—и вдругъ почувствовалъ, что сзади кто-то протискивается. Оглянулся, а это тотъ самый мальчикъ, что изъ купэ выглядывалъ: онъ слышалъ нашъ разговоръ и тоже тянулся коня на рельсахъ смотрѣть.

Я отвелъ мальчика въ вагонъ, съ этого и началось наше знакомство.

И ужъ не одинъ я стоялъ у окна, а съ Костей. И Костя какъ и я, смотрѣлъ на зеленые деревца, на зеленое поле. Костя все ждалъ, не выйдутъ ли медвѣди: медвѣди въ лѣсу живутъ, за деревьями.

Была большая остановка. На платформѣ къ окну подошли дѣвочки съ молокомъ, а у самой маленькой въ лукошкѣ сидѣли зайцы: зайцы, какъ зайцы—уши, какъ слѣдуетъ, усы нитяные, хвоста совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто глазъ черная пуговица и всѣ зайцы разные, одни въ зеленыхъ пятнахъ, другіе въ малиновыхъ, третьи въ кубовыхъ,—пятачокъ за зайца.

Я выбралъ себѣ малиноваго. Подаетъ его мнѣ дѣвочка.

— Спасибо!—слышу голосъ сзади, и чья-то рука тянется, за моимъ зайцемъ.

Да это Костя, Костя тянулся за моимъ зайцемъ.

Ну, и отдалъ я ему зайца, и началось у насъ не просто знакомство, настоящее пріятельство.

Заяцъ, конечно, оказался живой, какъ самъ Костя, только спить заяцъ. Но это не сразу открылъ Костя: Костя долго трогалъ зайца, глаза зайчи—пуговицы, и какъ-то тревожно посматривалъ на меня, потомъ уронилъ его на полъ, поднялъ, поднесъ ко рту и успокоился: заяцъ живой, только спить заяцъ.

Костя не разставался съ зайцемъ и ни на шагъ не отходилъ отъ меня.

Мы сидѣли въ купѣ и разговаривали. И молчаливый старичокъ генералъ разговорился. Заяцъ разговорилъ генерала.

Генералъ разсказалъ намъ, какъ онъ ѣздилъ къ сыну, сына провѣдать, заѣзжалъ помолиться къ Ефросиніи Полоцкой въ Полоцкъ, а теперь домой въ Николаевъ ѣдетъ.

Старый старикъ генералъ нашъ, дѣдушка, нѣтъ зубовъ у него, а у Кости мѣняются, и хотъ осталось, да не очень много. Сижу, ни о чемъ не думаю, дремлетъ. Генералъ съ Костей ведутъ разговоръ: одинъ другого спрашиваетъ и отвѣчаютъ другъ другу. Что говоритъ генералъ, врядъ ли понятно Костѣ, непонятны и Костины слова генералу, но разговоръ идетъ мирно.

И вообрази Костя, что генералъ, какъ только настанетъ ночь, заснуть всѣ, тутъ генералъ возьметъ, да и украдетъ у Кости зайца. А вообразилъ это Костя, должно быть, потому, что старичокъ ужъ очень зайца его гладилъ и за усь теребилъ и похваливалъ.

И до самага вечера только тѣмъ и былъ занятъ Костя, что отъ генерала зайца пряталъ, мать свою растормошилъ совѣмъ, добивался до большого тяжелого чемодана, въ самый чемоданъ хотѣлъ запрятать отъ генерала своего зайца.

Сѣлъ ли чего Костя или отъ тряски, разболѣлся вдругъ

у Кости животикъ и уложили его бай-бай и зайца его съ нимъ.

Не простился я съ Костей, не погладилъ его зайца и генераль не простился. Вдвоемъ съ генераломъ безъ Кости остались мы проводить ночь. И всю ночь просидѣли мы другъ противъ друга, всю ночь проговорили. Не я, старичокъ генераль говорилъ: рассказалъ онъ мнѣ всю свою жизнь большую и долгую и трудную. И было въ ней столько добра и теплоты и любви и вѣрности и желанія — вся жизнь для другихъ прошла.

Стало свѣтать, уложилъ я старика и самъ прилегъ.

Въ сосѣднемъ купѣ Костя спалъ съ зайцемъ. Костя спалъ и Костинъ врагъ—генераль спалъ, оба спали тихо.

И я подумалъ:

„Чудакъ ты, Костя, ну, зачѣмъ дѣдушкѣ твоего зайца брать, у него свой есть. И живи онъ въ старое время, его непременно изобразили бы съ зайцемъ, какъ въ житіяхъ за-творниковъ пишутъ. Спи, Костя, ты съ своимъ зайченкомъ малиновымъ, а нашъ дѣдушка съ своимъ, онъ, Костя, у него совсѣмъ-совсѣмъ бѣлый“.

1912 г.

ЗАВѢТНЫЯ СКАЗКИ.

Былъ я тогда совсѣмъ маленькій, лѣтъ шесть мнѣ было, не больше, и былъ у меня пріятель котъ, такой котъ-воркота чудесный, бѣлогорлистая шея, сѣрый хвостъ, и очень усатый, а курлыкалъ и мурлыкалъ въ родѣ какъ разговаривалъ. Не помню, съ чего повелось, только ввечеру, передъ ужиномъ я укладывался на полъ, у горячей печки, и тутъ же прилаживалась къ печкѣ старая наша нянька, и приходилъ котъ мой любимый.

Свѣтъ не зажигали въ дѣтской, одна лампадка горѣла у Скорбящей—малый огонекъ, а все видно: старуха-нянька за лампадкой ходила.

Котъ запѣвалъ пѣсню—гдѣ-то теперь мой котъ усатый, гдѣ его душа витаетъ?—запѣвалъ котъ ласково пѣсни, тепло ему, пріятно было: тамъ подъ поломъ тоненько скреблась мышка-теретышка, я ему, усатому, подъ его бѣлымъ горлышкомъ шейку почесывалъ,—и нянька начинала сказку.

Пѣлась пѣсня, сказывалась сказка—объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ, моя любимая сказка.

Я все мечталъ обернуться волкомъ, стать самимъ сѣрымъ, и все твердилъ за старухой, какъ скажу Ивану-царевичу, когда, не узнавъ меня, примется за меня царевичъ:

— Не губи меня, Иванъ-царевичъ, я тебѣ пригожусь!

Я все мечталъ, я все хотѣлъ пройти ту опасность смерт-

ную, что волку выпала. Вѣдь, волкъ-то для царевича все сдѣлаеть, волкъ изъ бѣды царевича выручить, отъ самой смерти, ужъ на куски разрѣзаннаго, снова вернуть къ жизни, а царевичъ смотреть и не узнаеть волка, не видитъ, не узнаеть сѣраго и хочеть порѣшить съ нимъ.

— Не губи меня, Иванъ-царевичъ, я тебѣ пригожусь!

Такъ съ полнымъ сердцемъ, готовымъ къ смертной опасности, я слушалъ любимую сказку и повторялъ заветныя слова сѣраго волка.

Ужъ по двору дрѣма бродила, собирала она нарядъ себѣ, спрашивала, гдѣ кто спитъ, и рыбка-соломенка ни хвостика у ней, ни ребрышка, только одна спинка—огненная рыбка плыла у меня въ глазахъ.

Но, бывало, въ сумерки... но это ужъ про другое изъ тѣхъ же первыхъ дней, когда зацвѣтшая крапива да лапушникъ казались, какъ кудрявая калина, калина—съ горку, гора, какъ облаки, а облаки-небо, какъ крыша, чуть что развѣ повыше нашей крыши, другое я вспоминаю, такое странное—и легкое и грустное, какъ тонкій сонъ.

Къ намъ въ домъ приходила бѣлица—молоденькая монашка изъ монастыря, бѣлица. И, бывало, въ сумерки я любилъ, когда совсѣмъ неслышно, вся въ черномъ, она входила въ нашу дѣтскую.

Она примащивалась на полу, и я подлѣ нея свертывался калачикомъ, я клалъ голову въ ея колѣни, и она искала у меня вошку—ласково такъ гладила по головѣ, перебирала волосокъ за волоскомъ, раскладывала волосокъ къ волоску, а сама рассказывала. Такъ не рассказывала нянька-старуха, нѣтъ, совсѣмъ другимъ голосомъ, совсѣмъ другими словами, и про другое, не объ Иванѣ-царевичѣ, о лебедяхъ, о корабляхъ воздушныхъ, о морѣ, о морской царевнѣ рассказывала она сказку.

И я лежалъ тихонько и слушалъ, и думалъ въ тонкомъ снѣ, легкомъ и грустномъ. И вдругъ замолкалъ голосъ, обры-

валась сказка... и тогда тихонько подымалъ я голову и съ замерѣвшимъ сердцемъ глядѣлъ на нее, въ глаза ея, а въ глазахъ у нея, какъ волны,—шла волна за волной.

О лебедяхъ, о корабляхъ воздушныхъ, о морѣ, о морской царевнѣ—какія это были странныя сказки!

Потомъ она пропала.

— Пропала дѣвка!—разъ услышалъ я, какъ разговаривали большіе: старуха, наша старая нянька, сказала.

И правда, вѣдь, пропала. И я ужъ никогда ее не видѣлъ—не показывалась она у насъ въ домѣ, не приходила въ дѣтскую, и я больше нигдѣ ее не встрѣчалъ, ни въ церкви, ни въ монастырѣ, ни на улицѣ,—пропала, какъ въ воду канула.

О лебедяхъ, о корабляхъ воздушныхъ, о морѣ, о морской царевнѣ... и въ глазахъ, какъ волны, шла волна за волной...—такія это были странныя сказки!

И все позабылось, другое вошло въ душу, другимъ занялись мысли. Померла старуха-нянька—царство ей небесное, и гдѣ-то теперь ея душа отдыхаетъ?—и нянька не вспоминалась, ни ея сказка.

И вотъ ужъ много спустя, однажды ночью, въ глухой часъ проходилъ я длинными бульварами, лѣтомъ, и вдругъ словно толкнуло меня, и я вспомнилъ о лебедяхъ, о корабляхъ воздушныхъ, и было, какъ въ тонкомъ снѣ, легко и грустно.

И съ замерѣвшимъ сердцемъ я засматривалъ въ глаза прохожимъ—такъ вотъ и увижу, мнѣ казалось, такъ вотъ и узнаю.

А еще много, много спустя, въ смертельной опасности опять, словно толкнуло меня, и я вспомнилъ о сѣромъ волкѣ. я на колѣни сталъ и просилъ Ивана-царевича—онъ въ своей бѣдѣ не узнавалъ меня.

— Не губи меня, Иванъ-царевичъ, я тебѣ пригожусь!

1913 г.

БАБУШКА.

Нась въ вагонѣ немного, было-то очень много, въ проходѣ стояли, да, слава Богу, кто въ Гомелѣ высадился, кто въ Жлобинѣ, кто въ Могилевѣ, вотъ на просторѣ и ѣдемъ.

Старикъ, дровяной приказчикъ съ Фонтанки, вылитый Никола со стѣнъ Оерапонтовскихъ, весь удлиненный, а ликъ малый, въ Новгородѣ на родину ѣдетъ, курскій лавочникъ съ женою, степенные люди, въ Петербургъ ѣдутъ, Петербургъ посмотрѣть, да бабушка костромская Евпраксія.

Всѣ съ богомолья ѣдутъ изъ Кіева. Показался имъ Кіевъ, что рай Божій: ни пьющаго, ни гулящаго не встрѣтили богомольцы въ Кіевѣ, ни одного не видѣли на улицѣ безобразника, а много вездѣ ходили, ходили они по святымъ мѣстамъ службы выстаивали, къ мощамъ да къ иконамъ прикладывались.

Не городъ, рай-городъ Кіевъ, лучше нѣтъ его, въ трактирахъ съ молитвою чай пьютъ, съ молитвой закусываютъ.

Только и разговоровъ о Кіевѣ, хвалятъ не хвалятъ, Бога благодарятъ.

Бабушка въ сѣренькой кофтѣ и темной короткой юбкѣ, въ темномъ платкѣ. Бабушка все по монашески, и не скажетъ какъ-нибудь „спасибо“ по нашему, а по монашески— „спаси, Господи!“, прижилась, видно, къ святынямъ, ужъ сама въ родѣ монашки сдѣлалась.

Долго и много хвалили Кіевъ, о подвижникахъ разсказывали, о нечистомъ. Не обошлось и безъ антихриста.

Бабушка и антихриста видѣла, только не въ Кіевѣ... три ему года, три лѣта, а крестилъ его попъ съ Площадки Макарий, и было знаменіе при крещеніи, самъ батюшка разсказывалъ, когда погружали дите въ купель, крикнулъ нечистый: „ой, холодно!“—и пять разъ окунулъ его батюшка, а когда помазывали, кричалъ окаянный: „ой, больно! ой, колетъ! ой, не тутъ!“

— Три года ему, окаянному, въ Красныхъ Пожняхъ живетъ,—пояснила бабушка, крестясь и поплевывая.

Такъ потихоньку да полегоньку въ благочестивыхъ разговорахъ и ѣхали.

Но вотъ и ко сну пора,—попили чайку, солнце зашло, спать пора.

Лавочникъ съ лавочницей принялись постели себѣ готовить, одѣяла всякія вытащили, войлоки, подушки, примостились, какъ дома, и старикъ Никола подостлался удобно. Только у бабушки нѣтъ ничего: положила бабушка узелокъ подъ голову—узенькую скамейку у окна у прохода выбрала она себѣ неудобную, помолилась и легла, скрестивъ руки по смертному.

И я подумалъ, глядя на ея покорное скорбное лицо, на ея кроткіе глаза, не увидѣвшіе на мѣстѣ святомъ ни пьяницы, ни гулящаго:

„Бабушка наша костромская, Россія наша, это она прилегла на узкую скамеечку ночь ночевать, прямо на голыя доски, на твердое старыми костями, бабушка наша, мать наша Россія!“

И все я слѣдилъ, какъ засыпала старуха.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!—съ молитвой затихала бабушка.

И затихла, стала похрапывать тихонько, заснула бабушка сномъ крѣпкимъ.

Тутъ лавочница вспомнила, должно быть, слово Божіе о ближнемъ, да и по жалостливости своей пожалѣла бабушку, поднялась съ постели, пошарилась, вытащила тоненькое про-

сѣтившееся одѣялишко и къ бабушкѣ, будить старуху, чтобы подостлала себѣ.

Растолкала лавочница старуху.

— Спаси Господи!—благодарила старуха, отказывалась ей и такъ ничего, заснула она съ Божьей помощью.

Но лавочница тыкала подъ бокъ одѣяло, тормошила старуху.

И поднялась бабушка, постелила лавочное одѣялишко, еще разъ поблагодарила лавочницу и легла.

Легла бабушка на мягкое, а заснуть и не можетъ.

Не спится, не можетъ никакъ приладиться бабушка, заохала.

— Господи, помилуй мя!—творить молитву, а и молитва не помогаетъ, не идетъ сонъ, бока колетъ, ломить спину, ноги гудутъ.

А лавочница богобоязная, лавочница, доброе дѣло сдѣлавъ, завела носомъ такую музыку, одна поетъ громче свиста паровознаго, звонче стука колеснаго на весь вагонъ.

Слѣдилъ я за бабушкой, жалко мнѣ было старуху.

„Бабушка наша костромская, Россія наша, и зачѣмъ тебя потревожили? Успокоилась вѣдь, и хорошо тебѣ было до солнца отдохнуть такъ, нѣтъ же, растолкали. И зачѣмъ эта глупая лавочница полѣзла съ одѣяломъ своимъ челоуѣка будить?“

Но, видно, услышалъ Богъ молитву, внялъ жалобамъ, даровалъ сонъ и бабушкѣ. И заснула, наконецъ, бабушка, тонко засвистѣла сѣрой птицей съ присвистомъ.

„Слава Богу!—подумалъ я: —успокоилась, ну и пусть отдохнетъ, измаялась, пусть ей приснится нестрашный сонъ, измучилась, измучили ее, истревожили. Пусть пока что забудется, вѣдь чуть свѣтъ подымется лавочница, возьмется добро свое складывать, хватится одѣялишка, пойдетъ, вытащить изъ-подъ старухи подстилку эту мягкую, разбудить старуху, подыметъ на ноги,—не свѣтъ, не заря, изволь вставать. Охъ, горе горькое! Ничего не подѣлаешь. А пока спи, бабушка, костромская наша, мать наша, Россія!“

1912 г.

СВѢТЪ НЕЗАХОДИМЫЙ.

БАБИНЬКА.

Намъ совсѣмъ не родная, только полюбившая насъ, чужихъ дѣтей, какъ родныхъ, встаетъ въ воспоминаніи моемъ одна старая старушка, до преклонныхъ лѣтъ экономкой присматривавшая за хозяйствомъ въ сосѣднемъ съ нами господскомъ домѣ.

Мы, дѣти, старушку звали бабинькой.

Въ сосѣднемъ господскомъ домѣ, въ подвальномъ этажѣ доживала она въ трудахъ вѣкъ свой, и три окна ея комнаты съ крѣпкой желѣзной рѣшеткой подымались прямо съ земли, точно въ землянкѣ жила она, и ужъ безъ счету жила и все такая же—бабинька съ необыкновенно добрыми, ясными глазами и всегда такой желанной и ласковой улыбкой. А передъ ея окнами вверхъ въ горку—домъ стоялъ подъ горою—разведенъ былъ богатый, искусный цвѣтникъ, и сколько тамъ всякихъ цвѣтовъ было и душистыхъ, и цвѣтущихъ, и тѣсныхъ кустовъ сколько въ цвѣту стояло всякихъ, пріотворишь лѣтомъ, бывало, калитку, и такъ и пыхнетъ на тебя духъ душистый, и особенно на закатѣ, когда политые цвѣты дышутъ, напоенные, всѣмъ своимъ цвѣтомъ. А по веснѣ, ну, какъ рай Божій, и такая тоненькая пушкомъ росла тамъ мурава-травка, и я помню, бѣлые, маленькіе такіе цвѣты были, какъ жемчужинки у Божьей Матери, и другіе синіе, какъ четки синія, на серебряной ризѣ у Троицы,—на ико-

нахъ, ихъ въ окно видно, въ кіотѣ, въ углу переднемъ, въ землянкѣ стояли, и всегда огонекъ горѣлъ передъ ними—лампадка.

Но бабинька никогда не выходила въ цвѣтникъ изъ своей землянки,—день, управившись по хозяйству, она у окна сидѣла, вязала чулокъ или на клубки сматывала шерсть, лишь изрѣдка посматривая въ цвѣтникъ—на Божій рай, на эти бѣлые, какъ жемчужинки, и на эти синіе, какъ четки, цвѣточки. Она никогда не выходила въ цвѣтникъ, и только въ субботу медленно мимо цвѣтника подымалась она въ горку къ воротамъ, такъ медленно, будто ползла,—шла ко всенощной въ нашу приходскую церковь, да утромъ въ воскресенье той же дорогой мимо цвѣтника къ ранней обѣднѣ.

У бабиньки никого не было, никакихъ родственниковъ, она одна жила въ своей землянкѣ, а у насъ было много родни, но нигдѣ, только въ землянкѣ у цвѣтника было для насъ, дѣтей, что-то родное.

Я не помню, когда я въ первый разъ отворилъ калитку въ этотъ райскій цвѣтникъ и заглянулъ въ окно землянки, я одно помню, что всякое утро, какъ итти въ училище, проходя мимо сосѣдскаго дома, я отворялъ калитку въ цвѣтникъ и шелъ по райской дорожкѣ или по скрипучему такому чистому синь-бѣлому снѣгу къ окну землянки, а на переплетѣ желѣзной рѣшетки лежало ужъ, поджидая меня, яблочко, а въ землянкѣ никого не было и только огонекъ горѣлъ передъ кіотомъ—лампадка. А когда на обратномъ пути, возвращаясь домой изъ училища, я опять подходилъ подъ окошко, у окна за работой сидѣла бабинька и ласково такъ встрѣчала своими ясными, добрыми глазами съ такой добротой горячее, и опять на рѣшеткѣ между рамъ лежало яблочко.

Намъ совсѣмъ не родная, за что-то полюбившая насъ, чужихъ дѣтей, она какъ бы сторожила изъ своей землянки, изъ цвѣтника наши дни.

Мы росли безпризорные, какіе-то уличные,—говорили, что сладу съ нами не было, и, кажется, мы ничего не боя-

лись, и все, что угодно, выдѣлывали, и если чего и не дѣлали, то только потому, что было кого бояться, но чтобы по сердцу передъ кѣмъ бы намъ совѣстно было, такого у насъ никого не было, и только одна эта старушка... и это оттого, должно быть, что одна она въ землянкѣ своей, въ цвѣтникѣ одна ждала насъ и встрѣчала съ такой горячей добротой и такъ ласково, а что она ждала насъ, это мы чуяли, это мы знали, это мы видѣли—яблочекъ всякое утро лежалъ на желѣзной рѣшеткѣ.

И вотъ я кончалъ училище, и ужъ не надо мнѣ было никакого яблочка, но я не пропускалъ утра, чтобы не зайти въ цвѣтникъ подъ окошко—яблочекъ всегда на окнѣ лежалъ, и всякій день, возвращаясь домой, опять отворялъ калитку въ цвѣтникъ—и тамъ у окошка за работой сидѣла бабинька и кивала такъ привѣтливо, съ такой добротой горячей.

А тутъ повернула судьба и пришлось мнѣ покинуть домъ. И прошло немало времени, когда мнѣ выпалъ часъ побывать на старыхъ мѣстахъ. И снова послѣ столькихъ-то лѣтъ я пошелъ въ землянку.

Старушка ужъ не хозяйничала и не сидѣла за работой, она ужъ не могла ходить, она лежала въ постели головой къ окнамъ, къ цвѣтнику.

Я тихонько вошелъ—передъ кіотомъ по-старому горѣлъ огонекъ-лампадка—я стоялъ тихонько... бабинька—такая же, какъ много-много лѣтъ, только какъ-то вся просвѣтлѣла. Она узнала меня и такимъ свѣтомъ и слезами тихо наполнялись ея глаза.

Въ тотъ годъ и померла. Весною она померла въ маѣ, когда въ цвѣтникѣ передъ окнами зацвѣли первые бѣлые, какъ жемчужинки, и синіе, какъ четки, маленькіе цвѣточки. И гробъ ея несли мимо цвѣтника... я не былъ на похоронахъ, я только черезъ мѣсяцъ узналъ, что бабиньки ужъ нѣтъ, похоронили.

Нынче снится мнѣ бабинька, была она маленькая и вся круглая, а тутъ снится и маленькая, да однѣ кости, вся вы-

сохла, и выходитъ она будто изъ землянки своей, на палочку опирается—такъ послѣдніе годы, говорили мнѣ, она все съ палочкой ходила, и я будто тутъ же стою. Посмотрѣла она на меня и говорить:

„Что же ты никогда не зайдешь ко мнѣ?“

И довелось мнѣ снова на старыхъ мѣстахъ побывать. Спозаранку собрался я, вспомнилъ сонъ, ѣхалъ на кладбище, и все представлялъ себѣ, какъ найду я могилу, положу яблочекъ, поклонюсь до земли, и какъ скажу я, что никогда въ жизни не забывалъ я ни цвѣтника, ни землянки и, кажется, до послѣдняго издыханія моего сохранию всю память въ сердцѣ своемъ, сберегу свѣтъ этотъ... свѣтъ доброты горячей и ласки.

Противъ меня сидѣли двѣ монашки: одна глубокая старица, съ ликомъ главы адамовой, другая молодая—ликъ безбровый, треугольный, и съ ними, рядомъ со мною, такъ сынъ заблудный родителей благочестивыхъ, изъ купечества видно, куда-то ѣхалъ онъ съ ними, по родительскому наказу, или по своей волѣ, не знаю, и что-то горькое было въ его молодомъ русскомъ красивомъ лицѣ...

— Вотъ я и спрашиваю,—говорилъ онъ вполголоса,—Божье-то есть въ человѣкѣ, подобіе-то Божье, или это такъ въ утѣшеніе сказано, для порядку? Съ подобіемъ-то все куда легче и умствовать и мудрствовать! Весь законъ на этомъ стоитъ, и всѣ правила, и почему такъ дѣлай, а не этакъ, и что можно и чего нельзя. Ну, а если это только для порядку положено, то и законъ весь на смарку?

— Фарисейскихъ книжекъ начитался, превыше папаши хочешь быть!—мотнула молодая монашка, ликъ треугольный.

Но онъ продолжалъ:

— Ну, и развѣ это такъ страшно? И безъ Божьяго, безъ подобія все останется по-старому, да какъ разъ и будетъ то, что есть, что и происходитъ.

— Рожокъ антихристовъ!—безнадежно укорнула глава адамова—старица.

— Да развѣ на самомъ-то дѣлѣ, по правдѣ-то, подобіе

это признается, кто признаетъ?—ужъ горячился сынъ заблудный,—да вся наша жизнь, весь корень жизни нашей отвергаетъ его и всѣ привычки наши, и самъ глазъ нашъ...

Монашки не отзывались.

Окна были раскрыты. Большой дождь шелъ. Полный такой теплый дождь лѣтній, такой благодатный, и словно впервые онъ проливался на землю, а ужъ прошелъ Ильинъ день, и отъ полноты его и благодати было такъ полно на волѣ и полно на сердцѣ, а синія, какъ самое синее небо, вывѣски густымъ полнымъ золотомъ написанныя, проносились по дорогѣ всѣ въ дождевыхъ полныхъ капляхъ.

И я смотрѣлъ въ окно и вспоминалъ и представлялъ себя, какъ отыщу могилу, какъ скажу, какъ поклонюсь до земли за яблочекъ... И сердце было такъ полно, какъ этотъ дождевой воздухъ, какъ эти вывѣски.

1913 г.

ЖУКЪ.

Это не тотъ Жукъ—книжка, которую мама читала, когда ждала Вѣру, это—собачка Жукъ, песикъ нашъ любимый.

Когда Вѣра сказала, что ей песика учительница подарить обѣщаетъ, мама забеспокоилась: и возни съ нимъ много, смотрѣть надо, да и налогъ порядочный. Жили мы, еле концы сводили съ концами, не дома, не въ Россіи мы жили,—я досталъ себѣ службу и жалованье не Богъ знаетъ какое!—не дома, обо всемъ подумай. А Вѣра такъ размечталась, въ слезы: хочется ей непременно песика.

Мама и уступила, но съ однимъ уговоромъ, чтобы Вѣра его и гулять водила, и накормить должна, и полъ за нимъ подтеретьъ, если грѣхъ какой. На все согласилась дѣвочка, рада будетъ все для песика дѣлать.

И завелся у насъ песикъ: черненькій самъ, лапки коричневая, грудка бѣлая—Жукъ. А ужъ крошечный такой, не бываетъ такихъ,—Жукомъ и прозвали. И ко двору пришелся Жукъ, скоро обвыкъ, вездѣ бѣгаетъ, слѣдитъ по всѣмъ угламъ, но все ему прощается: и крошечный такой, и мягонькій, и ласковый.

Всѣ говорили, что такимъ маленькимъ и останется Жукъ, такимъ крошечнымъ, какихъ не бываетъ, а Жукъ, знай себѣ, растетъ и растетъ. И чѣмъ больше отъ становится, тѣмъ крѣпче мы его любимъ, за ласковость его особенно: придешь, бывало, домой со службы, а онъ ужъ тебѣ навстрѣчу—

и лаеъ, и прыгаетъ, и ластится, а то такую повадку взялъ, какъ увидить тебя и отъ радости, что ли, по всѣмъ комнатамъ бѣгать примется—изъ комнаты въ комнату, и не остановитъ ужъ ничѣмъ.

Купили мы Жуку сбруйку съ ремешкомъ, обрядили честь-честью, да куда тамъ! — всю, какъ есть, порвалъ. И ужъ пошелъ Жукъ все грызть,—и грызеть, и рветъ: мохнатый коврикъ у постели маминой выщипалъ, Вѣринъ коврикъ прогрызъ, считали бѣлье, и тутъ постарался, — манжеты и два воротничка съѣлъ, какъ не бывало; мало того, сталъ сорочки таскать, или на постель взберется и грызеть простыню, а разъ даже скатерть со стола стащилъ и всю посуду вдребезги.

Невмоготу стало съ Жукомъ, выбилась мама изъ силъ, и каждый вечеръ, какъ приду домой, на Жука мнѣ жалоба: не можетъ она съ Жукомъ справиться, и прислуга отказалась. А Вѣра плачетъ, за Жука своего боится, — Жучиха: Жучихой прозвали мы Вѣру.

Что тутъ дѣлать? Мамѣ и безъ Жука заботъ много, и нездоровится ей все, и Вѣру жалко, Жучиху,—плачетъ. Я ужъ на всѣ хитрости пустился, чтобы и маму успокоить и Вѣру не обидѣть, думалъ, угомоню Жука: и вечерами сталъ я водить его съ собой, и учу его, а сладу нѣтъ.

И рѣшаетъ мама прогнать со двора Жука — ничего съ нимъ не сдѣлаешь! Рѣшить-то она рѣшила, а вижу, и тяжело ей, вѣдь, любить она песика: всякое утро приходитъ Жукъ въ ея комнату, садится около ея постели, и сидитъ тихонько, хвостикомъ не пошевеливаетъ, дожидается, когда проснется мама, и только, когда окликнуть его, только тогда бросится, вскочитъ на постель и такую возню подыметъ и такъ кружится, ну, словно годъ не видѣлись! Да и какъ не тяжело: цѣлый день, вѣдь, одна,—я на службѣ, Вѣра въ школъ, и только Жукъ съ ней,—научился Жукъ лапу подавать и служить немного умѣетъ, станеть на лапки, правда, недолго продержится и набокъ. И тяжело ей, вижу, да не можетъ она больше.

И пришлось намъ разстаться съ Жукомъ, пришлось отдать

его назадъ учительницѣ. Вѣра Жука два раза въ недѣлю видѣть будетъ, а изрѣдка и Жукъ къ намъ въ гости ходить будетъ, — кажется, лучше и не придумаешь, а ничего не вышло!

Каждый разъ въ слезахъ возвращалась Вѣра отъ учительницы: нехорошо тамъ было Жуку, не любятъ тамъ Жучка, не знаютъ, какой онъ добрый и ласковый, нашъ любимый песикъ!—и въ слезы. Да и намъ не весело: домъ опустѣлъ, нѣтъ чего-то у насъ безъ Жука, нѣтъ шумливости, нѣтъ жизни какой-то.

Мама у насъ все прихварываетъ, трудно ей, а Жукъ какъ-никакъ развлекалъ, вѣрный песикъ, любимый песикъ,— и обиду всякую забудетъ, постегаемъ, а онъ и опять ластится, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ, обиду забывалъ... а, вѣдь, труднѣй это труднаго. Мама у насъ прихварываетъ, и очень ей трудно.

Помыкались, помыкались и опять взяли Жука въ домъ.

И ужъ на радостяхъ обѣщались мы съ Вѣрой вдвоемъ заботиться о Жукѣ, ходить за нимъ и все дѣлать, чтобы ничѣмъ больше не огорчалъ онъ маму, а только развлекалъ и радовалъ. А какъ мама-то обрадовалась! И вечеръ у насъ былъ тихій, мама даже улыбнулась... милая наша мамочка, какъ она вся измучилась, и какъ хотѣли мы съ Вѣрой, ну, что-нибудь такое сдѣлать для нея, выдумать что-нибудь такое, чтобы и не одинъ разъ, а почаще она улыбалась такъ!

Жукъ остался, зажилъ Жукъ опять съ нами, у насъ въ домѣ.

Прежде Жукъ все рвалъ и грызъ, и таскалъ, и пачкалъ, и все, бывало, прячь отъ него, — стащить и изваляетъ, да повыше запрячь, чтобы и концы не торчали, а то обязательно стянетъ и пропало, а теперь рѣзвостью одолѣлъ. Спустишь его съ ремешка по улицѣ побѣгать и ужъ не дозовешься, и битый часъ прстоишь у воротъ, кличешь—и лаской приманиваешь, и угрозой стращаешь, ухомъ не поведетъ. Разъ я какъ-то до двухъ часовъ провозился, не хотѣлось на ночь на улицѣ его оставлять, но такъ и не дождался, а не до-

ждался, онъ и смекнулъ, бѣдовый песъ, и ужъ на окликъ мой не прибѣгалъ больше. И уйдешь, бывало,—набѣгается онъ, навозится съ собаками, всѣ собаки пойдутъ домой, а онъ скулить подъ окномъ,—и въ три, и въ четыре часа одѣвайся, выходи на улицу. А случалось и днемъ, отобьется отъ рукъ и пропадетъ, ужъ думаешь, пропалъ, анъ, нѣтъ,—Жукъ возвращался, и въ какомъ видѣ: весь-то въ грязищѣ, измызганный, мѣста живого нѣтъ, истерзанный весь, сонный. Впустишь, а онъ по стѣнкѣ, такъ по стѣнкѣ и жметъ, ну, прямо по полу стелется. И ужъ рука на него не подымется. А глаза такіе грустные... и что онъ думалъ? или винился, что прогулялъ день,—какъ прогулялъ!—и вотъ вернулся, куда же ему вернуться!—и мы на него сердиться можемъ, сколько угодно, и постегать можно, если надо—мало ли, можетъ, это всегда надо!—сколько хотимъ, что хотимъ, онъ ничего, только чтобы не гнали... и смотреть такъ грустно.

Мы Жука очень любили, и онъ это зналъ, что мы его очень любимъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ невозможнѣй становилось—мама просто съ ногъ сбилась. И рѣшилъ я сразу все покончить—измучились мы съ Жукомъ!—никого не мучить, взять и завести Жука куда подальше, чтобы и дороги домой не нашелъ, совсѣмъ пропалъ. А мама и Вѣра просто въ ужасъ пришли: какъ, Жукъ, и одинъ, голодный одинъ бродить гдѣ-то на улицѣ! И ужъ не радъ я, что такое придумалъ, а, главное, не подумавши, бухнулъ. Насилу успокоилъ,—тысячу всякихъ обѣщаній далъ и клятвъ самыхъ страшныхъ никуда и никогда не уводить Жука, а дома держать, какъ прежде,—успокоилъ, успокоилось въ домѣ, и нѣсколько дней кротко всѣ проказы Жуковы сносили, потакали ему и все прощалось, но потомъ мама опять разстроилась, и опять рѣшено было разстаться съ Жукомъ.

Отдали мы Жука сосѣдкѣ прачкѣ,—за короткое время Жука всѣ по сосѣдству знали и любили песика,—прачка, старуха одинокая, очень Жуку обрадовалась. Въ заведеніе ея ходъ съ улицы, и привязала она Жука на веревку къ двери, чтобы привыкалъ песъ, Жукъ бѣдовый.

Да, видно, ни Жукъ, ни мы не могли привыкнутьъ.

Идешь, бывало, мимо прачки, хоть и по другой сторонѣ идешь, а завидить тебя Жукъ и такъ рвется къ тебѣ... А въ домѣ пусто, уныло какъ-то, Вѣра все вспоминаетъ и плачетъ—Жучиха.

И пошла мама къ прачкѣ назадъ Жука просить. А старухѣ и не хочется разставаться съ Жукомъ: она одна, у ней нѣтъ никого, а отъ песика ей теплѣе стало, одинъ онъ и приласкается къ ней и развеселитъ ее, у ней нѣтъ никого,— не хочетъ старуха отдавать Жука.

А все-таки мама упросила... мамочка наша, ей и самой тяжело, да и для насъ хотѣла сдѣлать, мамочка наша! Не одна, съ Жукомъ вернулась домой, и словно все перемѣнилось въ домѣ. Мы купили на радостяхъ матрасикъ Жуку и новую сбруйку, и зажили по-старому. И знаю, вернусь домой, и тебѣ навстрѣчу такъ и кинется песикъ, и какъ завертится, закружится передъ тобой, залаетъ такъ... Жукъ нашъ, любимый песикъ.

Вышелъ я съ Жукомъ погулять, отошли мы отъ дома, рвется Жукъ побѣгать, и стало мнѣ жалко, спустилъ я его съ ремешка — такъ и пустился. Я за нимъ, — не тутъ-то, гонялся, гонялся, а онъ все отъ меня, и все ближе мы къ старухину дому, къ прачкѣ. Самъ бѣгу, самого страхъ береть: а вдругъ да перехватить!—а совсѣмъ ужъ близко. Да, такъ и вышло, забѣжалъ онъ къ старухѣ, а старуха цапъ-царапъ, да его на веревку.

— Я,—говорить, —и простить себѣ не могу, что отдала тогда вамъ песика, а теперь, хоть полицію зови, не выпущу, мой!

Слышать ничего не хочетъ, не получишь, — и пошелъ я домой. И опять вернулся, — нѣтъ упустилъ, и думать нечего. И мама пошла — ничего не помогаетъ, не отдаетъ старуха, стоитъ на своемъ.

И такъ намъ горько было, а пуще обидно, на Жука обидно: самъ, вѣдь, къ старухѣ по своей волѣ и своею охотой пошелъ, насъ промѣнялъ! И за сердце взяло: ну, когда такъ, и не нуженъ ты намъ! А легче не стало.

А онъ, глупый, песь несмысленный, онъ, какъ завидить тебя, такъ и рвется,—такъ и рвется и визжитъ, назадъ просится. А никакой надежды нѣтъ, — развѣ, что старуха помереть!—ничего не придумаешь и идешь, не смотришь, а онъ такъ и рвется...

И оторвался! Оторвался Жукъ, самъ прибѣжалъ, да такъ и съ веревкой своей прямо. И вотъ опять съ нами. Мамочка, мамочка наша, Жукъ съ нами! И мы положили всѣ вмѣстѣ, и я, и мама, и Вѣра, все терпѣть отъ Жука, ну, что бы онъ такое ни сдѣлалъ, все претерпѣть, а никогда, въ жизнь никогда не разставаться съ нимъ.

А какой умница сталъ нашъ Жукъ—всегда просится и долго, бывало, терпитъ, пока не замѣтятъ, но въ комнатѣ—никогда, и не озорничалъ ужъ. И всего только разъ, да и чудно какъ вышло! Пришли къ намъ гости и засидѣлись, и скучные такіе, а какъ стали домой собираться, хватились муфты—нѣтъ, какъ нѣтъ, и вездѣ обшарили, нѣтъ нигдѣ, заглянули подъ столъ въ столовой, а тамъ Жукъ, и тихонечко сидитъ себѣ и перья, только перья около разбросаны—Жукъ муфту съѣлъ! Котиковая муфта, хорошая, пришлось новую купить, но Жуку ни намекомъ, ни капельки не досталось—это Жукъ за маму заступился: мама, долго если гости сидятъ скучные, разстраивается,—умница у насъ Жукъ, умный нашъ песикъ, любимый.

Умнѣлъ Жукъ—больше ужъ не огорчалъ маму, не на что было пожаловаться!—но съ умомъ и сметкой стало находить на него что-то темное, для него, можетъ, и понятное, для меня нѣтъ, тоска какая-то: сталъ Жукъ задумываться.

Сядетъ мама, шьетъ что-нибудь, и Жучекъ сейчасъ же поближе пристроится, и не ляжетъ, а такъ только лапы пригнетъ, словно сидитъ, и сидитъ, закроетъ глаза, дремлетъ—голова все ниже, все ниже опускается, и вдругъ вздрогнетъ, и опять, и опять закроетъ глаза. И куда бы ни пошла мама, Жучекъ за ней, медленной сонной походкой тянется за ней: она присядетъ и онъ усядется, она станетъ и онъ поднялся, говорить ли съ прислугой, и онъ тутъ, стоитъ, словно слушаетъ.

Или примется Жукъ вдоль стѣнъ ходить, и ходить, каждый уголь обнюхиваетъ и ничего-то не тронетъ, не скувырнетъ, ничего не зацѣпитъ, осторожно такъ ходить и все обнюхиваетъ: начнетъ съ карниза и покуда мордочкой достанетъ. Смотримъ, бывало, какъ это онъ обнюхиваетъ все и осторожно такъ и внимательно съ карниза и покуда мордочкой достанетъ, и жутко намъ смотрѣть, а спросить не спросишь, да и сказать-то онъ не скажетъ, намъ-то сказалъ бы, да не можетъ, да и не поймемъ, пожалуй. Походить, походить, обнюхаетъ все, и опять къ мамѣ, смотреть такъ на маму, точно и говорить и понимаетъ... что понимаетъ? ея бѣду понимаетъ и нашу бѣду понимаетъ,—ее, вѣдь, крѣпко мы держимъ, не говоримъ, а она всегда съ нами, и не знаемъ, куда дѣвать, и какъ избыть... мамочка наша, кто насъ надоумить, мамочка, мы на все согласны, только бы ты... только бы избыть... или Жукъ что и знаетъ? и смотреть такъ на маму.

Наша сосѣдка, другая, очень хорошая и добрая старушка, собралась въ гости и скучно ей одной, попросила Жучка—Жучка она очень любила и много ему отъ нея всякихъ косточекъ перепадало, извѣстно, старый человѣкъ обглодать кость хорошенько не можетъ, большое бывало Жуку угощеніе. Отпустили мы съ ней Жука, посидѣла она въ гостяхъ, и домой ужъ пора, а Жукъ ремешекъ-то свой и съѣлъ, что ей дѣлать? Привязала она веревку, на веревкѣ и привела домой, такъ безъ ремешка Жукъ и вернулся.

Вечеромъ понадобилось мнѣ въ лавочку за папиросами, а мама и просить Жука взять: ему погулять пора. И не хотѣлъ я его безъ ремешка брать, знаю, заупрямится и ужъ силой домой не затащишь, да взялъ, думаю, какъ-нибудь да справлюсь: въ самомъ дѣлѣ, не сидѣтъ же Жуку дома изъ-за ремешка!

Лавочка черезъ улицу. Забѣжалъ я въ лавку, зову Жука, а онъ ужъ разыгрался, куда тамъ! Ну, думаю, ничего, подождетъ на улицѣ. Купилъ папиросъ, выхожу, а онъ тутъ, у дверей сидитъ. Покликалъ я его и пошелъ, перешелъ къ

дому на другую сторону, а онъ сидить, не отходить отъ двери. Я свиснулъ,—не идетъ. Ну, думаю, что же ему тамъ ждать, пойдетъ! И правда, оглядываюсь, а Жукъ сорвался и такой веселый, такъ и скачетъ... а тамъ автомобиль. Какъ увидѣлъ я, такъ ноги и подкосились, и вижу, и Жукъ понялъ, приналегъ, да какъ скоконетъ...

Умчался автомобиль. Стою и двинуться не могу,—метнулся Жукъ, заковылялъ. Свиснулъ я тогда—и, должно быть, узналъ онъ и широкимъ кругомъ повернулъ на зовъ, и упалъ.

Собрался народъ, все сосѣдскіе, всѣ Жука знали, всѣ что-то говорятъ, а я стою, и не слышу. Подошелъ и лавочникъ, папиросы у котораго купилъ, положилъ онъ Жука въ сторонку, къ тротуару: не дышетъ ужъ.

Я домой.

— Гдѣ Жукъ?

И поняли, по лицу моему поняли,—никогда ужъ къ намъ не вернется Жукъ!

Номерокъ его есть у насъ, у Вѣры хранится вмѣстѣ съ зайцемъ, котораго ей зайца въ кроватку клали спать вмѣстѣ, да письмо къ мамѣ—Жукъ написалъ, Вѣра лапкой его водила:

„Милая наша мамочка, какъ всѣ мы тебя любимъ, я никогда не буду огорчать тебя, и Жучекъ не будетъ, мы тебя, мамочка, беречь будемъ“.

Письмо, какъ въ поминанъѣ пишутъ, большой буквой, у мамы хранится—о Жукѣ память.

1913 г.

ДИКІЕ.

Какъ-то въ самую зиму въ Вологдѣ появилось на телеграфныхъ столбахъ объявленіе: показывался живой дикій страусъ, который камнями питается, и яйцо страусово—шестьдесятъ пудовъ вѣситъ!

Въ Вологдѣ развлеченія какія! И я обрадовался случаю и пошелъ куда-то къ собору смотрѣть страуса и яйцо его.

Комната—пустое лавочное помѣщеніе—звѣринецъ, куда ввели меня, былъ жарко натопленъ, и содержатель страуса, человѣкъ живой и расторопный, Фіандра какой-то, пересылая словами изысканными, дсбро свое нахвалявая, а выражался онъ на смѣшеніи вавилонскомъ, самъ нѣтъ-нѣтъ да и подбрасывалъ полѣнъевъ въ пышашую желѣзную съ большой трубой печку,—на волѣ крѣпко, круто морозило и было сурово по-вологдски.

На стѣнѣ висѣла лампочка, тутъ подъ лампочкой и стоялъ живой страусъ, а передъ страусомъ ведро воды и кормъ его—разбросаны были наши голышки-камни рѣчные. Страусъ стоялъ съ закрытыми глазами, весь съеженный, чахлый и линялый: засыпала птица,—конечно, и камнями сытъ не будешь, и все-то ему, поди, холодно!

Хозяинъ объяснялъ качества страуса, рассказывалъ о его прожорливости каменной и непосѣдливости дикой.

— Птица уѣдливая!—повторялъ Фіандра-хозяинъ, и отъ страуса за яйцо взялся.

За перегородкой на соломѣ лежало яйцо, бѣлое—шестьдесятъ пудовъ. И хозяинъ постукивалъ ногтемъ о твердую скорлупу и даже приподнять яйцо пробовалъ,—до колѣнокъ приподнялъ яйцо: тяжесть непомѣрная!

Постоялъ я, посмотрѣлъ—шестьдесятъ пудовъ!—и вернулся къ страусу, все ждалъ, что глаза откроетъ, а не открывалъ страусъ глазъ, засыпала птица.

Хозяинъ все съ яйцомъ возился, стучалъ ногтемъ, приподымалъ до колѣнъ, но охотникамъ силу на яйцѣ помѣрить всѣмъ отказывалъ: не ровень часъ, кокнешь, и желтокъ и бѣлокъ вытекутъ и пропадутъ твои деньги—скорлупой никого не удивишь!

Завлекалъ хозяинъ диковинкой, и я еще разъ подошелъ къ яйцу, потрогалъ,—трогать можно!—и пошелъ къ себѣ на Ивановскую.

Немало прошло времени, и вотъ однажды въ Петербургѣ я наткнулся на объявленіе—на заборахъ расклеены были огромные плакаты: показывали дикихъ людей, папуасовъ, которые людей ѣдятъ. И вспомнилъ я вологодскаго страуса съ его яйцомъ въ шестьдесятъ пудовъ и пошелъ въ пассажъ куда-то людоедовъ—дикихъ людей смотрѣть.

Людоедовъ было двое, былъ, говорятъ, и третій, да въ Москвѣ померъ: простудился. Людоеды скакали и сигали на эстрадѣ и луки натягивали, представляли, будто стрѣляютъ въ публику,—всѣ въ перьяхъ и нагишомъ совсѣмъ, только поясъ на бедрахъ въ раковинкахъ.

Было такъ же жарко, какъ въ Вологдѣ за соборомъ у страуса, а публики было куда больше, нарасхватъ разбирались билеты, и совсѣмъ недешевые.

Когда кончилось представленіе, я пробрался за кулисы въ логовище, и тамъ еще жарче было, какъ въ банѣ, и душно. Людоеды бродили по логовищу и вдругъ бросались на кровать и лежали ничкомъ на брюхѣ, не двигались, словно обмирали, и опять подымались и бродили какъ въ клѣткѣ.

Прислуживалъ людоедамъ китайченоекъ: китайченоекъ въ

печку дровъ подбрасывалъ, китайченокъ и кормъ давалъ—бананы.

И сказывалъ мнѣ Фіандра, содержатель дикихъ людей, мой старый знакомый, какъ вечеромъ, какъ спать укладываться,—а спали людоеды ничкомъ на брюхѣ,—передъ сномъ своимъ дикимъ становились они на колѣни и кланялись китайченку, какъ идолу своему, поклонялись,—конечно, онъ имъ и тепло давалъ, онъ и кормилъ, и поилъ ихъ.

Такъ объяснилъ мнѣ живой и проворный Фіандра на своемъ вавилонскомъ смѣшеніи.

Языка людоедскаго я не зналъ, и они моего не знали, никакого они не знали, кромѣ своего. Но какъ-то такъ обернулось, и сталъ я съ ними объясняться, и что-то выходить стало понятное и мнѣ, и имъ.

А потомъ подарилъ я имъ корокодила-звѣря,—такая большая игрушка, змѣя есть: если за хвостъ ухватить ее, такъ будетъ она изъ стороны въ сторону поматываться, будто жалить собирается, черная, бѣлыми кружечками, а пасть красная и зубатая,—очень страшный корокодилъ-звѣрь!

И съ какимъ восторгомъ приняли людоеды эту игрушку, они пугали змѣей другъ друга, пугали Фіандру-хозяина, только не китайченка, а у насъ пошла дружба.

Не остались и дикіе въ долгу, дали они мнѣ по пучку волосъ своихъ жесткихъ, кокосовыхъ—это, должно быть, хорошо считается,—а какъ смотрѣли довѣрчиво и ласково! И всякую мелочь въ своихъ нарядахъ показывать стали и объяснять, что и къ чему.

И когда все было показано и рассказано, старшій людоедъ кротко такъ приподнялъ свой поясъ.

— Вика,—сказалъ людоедъ кротко такъ,—вика!

И мнѣ такъ жалко стало и больно—столько было довѣрчивости и такого дѣтскаго, и такого невиннаго, о чемъ намъ и подумать трудно.

Потомъ и другой людоедъ, младшій, то же продѣлалъ.

И оба отошли въ сторонку, дѣловито копались, что-то ѣли...

А я остался стоять одинъ въ логовищѣ, въ гнѣздѣ ихъ

дикомъ, одинъ не-дикій, и думалъ, о страусѣ думалъ и о пріятеляхъ моихъ этихъ.

Да, въ Вологдѣ тогда зимой такъ и заснулъ страусъ, я помню, и хоть на столбахъ все еще стояло, что страусъ живой и камнями питается, а ужъ показывали одно яйцо его въ шестьдесятъ пудовъ. А какъ же эти? Добрались съ Фіандрой до Петербурга,—до котораго мѣста дотянуть? До Риги? Или подальше?

Птица ничего сказать не умѣла, безъ стона стоялъ страусъ съ закрытыми глазами и засыпалъ, — молча умирала птица. А эти? А эти съ вѣской своей скачутъ на эстрадѣ и на ночь китайца молятъ, тоже молча, на колѣняхъ, кланяются ему и просятъ,—да о чемъ они просятъ? Благодарятъ, конечно, правъ Фіандра, за тепло благодарятъ, за бананы, ну, а еще, о чемъ они такъ молятъ и отчего такъ смотрятъ? Да спасти просятъ, отпустить туда, въ лѣса ихъ дремучіе и въ горы толкучія, въ пустыню, гдѣ они жили съ птицами и со звѣрями и улыбались довѣрчиво и кротко, какъ каждый кротко мнѣ улыбнулся и такъ невинно, когда поднялъ свой поясъ.

„Страусъ камни ѣстъ, а эти, не тутъ, не въ логовищѣ петербургскомъ, а тамъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ, людей ѣли... Но Ты, Господи, не оставишь ихъ, простишь и страусу, что камни Твои рѣчные, голышки-камушки поѣдалъ, за его терпѣніе—съ закрытыми глазами, молча умирала птица!—и дикихъ людей, людоедовъ, простишь, что людей ѣли—при мнѣ они бананы ѣли, китайченокъ давалъ имъ, да насѣкомыхъ... простишь, не оставишь ихъ за ихъ улыбку кроткую и невинность, а насъ? насъ не оставишь? Мы несчастнѣй и покинутѣй ихъ, и страуса, и людоедовъ дикихъ, терпѣнія нѣтъ у насъ и улыбки этой нѣтъ у насъ, невинности ихъ дѣтской, и твердости царской молча терпѣть, и сердце у насъ каменѣть, сердце у насъ мерзнуть. И кто же намъ дастъ тепла и свѣта, и очиститъ душу, и прояснитъ совѣсть, и зажжетъ сердце, и пробудитъ духъ, чтобы все снести, все вытерпѣть, стерпѣть даже и тогда, когда и Ты Самъ покинешь насъ?“

Я стоялъ въ логовищѣ одинъ, въ гнѣздѣ дикомъ, не-дикій
одинъ и думалъ, и было мнѣ больно и жалко.

Звонокъ зазвонилъ на эстрадѣ. Выскочилъ откуда-то кит-
тайченокъ и такой вдругъ важный погналъ дикихъ людей на
сцену: сигать и скакать имъ и представлять, какъ изъ лука
стрѣляютъ тамъ, въ лѣсахъ дремучихъ, въ горахъ толкучихъ,
въ пустынь.

1913 г.

БѢДА.

Чего только бѣда ни дѣлаетъ, бѣда да нужда! Измучить она своими муками, согнетъ до земли, сожметъ уныніемъ, унизитъ, придавитъ, да такъ, что весь, какъ мертвецъ вытянешься, да на загладку еще и подсмѣется, насмѣется вдосталь. А станешь себѣ голову ломать, на выдумкипустишься, какъ отъ бѣдыизбавиться, ужъ она тутъ-какъ-тутъ, она-то тутъ и начнетъ свои совѣты въ уши тебѣ нашептывать. И что ни совѣтъ, то пакость одна. Не видишь, за все хватаешься—и какія мечты, какія радуги подымаются!—все тебѣ кажется и просто, и легко, и хорошо, и не тебѣ только, а и всѣмъ хорошо,—будетъ отъ твоего дѣла хорошо. И примешься за дѣло, начнешь выполнять совѣтъ добрый... А на провѣрку-то, глядь, и совсѣмъ не то,—вотъ не ожидалъ! вотъ не думалъ! Господи, да что же это такое?—еще большее издѣвательство, еще большее униженіе. И какую надо силу, чтобы все вынести, или Божью благодать надо вымолить себѣ и все вытерпѣть, согнуться, пропасть и стать изъ пропада и униженія!

Когда въ Петербургѣ, такъ повелось нынче, цвѣты продаютъ во всякую пользу, Петербургъ оживаетъ. Какія новыя лица на улицахъ, какія веселыя и бодрыя,—щитъ несутъ со цвѣтами, пристають къ прохожимъ цвѣтокъ купить, и такъ пристають, что отказать невозможно: постоишь, посмотришь,

увидишь эту молодость и бодрость, и увѣренность, да и полѣзешь въ карманъ за гривенникомъ. Молодые больше, студенты, барышни, и ужъ непременно у каждой свой спутникъ. День денской по улицамъ бродятъ со цвѣтками своими, съ улыбкой, со смѣхомъ своимъ, пристають купить цвѣтокъ, прикалываютъ цвѣтки, подъ дождемъ, въ стужу нашу, въ изморозь ходятъ, и горя мало.

Когда я вышелъ на Невскій, я встрѣтилъ эти знакомыя мнѣ, влюбленныя лица и, хотя у меня былъ цвѣтокъ, я соблазнился и еще купилъ себѣ: продавали въ тотъ день розовый цвѣтокъ и бабочку. Мнѣ надо было къ Калинкину мосту — путь долгій, и всю дорогу на Невскомъ попадались цвѣты и бабочки, и дорога была веселая и легкая. Потомъ на Садовой порѣдѣли веселые продавцы, а за Сѣнной и совсѣмъ стало тихо, и только какіе-то ребятишки, одинъ съ тяжелой кружкой, другой съ пестрымъ наряднымъ щитомъ, выпрыгнули у Спасской части изъ трамвая и сейчасъ же въ встрѣчный вскочили, назадъ ѣхать на Невскій.

Я шелъ со цвѣткомъ и бабочкой и думалъ, вогъ что говорю сейчасъ, о цвѣткахъ розовыхъ думалъ и о бабочкахъ, о молодости влюбленной и бездумной и такой увѣренной оживляющей нашъ суровый, дѣловый и тревожный, угрюмый Петербургъ. Намъ, вѣдь, какъ въ манной кашѣ, тѣсно, и увѣренности нѣтъ никакой! Знаю, надоѣли всѣмъ и эти цвѣтки, и эти бабочки, да Богъ съ ними, пускай себѣ, за одни лица ихъ, за ихъ молодость и улыбку вѣдь Богъ съ ними. И мнѣ ужъ безпокойно и скучно стало, что не встрѣчаю больше ни цвѣтка, ни бабочки, что пропали цвѣтки, и никто ужъ не пристанетъ ко мнѣ, и никто такъ увѣренно не взглянетъ въ глаза:

— Купите цвѣтокъ!

У Покрова, гдѣ трамвая ждутъ, собралась кучка народу, останавливались прохожіе, а часъ былъ совсѣмъ не разѣзжій. И я подумалъ: „Ужъ не человѣка ли раздавило?“ и поспѣшилъ. Но увидѣлъ совсѣмъ другое, — и никого не давилъ трамвай!

Старуха стояла съ пестрымъ наряднымъ щитомъ, на щитѣ бабочки и розовые цвѣтки, а около городской трудился, кружку разбивалъ: кружка оказалась фальшивой, и городской хотѣлъ вскрыть ее.

Щитъ у старухи былъ въ цвѣткахъ и бабочкахъ, бабочки сидѣли и на груди, и на платкѣ, какъ звѣзды, и сразу не бросалась въ глаза ни бѣднота, ни дрань,—однѣ эти нарядныя бабочки.

Народъ все подходилъ, останавливались, стояли и смотрѣли, на старуху смотрѣли. И старуха смотрѣла: старая такая, безъ кровинки, сѣдая вся, усталая, и эти на ней бабочки и цвѣтки розовые; старуха смотрѣла, не мигала, и слезы наливались въ глазахъ и не капали. Никто ее не ударилъ, никто не билъ, только смотрѣли, а была она, словно избили ее, словно только-только изъ-подъ трамвая вылѣзла, изъ-подъ колесъ тяжелыхъ, колесомъ придавленная.

Не вытерпѣлъ кто-то и одинъ за всѣхъ сказалъ съ сердцемъ, такъ и полыснулъ, не стерпѣлъ въ сердцахъ:

— Эка, ты, бабочка!—и добавилъ такое обидное, и неправду, и правду сущую.

И, должно быть, добилъ старуху—у старухи вдругъ пропали слезы, сожглись, пропали и снова налили глаза и опять и опять сожглись.

Старуха смотрѣла, нѣтъ, не на народъ, не на насъ,—а дай только волю, развяжи руки, придушили-бъ старуху!—старуха смотрѣла куда-то... гдѣ ее увидятъ въ ея злую минуту, опозоренную, пойманную воровку, бабочку, туда куда-то, гдѣ и ей пріютъ будетъ, къ Покрову, къ Матери Божьей, которая и послѣдняго грѣшника приметъ, за его скорбь приметъ.

Кружка крѣпкая не поддавалась, и городской, Беринчукъ какой-то, бормоталъ себѣ подъ носъ и совсѣмъ что-то не по-русскому, неподходящее.

Народъ прибывалъ, подходили, останавливались, стояли и смотрѣли молча—такъ и пыряли глазами пойманную старушонку. Вѣтромъ приподымало шляпы, прохватывало, нашимъ вѣтромъ, не холодкомъ, а холоднымъ.

Вотъ кончить городской свою работу, вскрыетъ воровскую кружку, а старуху въ часть заберетъ съ ея щитомъ наряднымъ. И когда впихнуть ее въ холодную и закроется за ней дверь, ужъ тогда никто такъ не взглянетъ, и не то въ глазахъ будетъ—за замкомъ въ холодной попадетъ старуха въ несчастные, которыхъ не жалѣть, не корить надо, а пока—пока она воровка и ее хоть въ каналъ швырнуть, въ Фонтанку.

— Въ каналъ ее съ головой, воровка, дрянъ!—откололось въ толпѣ.

И пожалѣлъ кто-то:

— Господи, хоть бы покрыть ее,—пожалѣлъ кто-то,—ни ей чтобъ насъ, ни намъ не видѣть ее. Нельзя же такъ человѣка мучить!

Да чѣмъ же покрыть-то,—ты, доброе сердце, слышишь!—это не скроетъ, не поможетъ, и черезъ самую густую покрывку увидишь ее, и она всѣхъ увидитъ.

Старуха смотрѣла туда куда-то... и лицо ея было кротко, и ужъ не было въ ней ни пришибленности, ни страха, ни униженія, она тихо плакала, и тихо, и кротко. Или ужъ покрытая? Или ужъ покрыла ее Матерь Божія, которая всѣхъ грѣшниковъ принимаетъ за ихъ скорбь, всѣхъ пойманныхъ, воровъ и убійцъ за ихъ страданія въ ихъ злыя минуты послѣднія, потерянные.

1913 г.

БѢЛОЕ ЗНАМЯ.

Чувствовалъ я такую убитость, на край свѣта ушелъ бы... Трудно живетъся. И знаешь, коли пришла бѣда—Богъ посѣтилъ, да ужъ такъ подойдетъ, страшно: не надо и Бога самого и пусть лучше безъ всякаго Бога, только бы хоть какъ-нибудь, хоть мелко, ну, хоть свиньей пожить, только бы покой достать. Знаешь, навалить на тебя, принимай, все бери и неси—пришла бѣда, Богъ посѣтилъ!—терпѣливо и кротко неси, все это знаешь, тысячу разъ переслушалъ и передумалъ, ладно, хорошо это все, послѣ хорошо, когда вынесешь, а пока, хоть на край свѣта...

До края свѣта далеко,—до Парижа доѣхалъ.

А помню, какъ впервые попалъ я въ Парижъ, ну, какъ домой, такъ мнѣ все было близко, и все, какъ свое, московское. И я все ходилъ и смотрѣлъ: позанимаюсь, какъ дома, посижу, погнусь у стола, и смотрѣть—всякую диковинку хотѣлъ высмотрѣть. А диковинки тамъ со всей земли собраны, есть посмотреть чего! Да и такъ, если и нѣтъ ничего, тамъ себѣ придумаютъ: послѣдній твой сарай палъ у нихъ называется, дворецъ по-нашему, палацъ, и самый грязнѣющій постоянный дворъ за отель идетъ,—гостиница! И есть, на Бульварахъ видѣлъ, туфельки изъ перьевъ самой маленькой птички райской, изъ перышковъ ея тоненькихъ сшиты, въ окнѣ стоятъ, семьдесятъ пять тысячъ франковъ цѣна, ты-

сячь тридцать по-нашему! Прочиталь молитву Богородичну, на сто дней, по-ихнему, отпущеніе грѣховъ себѣ получилъ, лазилъ и не разъ на соборъ къ колоколамъ, чудищъ смотрѣлъ,—и у насъ такія на Спасской башнѣ стоятъ, только попригляднѣе. А подъ Іаковой башней тоже чудища, тѣ зеленые, какъ и во дворикѣ въ Ключи,—безъ добраго слова мимо пройти невозможно: понятливо такъ глядятъ, понятливыя. И когда все, кажется, пересмотрѣлъ и перетрогалъ, просто по улицамъ сталъ ходить, камни топталъ. Въ камнѣ своя чана есть, душа: проживетъ камень много вѣковъ и если за эти сотни лѣтъ кругомъ него жизнь кипитъ, получаетъ камень чану свою, и оттого ему ничего не дѣлается, ни сжечь, ни извести его нельзя. И вотъ когда ходишь по улицамъ и топчешь эти камни, а камни тамъ цѣнные,—вѣдь нигдѣ на землѣ не прошло такъ близко и недавно такъ столько нашего кровнаго и всего!—эта чана, эта душа, скрытая въ нихъ, и въ тебѣ зарождается. Въ маѣ было, а въ маѣ тамъ всякій вечеръ всенощную служить въ честь Божьей Матери, и всякій вечеръ ходилъ я въ ихъ церковь. Какъ заслышишь колоколъ, такъ у насъ въ Новгородѣ, да во Псковѣ на вѣче сзывали вѣчевой нашъ колоколъ, и такъ гдѣ-то въ сердцѣ и вздрогнетъ, и чаю не допьешь, вылетишь изъ отеля,—всякій вечеръ Божьи органы слушалъ. И помню, когда уѣзжалъ, все прощался, разставаться не хотѣлось, мимо Ключи ѣхалъ, шапку снялъ: „Прощайте, звѣри каменные, камни мои цѣнные!“ — и собору поклонъ положилъ: тамъ, у колоколовъ на кровлѣ чудища все осанну орали каменнымъ своимъ гласомъ и одинъ, такой носатый, бестія, успѣлъ-таки зайчатину клыкомъ прихватить, самъ подкрикивалъ.

Все то же и теперь, и въ этотъ разъ, такъ же огоньки на Сенъ-рѣкѣ горятъ и знакомо все, вышелъ я на улицу—и не наша улица, не наши дома, не наши названія, а словно въ Таганкѣ, такъ знакомо все до послѣдняго камушка. По этой Таганкѣ иду, а что-то жутко, тревога растеть,—это отъ убитости моей все стало такимъ, враждебно все—иду, руки

стиснуты и зорко вглядываюсь, Господи, какъ проклятый, иду!—и одни эѳіопы, въ Парижѣ страсть эѳіоповъ сколько, учиться прѣѳзжаютъ, одни они, черные, мурины, чѣмъ-то близкимъ кажутся, можетъ быть, цвѣтомъ своимъ отверженные отъ насъ, чувствуютъ они проклятость свою, и оттого смотрять такъ, такъ жалобно и ласково. Знай языкъ ихній, заговорилъ бы... А жилъ одинъ эѳіопъ въ нашемъ отелѣ, а въ отелѣ при входѣ полочка такая есть: ключи отъ комнатъ вѣшаютъ, и письма полученныя хозяйка выставляетъ подъ твой номеръ,—не утерпѣлъ я, думаю, узнаю хоть фамилію эѳіопскую, и посмотрѣлъ, Ку-ку оказалось, такая фамилія Ку-ку ихняя. И этотъ самый Ку-ку первый сталъ со мной раскланиваться,—почуялъ, знать! Идешь по улицѣ стиснутый весь, тревога растеть, шумъ, гамъ, стукъ стоитъ, кричать, выкрикиваютъ и все слышится: „Раки живые! Раки живые!“—будто нашъ разносчикъ кричитъ, и тревога еще больше и ужъ не смотришь, одно только и смотришь, какъ бы подъ автомобиль не попасть, музыка играетъ въ кафэ, прежде, бывало, услышишь и всегда зайдешь, кафэ-о-лэ, кофію спросишь, дадутъ тебѣ большущую рюмку—въ рюмкахъ, не въ чашкахъ подають—и сидишь, пьешь, слушаешь и легко, а теперь и калачомъ не заманишь, дальше, куда-то все дальше, пройдешь мимо Ключи, мимо садика со звѣрями каменными, которые звѣри такъ понятливо смотрять, здороваешься со звѣрями и дальше—да куда же?—на край свѣта!

Поздно я прѣѳхалъ, май кончался—послѣдніе майскіе дни. Только что прошелъ Праздникъ Господень и по вечерамъ за всенощной выносили Дарохранительницу и крестнымъ ходомъ обходили съ ней церковь, по церкви: впереди дѣвочки, фатою покрытыя, съ бѣлоснѣжнымъ знаменемъ—на знамени вышита шелками Божія Матерь, за ними народъ со свѣчами, мужчины одни,—свѣчи большія, какъ наши рублевые, а за народомъ балдахинъ несутъ и подъ балдахиномъ идутъ священники, главный въ обѣихъ рукахъ Дарохранительницу несутъ, передъ балдахиномъ мальчики съ красными фонариками на высокихъ шестахъ.

Услышалъ я звонъ у св. Сюльпиція, такъ и толкнуло меня, вѣчевой звонъ, всякій вечеръ когда-то я слушалъ его, вѣчевой нашъ звонъ, да скорѣе по знакомой улицѣ, по Таганкѣ нашей—и съ закрытыми глазами дорогу найду!

Крестный ходъ вышелъ, играли въ Божьи органы, шли со свѣчами—свѣчей было много, словно у насъ на двѣнадцать евангелій, на Спасныя страсти. Я такъ и сталъ и смотрѣлъ, во всѣ глаза смотрѣлъ, и тутъ-то и увидѣлъ, надъ согнутыми спинами, надъ головами, надъ дорогими свѣчами, какое бѣлое, снѣгово-бѣлое, плыло бѣлое знамя Богородицы.

И я увидѣлъ, какъ старыя бабушки, старушки въ черномъ—имъ не полагается въ крестномъ ходу со свѣчкой итти,—жались онѣ въ проходѣ и все внучать счастливыхъ своихъ, дѣвочекъ, покрытыхъ фатой, уряжали и прихорашивали—передавали имъ это знамя бѣлое, которое и сами носили когда-то въ свои счастливые годы, и плакали, за внучать просили Матерь Божию, за дѣтей, за тѣхъ, кто идетъ на смѣну имъ, за весь свой великій народъ.

Впереди меня стояли двѣ барышни, такъ не очень касто одѣты, шляпки, поди, по франку, сначала-то я и не замѣтилъ, а тутъ увидѣлъ: и такъ онѣ молились—сама держится за спинку стула и все ниже голову наклоняетъ и долго-долго такъ стоитъ, нагнувшись, прижметъ лбомъ къ спинкѣ, и брови сдвинуты крѣпко.

И о чемъ это онѣ такъ молились? и къ знамени бѣлому поворачивали голову и смотрѣли такъ, провожая бѣлое знамя, чего онѣ просили? или тужили о чемъ?

Трудно живется... Божія Матерь—бѣлое знамя—Она и тутъ, Она у всѣхъ, Она Матерь Божія, Ее онѣ просили помочь: трудно живется, тревожно,—утромъ проснешься и подумать страшно, что-то ждетъ тебя,—невѣрные дни и часы, и минуты невѣрныя. Дома что-нибудь случилось, боленъ ли кто, или свое, личное свое горе, неудача ли, бѣда ли настигла—пришла бѣда, Богъ посѣтилъ!—да, да, такъ это, вѣрно, а вынести-то трудно, помощи онѣ просятъ, силъ ужъ

видно нѣтъ, посмотрятъ на знамя и опять опустятъ голову и въ спинку стула уткнутся, да долго-долго такъ, словно и не дышатъ, нѣтъ, дышатъ, по спинѣ видно—мурашки по спинѣ бѣгаютъ, видно.

Погасили свѣчи, поставилъ священникъ Дарохранительницу на престолъ, унесли и бѣлое знамя, сталъ народъ расходиться—все бабушки въ черномъ, старыя старушки, и я пошелъ за ними и какъ-то, точно въ первый разъ.—раньше-то, тогда-то я все диковинки смотрѣлъ, а тутъ людей увидѣлъ живыхъ, и ужъ шелъ прямо, не таясь, не сжимаясь.

Трудно живется... Какой-то старикъ у Люксембургскаго сада едва слышно, отъ старости у него и всякій голосъ пропалъ, сипло выговаривалъ, а самъ, поди, думалъ, что выкрикиваетъ, названіе газеты—Биржовки нашей, и тутъ же кричали, словно ихъ рѣзали:

— Биржевая! Биржевая!—кричали на всю улицу.

И старика никто не слышалъ. Старикъ едва на ногахъ стоитъ, и куда онъ поидетъ?—не покупаютъ у него, и газетъ у него штуки три, куда ему дѣваться, на ночь глядя, вѣдь скоро ночь!

Трудно живется...

Нѣтъ, не проклятый, какъ свой, ходилъ я по улицамъ, я снова обошелъ всѣ знакомыя улицы, сызнова прошелъ Парижъ и тамъ, у самыхъ нарядныхъ и богатыхъ домовъ, гдѣ со всей земли собраны были диковинки, и въ отдаленныхъ кварталахъ у бѣдноты и нищеты, и проголоди всякой, и тамъ, и тамъ, столько попалось бѣды и такой тревоги, и такой измученности и тѣсноты, я взобрался на холмъ къ Святому Сердцу—на версты тѣсно жались дома, и глиняные горшки на трубахъ торчали, какъ обрубки молебнo простертыхъ рукъ. И я вспомнилъ, какъ тѣ двѣ барышни, тѣ у св. Сюзьпиціи, провожали бѣлое знамя, и какъ похожи были лица ихъ на эти дома, тѣсно прижатые другъ къ другу съ обрубками молебнo простертыхъ рукъ.

1913 г.

СТРАННИКЪ БОЖІЙ.

Слышалъ я разъ въ трамваѣ, разговоръ зашелъ,—сѣлъ въ трамвай такъ изъ мастеровыхъ какой-то, видно, больной, и горло подвязано и лицо такое нездоровое.

— А доброе-то желаніе, по-вашему, куда же дѣнется? Доброе желаніе не пропадетъ,—и ужъ совсѣмъ увѣренно, это тотъ мастеровой своему сосѣду говорилъ,—конечно, куда же ему пропасть!

Раздѣльно и ясно, хоть и негромко говорилъ мастеровой.

Этимъ дѣло и кончилось, больше ничего я не запомнилъ, да и не вслушивался, и одно скажу, слова эти о добромъ желаніи, непропадающемъ, къ душѣ относились, къ безсмертію души,—вотъ какъ доказательство безсмертія ея иставлялъ мастеровой это доброе желаніе, которое не пропадетъ: злое, значить, сгинетъ, а доброе—всегда, вѣчно останется, потому что Богъ—добро, и пойдетъ оно, доброе, прямо къ Богу, а Богъ не можетъ пропасть, Богъ не пропадетъ, и душа не пропадетъ, безсмертная, какъ Богъ.

Безсмертная она или не безсмертная, меня это не занимало тогда, и не въ разсужденіяхъ тутъ было дѣло, а въ словѣ.

„Доброе желаніе не пропадетъ!“—эти нѣсколько словъ, сказанныя мастеровымъ, и попали мнѣ въ самую сердце-

вину,—я дремалъ въ трамваѣ послѣ безсонныхъ тревожныхъ ночей,—зацѣпили меня и взбудоражили и къ тревогѣ моей вывели.

Сколько ужъ дней и большихъ дней мучило и изводило меня и не находилъ я нигдѣ пристанища съ этимъ добрымъ желаніемъ. Я на себѣ, на своихъ дѣлахъ останавливался, и возмущался весь: ясно увидѣлъ я и почувствовалъ, что добрыя желанія мои не только не приносили людямъ добра, а каждый разъ были тѣмъ узелкомъ, откуда развертывалось большое зло, вредъ и мученія всякія и тѣмъ, для кого я хотѣлъ сдѣлать добро, и самому мнѣ,—дѣло, которое я дѣлалъ, вело меня совсѣмъ не туда, куда я хотѣлъ. То хорошее, что хотѣлъ я сдѣлать людямъ, дѣлало имъ только дурное, и даже, къ ужасу моему, вопіющее дурное: люди страдали отъ моего добраго. И я совсѣмъ спутался, совсѣмъ потерялся, я и не зналъ и не видѣлъ, откуда начинать слѣдуетъ и за что ухватиться такое, чтобы и изъ моего добра не зло, не вредъ, не мученія, а добро шло. Повторяю, то доброе, что хотѣлъ я сдѣлать, отъ всего сердца хотѣлъ сдѣлать, приносило только вредъ, и этотъ вредъ былъ большимъ зломъ и для тѣхъ, кому желалъ я добра, и для меня.

Какъ же это такъ, думалъ я, доброе желаніе, искорка Божія,—Богъ, вѣдь, добро! вѣдь, добро?—приносило вредъ, становилось зломъ и для того, кому я открывалъ источникъ Божій, и для меня, носившаго этотъ источникъ,—изъ добра выходило зло? „Доброе желаніе не пропадетъ!“—мастеровой тогда въ трамваѣ сказалъ,—а мое? Мое тоже не пропадетъ? А если не пропадетъ, то вѣдь и къ Богу не примется? Развѣ Богъ приметъ зло? Нѣтъ, конечно, не приметъ,—злу сгинуть суждено. И значитъ, я сгину. А мастеровой? Тотъ мастеровой трамвайный съ своимъ добрымъ желаніемъ, онъ останется? А что если доброе-то его желаніе отъ моего добраго не очень отличается, ну, чѣмъ поручиться, что оно другое? Значитъ, и мастеровой этотъ сгинетъ. И вотъ насъ двое сгинуть, двѣ души человѣческія. А у Бога, вѣдь, что двѣ, что двадцать двѣ, что два миліона, все одно...

Впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ разсужденіемъ, не умѣю я разсуждать, и если бы только въ разсужденіяхъ, въ мысляхъ я запутался, было бы куда съ полгоря, но я жилъ и дѣлалъ—я дѣйствовалъ, и бросить свое дѣло, а дѣло мое было какъ-разъ помочь другому, передать то доброе, что, какъ думалъ я, лежало во мнѣ, это дѣло—сердцевина моя, и я его не хотѣлъ и не могъ бросать.

Отчаяніе взяло меня, тѣмъ какая-то несусвѣтимая, я сталъ бояться всякаго своего шага, когда шагъ этотъ направленъ былъ къ цѣли моего дѣла, и страшно стало словъ своихъ, скажешь, и жуть охватить, всего своего сталъ бояться, своего почину, и хотъ дѣло-то дѣлалъ,—безъ этого я просто и жить не могъ,—не опускалъ рукъ, но оторопь такая брала, въ глазахъ темнѣло.

Все это вспомнилъ я потому, что встрѣча, о которой разсказать хочу, поразившая меня, какъ-разъ отвѣчала на мой вопросъ и отвѣчала не простымъ отвѣтомъ, не первымъ попавшимся на языкъ словомъ, совсѣмъ наоборотъ: то, что услышалъ я, было совсѣмъ другимъ... разрѣшающимъ свѣтомъ.

Я сидѣлъ на станціи у лавочника Сергѣя Петровича и пилъ чай съ нерабелью, — черезъ улицу отъ вокзала лавочка Сергѣя Петровича: занимался онъ торговлей и промышлялъ лѣсомъ. Въ гостиной, наверху, гдѣ мы чаи распивали, висѣлъ надъ диваномъ увеличенный съ карточки портретъ его, и со стѣны глядѣлъ Сергѣй Петровичъ совсѣмъ ужъ внушительно: еще не старый, крѣпкій, чуть съ сѣдинкой, и цѣпь на шеѣ — пятнадцать лѣтъ прослужилъ онъ волостнымъ старшиной. Всякое довѣріе и уваженіе внушалъ къ себѣ Сергѣй Петровичъ. Хозяйничала дочка его, Таисія Сергѣевна, миловидная тоненькая барышня и совсѣмъ непохожая на учительницу—въ балетѣ гдѣ упражняться ей было бы куда пристойнѣе, Таисія Сергѣевна разливала намъ чай.

Разговоръ шелъ всякій. Сергѣй Петровичъ говорилъ крѣпко и мѣтко,—хотѣлось ли ему показать товаръ лицомъ и вѣсь свой, виды, виданные имъ за свою дѣятельную жизнь, пред-

ставить, или просто на сегодня въ дѣлахъ его удача выпала и былъ онъ въ ударѣ.

Отъ хозяйства и всякихъ хозяйственныхъ дѣлъ разговоръ перешелъ къ политикѣ и народу. Сталкивался Сергѣй Петровичъ и не съ однимъ десяткомъ, и, надо полагать, словъ не бросалъ на вѣтеръ. Какъ блюдо съ горячимъ чаемъ, такимъ вкуснымъ послѣ жаркаго дня, подносилъ Сергѣй Петровичъ и народную мудрость: а и умный онъ человѣкъ, и умышленный.

Тотъ, кто укралъ,—такъ выходило,—несчастный, а тотъ, у кого украли — дуракъ, всѣ дармоѣды, и только попъ, нищій да странникъ—настоящіе.

Въ трехъ словахъ укладывалъ Сергѣй Петровичъ суть всю и затѣмъ, развивая мысль свою, примѣрами поддваивалъ, словно проконопачивалъ крѣпкій срубъ.

— Укралъ ты, воръ ты пропащій, а запрячуть тебя въ кутузку, и ты ужъ несчастный, и ужъ пальцемъ тебя нельзя тронуть, а баранокъ и калачей тебѣ надо, жалѣть тебя надо, негодяя, а тотъ, у кого украли, купецъ обкраденный, дуракъ, и, конечно, дуракъ: чего зѣвалъ, чего далъ надъ собой мудрить всякому, эка, карманъ подставилъ, сущій дуракъ... Попъ, батюшка нашъ, какъ ты ни верти, и пускай онъ и такой и сякой и пьянчужка и что хочешь, а безъ него нельзя, безъ него ни начала, ни конца нѣтъ, вся жизнь съ нимъ, за его глазомъ: и окрестить, и повѣнчаетъ, и похоронить. Безъ попа невозможно. И безъ нищаго никакой жизни нѣтъ: нищая братія—обязательно, надо же человѣку и о душѣ подумать. И страннику мѣсто есть, въ словѣ Божьемъ о странникѣ сказано, и странникъ для души. Такъ? А по правдѣ вамъ сказать,—Сергѣй Петровичъ хлебнулъ горяченькаго, облизнулъ усы, — по-настоящему-то, настоящимъ-то и нѣтъ никого, всѣ дармоѣды.

И тутъ малость перегнулъ Сергѣй Петровичъ, самъ на себя поклѣпъ возвелъ! Мнѣ припомнилось, когда шли мы съ вокзала, около будки сидѣлъ нищій безрукій—одной руки совѣмъ нѣтъ, а другая култышка, мы остановились, Сергѣй

Петровичъ вытащилъ три копѣйки, мельче не оказалось, а положилъ онъ для души семитку дать, и говоритъ: „Копѣчку сдачи?“—да чтобы долго не мѣшкать, самъ въ жилетку къ нему и запустилъ пальцы, пошарилъ, вынулъ копѣчку и мы пошли, и я видѣлъ, какое умиленіе и покой душевный сіяли на лицѣ его! Нѣтъ, перегнулъ малость Сергѣй Петровичъ, нищихъ-то онъ признавалъ за настоящихъ, о душѣ помнилъ, и, думаю я, случись съ нимъ грѣхъ какой—Сергѣй Петровичъ все въ гору идетъ, съ лѣсомъ дѣла растутъ, мало ли грѣхъ какой!—такъ онъ въ духовной тысячу какую на колоколь запишетъ, чтобы вызвонить свою душу изъ ада.

— Дармоѣды, всѣ дармоѣды!—знай себѣ, твердилъ Сергѣй Петровичъ и не благодуще, а ужъ всурьезъ.

Батюшекъ я не разъ встрѣчалъ и очень хорошихъ, большое добро сдѣлавшихъ народу, и понимаю, какъ безъ начала и конца трудно человѣку, прямо невозможно, не всякій, вѣдь, вынесетъ просторъ безкончинный, это я понимаю, а насчетъ странниковъ—вещь темная.

— А много тутъ по вашей мѣстности странниковъ ходитъ?—полюбопытствовалъ я.

— Этого народа, сколько хотите! И все имъ съ рукъ сходитъ,—Сергѣй Петровичъ даже покраснѣлъ весь, словно бы осердился, а можетъ, и не осердился, а такая пришла на человѣка точка,—дармоѣды, разбойники, только мутятъ, народъ губятъ, Россію погубятъ, они-то и погубятъ Россію! — другой тебѣ попадется и такой смиренникъ, и такой постникъ, и такія слова божественныя, уши развѣсишь, прямо въ угодники мѣтитъ: „Затеплилъ—скажетъ—передъ Господомъ Богомъ лампаду!“—и глаза опуститъ, а это запалилъ, значить, деревню спалилъ, вотъ какую лампаду затеплилъ, вотъ тебѣ какая лампада, дармоѣды, всѣ дармоѣды!

Хозяйственный человѣкъ Сергѣй Петровичъ и хотъ поговорить онъ не прочь, да видно, долго разсуживаться ему не полагается, можетъ, онъ и осердился, что ужъ очень я долго сию за чаемъ, ужъ и вечеръ сталъ и въ комнатѣ засумерилось, пора Сергѣю Петровичу въ лавку, пора по хозяйству навѣдаться.

Допилъ я, не знаю который, стаканъ, безъ счета пили, сталъ прощаться.

Таисія Сергѣевна, дочка Сергѣя Петровича, вышедшая во время нашего разговора, тутъ вернулась:

— На дорогѣ у школы,—сказала она,—странникъ стоитъ, очень чудной, хотите посмотрѣть?

Признаюсь, когда она это сказала, мнѣ вдругъ страшно не захотѣлось никакихъ странниковъ, а итти бы мнѣ прямо домой, пока доберусь, пока что,—жилъ я въ пятнадцати верстахъ отъ станціи въ усадьбѣ, и хотѣлось дома одному посидѣть въ своей комнатѣ, но потомъ раздумался, простился съ Сергѣемъ Петровичемъ, поблагодарилъ и вышелъ за Таисіей Сергѣвной.

Издалека еще увидѣлъ я народъ, много было народу, но ни шума, ни гама не слышно было. И чѣмъ ближе я подходилъ и чѣмъ яснѣе разглядывалъ лица, тѣмъ тише становилось, а и безъ того былъ тихій вечеръ.

И скоро я увидѣлъ его.

Тѣсно, но не близко стоялъ народъ, впереди ребяташки, потомъ бабы, и стояли молча—никто не рѣшался заговорить, стояли тихо и смотрѣли, и было такъ, будто онъ совсѣмъ далеко и, если скажешь, все равно, не дойдетъ до него твой голосъ, и оттого можно только смотрѣть и ждать,—не подойдетъ ли поближе!—только смотрѣть и ждать.

У изгороди стоялъ онъ и тоже смотрѣлъ и смѣло такъ и съ тѣмъ правомъ своимъ, котораго изъ всѣхъ насъ никто въ себѣ не чувствовалъ: въ парусиновомъ хитонѣ—въ ряскѣ, въ черномъ суконномъ плащѣ, безъ шапки—и волосы по плечи, чуть взбиты, на ногахъ сандаліи, большой крестъ на груди и въ рукахъ посохъ,—лицо было совсѣмъ молодое, только изнуренное очень, лѣвой рукой онъ держался за изгородь, чуть наклонясь, и рука его казалась необыкновенно бѣлой, не рабочей, бѣлая такая,—у простыхъ не бываетъ.

Когда я подходилъ къ нему, я ужъ дѣлалъ усилія надъ собой, а когда подошелъ и сталъ лицомъ къ лицу, страшно стало, какъ я заговорю съ нимъ. И заговорилъ, и онъ

отвѣтилъ мнѣ, и такъ улыбнулся такою улыбкой, — я подумалъ:

„Боже мой, да это одно самое доброе желаніе и засвѣтилось въ этой улыбкѣ его!“

Ребятишки поближе подвинулись. Народъ не расходился, еще и еще подходили, еще тѣснѣе стало, стояли молча, смотрѣли, прислушивались, и видно было, что улыбка его не только свѣтитъ...

Началъ я съ разспросовъ, о старцахъ разспрашивалъ, гдѣ нынче старцы у насъ спасаются и много-ль ихъ и какъ отыскать ихъ. И онъ мнѣ толково разсказалъ о всякихъ пустыняхъ, и всякія дороги объяснилъ, до тропочекъ, — прямо, прямымъ путемъ доведутъ, куда хочешь, и имена назвалъ старцевъ, о которыхъ я до тѣхъ поръ ни отъ кого и ничего не слыхалъ. Отъ старцевъ перешелъ разговоръ къ тѣмъ лицамъ, шумѣвшимъ за послѣдніе годы по Россіи за свою святость — тоже старцы, чьи имена всякій дуракъ зналъ.

— Рано за дѣла принимаются, — сказалъ странникъ, — все чудеса хотятъ творить, а вмѣсто чудесъ, смотришь, одинъ вредъ выходитъ, и себѣ вредъ и другимъ. Ты сперва Бога въ сердце прими, и тогда одно Божіе будетъ въ сердцѣ, и ужъ никому не будетъ вреда.

И опять самъ перешелъ, но ужъ къ своимъ старцамъ, которымъ законъ не лежитъ, а потому не лежитъ, что приняли они въ сердце Бога и творятъ волю Божью.

— Товарищъ мой въ послушаніе къ старцу пошелъ и живетъ такъ, ему такъ и надо жить у старца, а вотъ я хожу... расточаю! — и опять улыбнулся и черезъ улыбку его прошло столько добрыхъ желаній, и хотѣлось просто, ничего не спрашивая, только смотрѣть, какъ смотрѣли ребятишки, смотрѣли бабы, старики и старухи, смотрѣлъ народъ.

— Что же это такое расточать? — спросилъ я.

— Божьи дары расточаю, — сказалъ онъ, — сердце надо очистить, вернуть Богу дары Его, и ужъ въ чистое сердце Бога принять... и тогда одно Божіе будетъ въ сердцѣ твоемъ, и ужъ отъ дѣла твоего никому не будетъ вреда.

Я хотѣлъ и еще спросить, хотѣлось мнѣ знать, какъ же такъ вернуть Богу дары, и много-ль даровъ и какъ поступить съ тѣми дарами, которые Богомъ благословенны, ну, съ милостыней и милосердіемъ, ихъ тоже вернуть? и дѣтей? и любовь вернуть? — а не рѣшился спросить, молча стоялъ и смотрѣлъ.

— Кваску бы мнѣ испить!—весело вдругъ сказалъ странникъ, и немного подвинулся отъ изгороди къ народу.

И какой-то парень бросился въ школу и, не прошло и минуты, въ обѣихъ рукахъ тащилъ полный ковшъ квасу.

Не торопясь, принялъ странникъ ковшъ, отпилъ большой глотокъ, и тутъ замѣтно было, какъ сильно мучила его жажда, но больше не притронулся, рукою вытеръ губы.

— Квасъ, да не про насъ! — сказалъ странникъ и посмотрѣлъ, и отступили всѣ.

И онъ пошелъ, не обернулся, по дорогѣ пошелъ по нашей, по просторной, и твердо и легко ступалъ по землѣ одинъ съ своимъ посохомъ, странникъ Божій.

1913 г.

СПАСОВЪ ОГОНЕКЪ.

— Въ Петербургѣ Бога нѣтъ!—сказала это мнѣ одна молодая, но и не такъ ужъ старая женщина, отъ испуга, отъ трудной жизни постарѣвшая.

Смолоду жила она въ достаткѣ, въ Ярославлѣ жила, жила и въ Костромѣ, и вездѣ былъ Богъ, вездѣ она находила Бога, а подѣ старость лѣтъ попала она въ бѣдность и пришлось ей въ Петербургѣ прислугой служить, да не такъ, какъ по настоящему, на настоящее-то сноровки нѣтъ, пришлось поденную работу брать, во временныя записаться— „пока господа себѣ пріишутъ подходящую“. И какъ начала она въ Петербургѣ эту временную свою службу, вся согнулась и Бога-то ужъ и не находитъ,—тамъ, въ Ярославлѣ, гдѣ свой домишко былъ, Богъ есть, остался, и въ Костромѣ, гдѣ жила она у родственниковъ, тоже есть, а въ Петербургѣ нѣтъ.

— Въ Петербургѣ Бога нѣтъ!—скажетъ и сейчасъ же Ярославль съ Костромой вспомнить, все вспомнить и заплачетъ, горько такъ: тамъ мужа похоронила, тамъ и дѣтей схоронила, тамъ родственники и знакомые и всѣ перемерли, и ужъ нѣтъ въ живыхъ никого, тамъ и Богъ, а въ Петербургѣ одна, какъ есть одна, и могилокъ родныхъ нѣтъ, и въ большихъ трудахъ, и Бога нѣтъ, вспомнить и заплачетъ, и плачетъ горько и утѣшить нечѣмъ, ну, чѣмъ же утѣшишь?

„Въ Петербургѣ Бога нѣтъ!“—признаюсь, и я такъ думалъ, только совсѣмъ по-другому. Я по-книжному гадалъ: Петербургъ на болотѣ стоитъ, всѣмъ извѣстно, въ Петербургѣ туманы, почитай, круглый годъ, и самъ Петербургъ, что туманъ,—придетъ часъ, неожиданный и негаданный, и, какъ сонъ, все разсѣется, однѣ болотныя кочки останутся, какой ужъ тамъ Богъ! Въ Москвѣ есть, въ Кіевѣ есть, въ Ярославлѣ и въ Костромѣ есть, а въ Петербургѣ нѣтъ, и вмѣсто Бога туманъ.

Неужто только и есть, что туманъ?

Сталъ я доискиваться да докапываться, смотрю, а у насъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ церкви мощи—Ивана Предтечи рука, государю Павлу Петровичу рыцари въ даръ прислали: рука долго нигдѣ не находилась, потомъ нашлась и отъ рыцарей къ намъ попала, и по сіе время у насъ, въ Петербургѣ во дворцѣ хранится. Какъ же такъ, туманъ, болото, туманъ, а такая святыня—самого Христа крестила рука!

Неужто только и останется болото, гнилое болото?

Сталъ я прислушиваться и среди народа нашего, того слоя его, и, можетъ быть, самага глубиннаго, голу б и н а г о услышалъ я совсѣмъ другой стихъ и другая слава о Петербургѣ шла:

Свѣтъ ты нашъ, преславный Питеръ-градъ,
Ты прибѣжище Христу былъ вертоградъ!

Какъ же такъ? Народъ русскій голу б и н ы й всѣми словами выговариваетъ, а мы туманы, болото, туманы видимъ, твердимъ о запустѣніи, о пропадѣ нашемъ, одну гниль разглядѣли, огоньки болотные!

Ярославская старуха, отъ жизни своей, отъ испуганности состарѣвшаяся, въ испуганности своей не видитъ Бога, здѣсь, въ Петербургѣ, не увидѣла,—все у ней было и всего лишилась, но Богъ-то не оставитъ ея, душу ея никогда не покинетъ, она Бога не видитъ, въ скорбяхъ не увидѣла, отъ скорбей своихъ, а Онъ-то и есть съ ней, и плачетъ она, потому что не видитъ, потому что вспоминаетъ, какъ видѣла когда-

то—все у ней было и вотъ всего лишилась. А мы въ отчаяніи нашемъ только туманы увидѣли, наше отчаяніе... и насъ, отчаявшихся, не оставить насъ? задыхающихся насъ, въ нашей тяготѣ сердечной, въ жуткихъ болотныхъ огонькахъ?

На Страсти пошелъ я въ Казанскій соборъ. Попробовалъ съ Невскаго, не протолкаешься, зашелъ съ Казанской,—тутъ попросторнѣе. Купилъ я себѣ свѣчку, подвигаюсь впередъ, поближе, и понемногу до колоннъ добрался, тутъ, у колоннъ, противъ чудотворнаго образа Божьей Матери Тихвинской и сталъ у подсвѣчниковъ.

Читали евангеліе—двѣнадцать евангелій. Стоялъ я со свѣчкой, и всѣ страсти живо изъ живыхъ евангельскихъ словъ живо и ярко проходили передо мной, будто живыхъ людей видѣлъ я и близкихъ, и такихъ знакомыхъ мнѣ...

Иуда—„онъ первый у Христа ученикъ былъ“ и предаль Христа и вдругъ все понялъ и ужаснулся, швырнулъ эти проклятыя деньги—кровь на нихъ къ рукамъ прилипала!—и пошелъ, а куда итти ему?—за смертью пошелъ—одинъ конецъ!—за смертью пошелъ, а смерти-то и нѣтъ ему: къ рѣчкѣ прибѣжалъ, рѣка ушла, въ лѣсъ прибѣжалъ, наклонился лѣсъ,—кто же его избавить отъ этой ужасной, отъ этой черной нестерпимой жизни? Христа на крестъ повели, спрашиваютъ Петра, вѣдь, онъ зналъ Христа? „Не знаю такого, ничего не слыхалъ про такого!“—отрекался Петръ отъ Христа своего, и какъ понялъ—вѣдь еще совсѣмъ недавно клялся-то какъ: и пусть всѣ соблазняются, онъ не соблазнится никогда, и пусть лучше помереть ему, не отречется никогда!—и отрекся, и вотъ понялъ и горько заплакалъ, пошелъ—не вернуть ужъ!—куда глаза глядятъ, безъ дороги пошелъ, и три дня плакалъ во рву, въ придорожномъ оврагѣ, не могъ отъ горя подняться и глазъ поднять,—кто же подыметъ его изъ его черного рва? Матерь Божія Богородица у креста стоитъ, видитъ Сына,—Сынъ виситъ на крестѣ, видитъ муки Его и не можетъ помочь, а нѣтъ горя темнѣй и безысходнѣе безсилья этого, и упала она, и замѣшались въ ней мысли. И вотъ въ ея ночь, въ эту темь истерзаннаго, отчаявшагося

сердца, когда послѣднія звѣзды погасли, вновь сталъ передъ ней архангелъ и подаль ей вѣтку и звѣзду съ неба, и снова увидѣла она Сына, своего Бога.

У Божіей Матери много свѣчей, все ставятъ,—полный подсвѣчникъ, тоненькія свѣчки таютъ, быстро такъ сжигаются, и на ихъ мѣсто другія ставятъ, и тоненькія, и большія,—не обираютъ свѣчей.

И вижу я, у стѣнки, прислонясь къ краю образа, бабушка, а подъ образомъ, на приступочкѣ, Петька усѣлся, внученокъ. Бабушка еле-еле держится, трудновато ей—страсти долгія, а стоитъ и свѣчку свою не гаситъ, и свѣчка у ней такая тоненькая, какъ тѣ, что таютъ на подсвѣчникахъ передъ Божіей Матерью.

Петька, вижу, мастеритъ что-то, вытянулъ губы,—старается, пальцами работаетъ. Это Петька изъ сахарной бумаги фонарикъ прилаживаетъ—для бабушки фонарикъ, чтобы ей огонекъ ея донести до дому. А себѣ онъ и не такое сдѣлаетъ.

Стоитъ бабушка у стѣнки, прислонилась къ краю образа. Каждое слово отъ насъ слышно, внятно читаютъ Евангеліе, громко выходитъ, но бабушка слышитъ ли что? Платокъ на ней теплый, уши закрыты. Сердцемъ бабушка слышитъ: хлебнула она на своемъ вѣку горя, бабушка слышитъ, и полны глаза въ слезахъ. А видитъ ли что? Видитъ, она сердцемъ сквозь слезы видитъ, и молить, не о себѣ она молить, о внученкѣ, о Петькѣ—передъ нимъ, несмысленнымъ, вся жизни!—о сынѣ, о племянникѣ пропащемъ,—и трудно, и опасно жить стало, не ровень часъ...

А Петька смастерилъ фонарикъ, да подъ картузь его—вотъ удивить бабушку!—стращаль пострѣлъ давче, что огонекъ у ней задуетъ, огорчилъ бабушку, а тутъ ей фонарикъ, получайте, вотъ обрадуется бабушка!—подъ картузомъ фонарикъ никуда не дѣнется, и самъ за другую работу принялся.

Свѣчка у Петьки, какъ и у бабушки, такая же тоненькая, и останется отъ нея подъ конецъ всенощной такъ огарышекъ маленькій, Петька объ этомъ обо всемъ сообразилъ и поду-

малъ, да тихонько съ подсвѣчника отъ Божіей Матери тѣ тоненькія свѣчки, что таютъ, и сталъ потаскивать: ловко такъ протянетъ руку, будто поправить свѣчку, а самъ и стянетъ, да все къ своей, все прикладываетъ къ своей тоненькой, и ужъ не тоненькая она у него, вотъ такая! — и безъ всякаго фонарика не загаснетъ, и дуй, какой хочешь, вѣтеръ, не задуетъ и вѣтеръ.

„Фонарикъ бабушкѣ, пускай ее себѣ въ фонарикъ донесетъ свою тоненькую, а у меня вотъ какая, саженная!“ — и Петька доволенъ, знай, работаетъ.

Кончились евангелія, и всѣ двинулись къ выходу, не потушили свѣчекъ, — пошелъ народъ по домамъ со свѣчами, тихо, не торопясь, бережно хороня огонекъ. И мнѣ пора было къ выходу, да пообождалъ немного, бабушку пропустить съ Петькой.

Впереди шелъ Петька, важный такой, несъ свою свѣчку, и хоть коротенька была, да объемиста, пальца въ два, такая! — шелъ Петька, крѣпко шагаль, растопыренной розовой ладонью огонекъ застилъ, а за Петькой бабушка шмыгала съ фонарикомъ: тоненькая свѣчка ея такъ и таяла, тамъ тоненькій огонекъ теплился, — ужъ и рада она была фонарику, удивилъ Петька бабушку! — и слезы поблескивали на ея морщинкахъ отъ огонька тоненькаго.

Донесутъ огонекъ и Петька и бабушка до самаго дома, до Вульфовой улицы, черезъ мосты, черезъ Неву-рѣку пронесутъ, ничего, ничего и вѣтеръ не подѣлаетъ, сохранять святой огонекъ.

Вся площадь дрожить въ огонькахъ, — тихо, степенно шелъ изъ церкви народъ, разносилъ по домамъ спасовъ святой огонекъ.

Россія горитъ! Тамъ по простору звѣздному надъ просторной русской землей огненной Волгой протекло ужъ шумящее грозное зарево, Россія горитъ! Спасовъ страстной огонекъ сохранить ее, не погибнетъ русскій народъ. И если ужъ Богомъ положено и суждено намъ погибель принять — пропасть Россіи, русскій народъ и на смерть свою пойдетъ съ огонь-

комъ, и страстной огонекъ доведетъ его, огонекъ сохранить его, душу его. И пусть мы разбиты, пусть мы осмѣяны, пусть мы потеряны, спасовъ страстной огонекъ сохранить душу и родимое имя Россіи.

1913 г.

СВѢТЪ НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ.

„И я не различалъ, когда день
или когда ночь, но свѣтомъ непри-
косновеннымъ обьятъ былъ“.

ЛЮБОВЬ КРЕСТНАЯ.

Былъ одинъ царь, имя ему Семиклей, правилъ царь своимъ царствомъ разумно, и былъ порядокъ въ его государствѣ, и быть бы ему довольну, да большое было у царя горе: царица Купава лежала прокаженна. Печально проходили годы, не собиралъ царь пиры, не затѣвалъ игрищъ, не тѣшилъ себя потѣхой. Кротокъ выросъ сынъ царевичъ, женился, и опять горе: царская невѣстка бѣса въ себѣ имѣла. Кротокъ былъ Провъ царевичъ, жалостивъ—плачевное сердце.

Разумно правилъ царь своимъ царствомъ, разумные давалъ законы, и любилъ царь о божественномъ слушать и очень хотѣлъ Христа увидѣть, все о Христѣ тайно думалъ.

Однажды прилегъ царь отдохнуть послѣ обѣда, лежить себѣ, раздумываетъ, — все о Христѣ думалъ, все Христа хотѣлъ увидѣть, и видитъ, откуда ни возьмись, птица—летаетъ посреди палаты, и такая необыкновенная, смотритъ царь на птицу и диву дается. А птица взлетѣла подъ потолокъ, да какъ ударить крыломъ, посыпалась съ потолка известка, да пылью царю въ глаза, и ослѣпъ царь.

Ослѣпъ царь Семиклей. Сумракъ покрылъ палаты царскія. И никому не стало доступа во дворецъ, крѣпко затворился царь, и еще печальнѣе настали дни.

А слухъ ужъ пошелъ, стали въ народѣ поговаривать, что слѣпотой пораженъ царь, и стало въ народѣ неспокойно.

Призвалъ Семиклей царевича-сына, сказалъ царевичу Прову:

— Иди, чадо, въ дальнія земли и никого съ собой не бери, еще стануть обо мнѣ рассказывать, о слѣпотѣ моей, одинъ иди, собери дань, на это мы и проживемъ: какъ узнають люди, что ослѣпъ я, придетъ другой царь и захватить наше царство, а что соберешь, то и будетъ намъ на послѣдокъ.

И пошелъ Провъ-царевичъ въ дальнія земли, никого съ собой не взялъ, какъ наказалъ царь, а былъ царевичъ жалостивъ, жалко ему было отца ослѣпшаго, мать прокаженную, жену бѣсноватую, и много тужилъ онъ — плачевное сердце. И въ дальней землѣ нанялъ царевичъ отъ тамошнихъ людей слугъ, и собиралъ дань съ великой крамолой, — и мало давали ему. Поспѣшно началъ царевичъ собирать дань, и ничего не выходило, и наемные слуги, крамолой возмутивъ народъ, оставили его.

И жалостью мучилось сердце — имѣлъ онъ сердце плачевное, какъ никто. Жалко ему было народъ, котораго возмутилъ онъ крамолой, и слугъ наемныхъ, до его прихода людей мирныхъ, обольстившихся легкой наживой и ожесточенныхъ наемнымъ дѣломъ, жалко ему было отца, мать и жену — придетъ другой царь, возьметъ ихъ царство, и куда пойдутъ они, слѣпой, прокаженная и бѣсноватая, кому такихъ надо, кто ихъ пріютитъ?—и самъ онъ, чѣмъ онъ имъ поможетъ?—хоть бы дань собралъ, и это было бы имъ на черный ихъ день, а онъ ничего не собралъ и то малое, что дали ему, отдалъ, какъ плату, наемнымъ слугамъ.

За городомъ при дорогѣ сидѣлъ царевичъ одинъ съ пустыми руками и тужилъ и горевалъ, и все его сердце плачевное изнывало отъ жалости, — и лучше бы ему самому ослѣпнуть, какъ отецъ ослѣпъ, быть прокаженнымъ, какъ мать прокаженна, стать бѣсноватымъ, какъ жена бѣсновата, и лучше бы ему самому быть обиженнымъ имъ черезъ слугъ наемныхъ ожесточившимся народомъ и излившимъ ожесточеніе свое и обиду свою въ непокорствѣ, и лучше бы по-

мѣняться ему мѣстомъ со слугами, которыхъ проклинаеть народъ, а они, исполнявшіе его волю, за все его одного винять.

И вотъ, когда сидѣлъ царевичъ при дорогѣ, покинутый съ своей отчаянной жалостью, и ужъ чернѣло въ глазахъ его, и сумракъ, кутавшій его, былъ ночью сумрака, упавшаго на отцовскій домъ, и непрогляднѣй сумрака, простершагося надъ обиженнымъ, ожесточеннымъ народомъ, и удушливѣе сумрака, обнявшаго наемныхъ слугъ, спустившихъ и плату и награбленное, когда почувствовалъ царевичъ, что одинъ онъ на всей землѣ, кругомъ одинъ, какой-то подошелъ къ нему... странный какой-то,—самъ Господь пришелъ къ нему.

— Возьми меня, я тебя не оставлю.

— А откуда ты?—спросилъ царевичъ Христа.

Христосъ показалъ ему на гору — тамъ по горѣ елочки стояли крестами въ небо.

— А какъ тебя звать?

Христосъ смотрѣлъ на царевича.

— Кто ты?

Христосъ только смотрѣлъ на царевича.

И обрадовался царевичъ и протянулъ руки къ Нему:

— Ты не оставишь меня!

— О, Прове,—сказалъ Христосъ,—въ чемъ твое горе?

— Я рабъ царя Семиклея, — сказалъ царевичъ,—посланъ царемъ собирать дань, и мнѣ ничего не даютъ, а велѣно мнѣ скоро собрать. Не знаю ужъ, что и дѣлать.

— Я тебѣ соберу,—сказалъ Христосъ,—оставайся тутъ, а я пойду въ городъ.

И пошелъ одинъ въ городъ, а царевичъ остался, и видѣлъ царевичъ, какъ словно свѣтъ таялъ голубой дорожкой по его слѣду, и удивился.

Скоро изъ города показался народъ, шли по дорогѣ къ Прову, несли дань царскую. И дивился царевичъ, откуда что бралось, такъ много было золота и серебра, о такомъ сокровищѣ онъ и не думалъ, и все это для него, и всю эту дань

онъ передастъ царю, и эта дань была гораздо больше, какую ждетъ царь про черный день.

За богатыми пошла бѣднота, и когда послѣдняя старушонка-нищенка положила свою копѣечку, поклонилась царевичу и поплелась назадъ въ городъ, царевичъ сталъ передъ другомъ:

— Господи, какъ мнѣ любить тебя!

— Такъ же, какъ я тебя люблю, — сказалъ Христось, — давай сотворимъ братство!

— Давай, — согласился царевичъ, — и будемъ навѣки братья, — и подалъ Христу свой поясъ.

И Христось, взявъ отъ царевича поясъ, связалъ его со своимъ, и опоясалъ себя и царевича.

— Проклятъ есть человѣкъ, — сказалъ Христось, — кто избралъ себѣ брата и не былъ вѣренъ ему. Это братство болѣе кровнаго братства рожденныхъ братьевъ.

И сказалъ царевичъ:

— Много золота съ нами, пойдемъ въ нашу землю.

И они пошли, два названныхъ брата, и подошли къ царскому городу два названныхъ брата, и на берегу у рѣки остановились, и сказалъ Христось царевичу.

— О, брате Прове!

— Я, брате.

— Войдемъ въ воду и омоемся вмѣстѣ.

И дивились ангелы на небесахъ, что сказалъ Господь: „о, брате Прове!“

Христось вошелъ въ рѣку и съ нимъ его названный братъ царевичъ, тамъ взялъ Христось рыбу.

— О, Прове!

— Я, Господи.

— Ты знаешь силу этой рыбы?

— Не знаю, брате.

И сказалъ Христось царевичу:

— Очи этой рыбы—отъ слѣпоты, стамехъ—отъ проказы, желчь—отъ нечистаго духа.

И уразумѣлъ царевичъ въ своемъ сердцѣ: отецъ ослѣплъ—

и вотъ прозрѣеть, мать прокаженна—и вотъ очистится, жена бѣсновата—и вотъ освободится. И положилъ царевичъ все сокровище—всю дань царскую, золото и серебро, до послѣдней копѣчки старушонки-нищенки къ ногамъ своего названнаго брата, взялъ рыбу и поспѣшилъ домой—въ домъ печали и боли и отчаянія.

Желчью онъ коснулся сердца жены и она узнала его, заплакала. О, какъ давно она не видѣла его, потемненная нечистымъ духомъ, и вотъ видитъ... и видитъ и плачетъ.

— Свѣтъ! Царевичъ мой! Ненаглядный, ненасмотрѣнный!

Стамехомъ онъ коснулся рукъ матери, и она поднялась съ одра, словно омытая, прекрасная царица Купава.

— Охъ, любезный мой, возлюбленный сынъ, мой радостный, ты обрадовалъ душу мою. Не увидишь моего лица плачевнаго, не услышишь моего рыданія, обвеселилъ ты сердце мое, ненаглядный, ненасмотрѣнный!

И очами рыбьими онъ коснулся глазъ отца, и отецъ прозрѣлъ отъ слѣпоты.

— Откуда ты это взялъ?—обрадовался царь.

И рассказалъ ему царевичъ все, что съ нимъ было, всѣ неудачи свои, и какъ подошелъ къ нему какой-то странный, пожалѣлъ его, собралъ для него большую дань, и потомъ они сотворили братство, и братъ названный далъ ему рыбу.

Съ плачемъ поднялся царь.

— Пойдемъ, сыну, вѣдь это Христось приходилъ къ тебѣ!

И они поспѣшно вышли изъ дворца и пошли по дорогѣ къ рѣкѣ, гдѣ оставилъ царевичъ своего названнаго брата. Но тамъ его не было. На берегу лежало сокровище—золото и серебро, дань царская, но его ужъ не было. И глядя на дорогу, царь увидѣлъ: по дорогѣ къ горѣ, гдѣ елочки крестами въ небо глядятъ, шелъ... и словно свѣтъ таялъ голубой дорожкой по его слѣду, Христось шелъ, самъ Господь.

Царь растерзалъ одежды свои и съ плачемъ припалъ къ землѣ:

— Слава Тебѣ, Господеви, что не оставилъ насъ въ погибели!

1913 г.

ОТРОКЪ ПУСТЫННЫЙ.

Въ міру жить суетно, отъ мятежа мірскаго не отгребешься, отъ шатанія лукавнаго не удержишься—и тамъ нагрѣшишь, и тутъ нагрѣшишь, а потомъ изволь расплачиваться и въ семь вѣкѣ, и въ будущемъ. Нѣтъ, уйти отъ міра—„какъ хотите, такъ и живите, Богъ съ вами!“—и въ тишинѣ быть во спасеніи.

Два старца такъ и сдѣлали: Асафъ старецъ, да Меркурій старецъ. Въ послѣдній разъ по базару поталкались старцы, подвязали себѣ по котомочкѣ, запаслись сухариками, да съ Богомъ—въ пустыню.

О, пустыня моя прекрасная!

И въ пустынѣ поселились старцы каждый отдѣльно въ своей хижицѣ, и лишь въ недѣлю разъ посѣщали другъ друга, духовной ради бесѣды. А жилъ при старцѣ Асафѣ отрокъ: забрелъ отрокъ въ пустыню, старцу на глаза попался, старецъ его у себя и оставилъ жить при себѣ въ работѣ. И былъ отрокъ Артемій и тихъ и кротокъ, и ясенъ, сложить такъ ручки и стоитъ у березокъ, и все словно улыбается, — старцы отрока очень полюбили, и былъ онъ имъ въ утѣшеніе.

Въ міру жить трудно, суетно, а въ пустынѣ пустынно: тамъ находитъ уныніе и печаль и тоска великая, тамъ свое есть сѣрое горюшко. Безъ отрока старцамъ куда тамъ прожить, въ пустынѣ! Тихъ и кротокъ, и ясенъ, примется отрокъ за рукодѣлье, поетъ псалмы и такъ красно—жить весело.

О, пустыня моя прекрасная!

Какъ-то на недѣлѣ сошлись старцы въ хижицѣ Асафа старца вечерокъ провести и по обычаю начали разговоръ о божественномъ, разговорились, да и сами того не замѣчая, перешли къ дѣламъ житейскимъ, какъ въ міру жили, ударились въ воспоминанія, и впали въ празднословіе и скотомысліе, слово за слово, поспорили—Асафъ старецъ Меркурія обличаетъ, Меркурій старецъ Асафа обличаетъ.

— Ты,—говорить,—Асафка, начальникъ блудничный, хля медвѣдя!

— А ты,—говорить,—Мерка, запалитель содомскій, кисляды!

И пошло — зачесались руки, да, вскоча, другъ другу въ бороду старцы и вцѣпились. Долго ли до грѣха, еще малость, — и разодрались бы до кровобоя, да Асафъ старецъ спохватился — Асафъ старецъ разумичень и потише будетъ Меркурія старца. Асафъ пришелъ въ чувство первый, выпустилъ изъ рукъ браду Меркуріеву, да къ образамъ поклоны класть покайные. Ну, и Меркурій тутъ опаматовался и тоже за поклоны принялся.

И покаялись старцы передъ Богомъ, помянувъ грѣхъ согрѣшенія своего, и отреклись отъ словъ своихъ праздныхъ и непотребныхъ, и другъ у друга прощенія просить стали, прослезились.

— Прости меня, старче Меркурій, не хотѣлъ я тебя обидѣть!

— Богъ проститъ, старче Асафе, меня прости за дерзновеніе мое!

И такъ хорошо и мирно стало, хотъ опять за божественное берись, начинай бесѣду, да отрокъ Артемій — отрокъ Артемій, бывши со старцами въ хижицѣ, все сидѣлъ тихо, въ разговоръ не встрѣвался, и даже во время боя ни разу голоса не подалъ, а тутъ словно прорвало что, такъ со смѣху и покатился.

Взорвало старцевъ, какъ же такъ—дѣло Божье, каются, а онъ, знай, глотку дереть! И бросили старцы каяться, взялись за отрока. И такъ его шуняли, что тотъ не только что пересталъ смѣяться—куда ужъ! — но и совсѣмъ притихъ, въ уголокъ забился.

Видятъ старцы, поучили, — усрамился мальчишка, да и жалко: вѣдь, какой онъ былъ утѣшный, и какъ станетъ у березокъ, да ручки такъ сложить, не нагладишься! Покликали его старцы ласково, приманили къ себѣ и стали спрашивать, чего смѣялся безстыдно.

— Съ чего это давче на тебя такая дурь нашла?—вопросилъ отрока Асафъ старецъ.

— Я видѣніе видѣлъ, — отвѣчалъ отрокъ, и со страхомъ разсказалъ старцамъ, какое онъ видѣніе видѣлъ.

Когда старцы вели бесѣду о божественномъ — о законѣ Господни, о проповѣди апостольской и о подвигахъ отеческихъ, видѣлъ отрокъ двухъ ангеловъ, ангелы тайно на правое ухо нашептывали старцамъ; когда же старцы разговоръ повели о житейскомъ, ангелы оставили хижицу, и вошли бѣсы, два бѣса, и одинъ бѣсъ одному старцу, другой бѣсъ другому старцу тайно на лѣвое ухо принялись свое нашептывать, сами шепчутъ, сами на хартіяхъ старцевы разговоры записываютъ. А исписавъ хартіи, взялись бѣсы на себѣ писать, и не осталось и свободного мѣстечка на ихъ мясищѣ бѣсовскомъ — все сплошь съ рога до хвоста и съ хвоста до пальцевъ было у бѣсовъ исписано. Но тутъ старцы въ разумъ пришли, стали каяться и отрекаться отъ словъ праздныхъ и побоя, и тогда загорѣлись у бѣсовъ хартіи и все записанное сгорѣло, а когда старцы другъ ко другу прощеніе сотворили, пошелъ пламень и бѣсовъ палить, слова,

разговоры жечь на мясищѣ ихъ, и запрыгали бѣсы, заскакали и такъ уморительно скакали и такія рожи корчили, отрокъ и расхохотался,—вотъ отчего онъ расхохотался.

— Ой, чудно какъ плясали бѣсы!—сказалъ отрокъ Артемій, скончавъ видѣніе свое, зримое имъ зрящими глазами не во снѣ, но явѣ, и стоялъ, какъ стоялъ у березокъ, такъ сложивъ ручки, и словно улыбался, такъ тихъ и кротокъ, и ясенъ, и былъ духъ Господень на немъ.

О, прекрасная моя пустыня!

1913 г.

ДРЕВНЯЯ ЗЛОБА.

Старецъ, великій въ добродѣтеляхъ и прозорливый, побѣждая бѣсовскія искушенія и ни во что ужъ ставя ихъ коварства, дошелъ до совершеннаго безстрастія, обожился духомъ и чувственно видѣлъ и ангеловъ и бѣсовъ и всѣ дѣла ихъ надъ человекомъ.

Видѣлъ старецъ ангеловъ, видѣлъ и бѣсовъ, и не только шапочно зналъ онъ всѣхъ бѣсовъ, но и каждого поименно, и, крѣпкій въ терпѣніи, безъ страха досаждалъ имъ и ругался, а почасту и оскорблялъ ихъ, поминая имъ небесное низверженіе и будущую въ огнѣ муку. И бѣсы, хваля другъ другу старца, почитали старца и ужъ приходили къ нему не искушенія ради, а изъ удивленія, и кланялись ему: явится въ часъ ночного правила одноногій какой—есть объ одной ногѣ бѣсы такіе, а рышутъ такъ быстро, какъ птица летаетъ, прикроется ногою и стоитъ въ уголку смирно, пока не попадется на глаза старцу, а попался,—поклонится и пойдетъ.

Вотъ былъ какой старецъ великій!

Какъ-то на сонмищѣ бѣсовскомъ зашелъ разговоръ у бѣсовъ о тайнахъ небесныхъ, и одинъ бѣсъ спросилъ другого:

— Брате бѣсе, а что если кто изъ насъ покается, приметъ Богъ его покаяніе или не приметъ?

— Кто-жъ его знаетъ!—отвѣтилъ бѣсъ, — это никому неизвѣстно.

Зереферъ же бѣсъ, слыша рѣчь бѣсовъ, вступилъ въ разговоръ:

— А знаете,—сказалъ Зереферъ,—я пойду къ великому старцу и искушу его объ этомъ.

Быль Зереферъ самъ великъ отъ бѣсовъ и былъ увѣренъ въ себѣ и не зналъ страха.

— Иди,—сказали бѣсы,—только трудное это дѣло, будь остороженъ, старецъ прозорливый, лукавство твое живо увидитъ и не захочетъ вопрошать объ этомъ Бога.

Зереферъ преобразился въ человѣка и воиномъ вышелъ къ старцу.

Въ тотъ день много было приходящихъ къ старцу, много пришлось принять ему бѣды и горя, и послѣ вечернихъ молитвъ, когда наединѣ въ своей кельѣ размышлялъ старецъ о дѣлахъ человѣческихъ, въ келью постучалъ кто-то.

Старецъ окликнулъ и поднялся къ двери.

Воинъ, переступивъ порогъ кельи, съ плачемъ упалъ къ ногамъ старца, и плачь его былъ такъ горекъ и отчаяніе такъ смертельно, что и самое крѣпкое человѣческое сердце не могло не вздрогнуть отъ такихъ слезъ тяжкихъ.

— Что ты такъ плачешь, о чемъ сокрушаешься? — расстроганный плачемъ спросилъ старецъ.

— Не человѣкъ я, а дьяволъ,—отвѣчалъ воинъ,—велики мои беззаконія!

— Что же ты хочешь?—спросилъ старецъ,—я все сдѣлаю для тебя, брате!—плачь надрывалъ ему сердце; думалъ старецъ, что отъ великаго смиренія называетъ себя этотъ несчастный дьяволомъ.

— Лишь объ одномъ я хочу просить тебя, — сказалъ воинъ, — ты помолись Богу, да объявить тебѣ, приметъ ли Богъ покаяніе отъ дьявола? Если приметъ, то и отъ меня приметъ: дѣла мои—дѣла дьявола.

— Будетъ такъ, какъ просишь,—сказалъ воину старецъ,—а теперь иди въ домъ свой и поутру приходи, я тебѣ скажу, что повелитъ мнѣ Богъ.

Воинъ ушелъ, а старецъ сталъ на молитву и, воздѣвъ

руки свои къ Богу, много молилъ, да откроетъ ему: приметъ ли покаяніе отъ дьявола?

И во время его молитвы, какъ молонья, предсталъ ангелъ.

— Что ты все молишь о бѣсѣ,—сказалъ ангелъ,—вѣдь, это же бѣсъ, искушая тебя, приходилъ къ тебѣ.

Слыша слова ангела, закручинился старецъ: зналъ онъ всѣхъ бѣсовъ и съ одного взгляда каждаго видѣлъ, и вотъ скрылъ отъ него Богъ совѣтъ бѣсовскій.

— Не смущайся,—сказалъ ангелъ старцу,—таково было смотрѣніе Божіе, и это на пользу всѣмъ согрѣшающимъ, чтобы не отчаивались грѣшники, ибо не отъ единаго изъ приходящихъ къ Богу не отвращается Богъ. И когда явится къ тебѣ бѣсъ, искушая тебя, скажи ему, что и его приметъ Богъ, если исполнить онъ повелѣнное отъ Бога покаяніе!—и ангелъ внушилъ старцу о угодномъ Богу покаяніи.

Старецъ поклонился ангелу и возславилъ Бога, что услышалъ молитву его.

И сказалъ ангелъ старцу:

— Древняя злоба новой добродѣтелью стать не можетъ! Навыкнувъ гордости, какъ возможетъ дьяволъ смириться въ покаяніи? Но чтобы не сказалъ онъ въ день судный: „хотѣлъ покаяться и меня не приняли!“—ты передай ему, пусть исполнить покаяніе, и Богъ его приметъ,—и ангелъ отлетѣлъ на небо.

Безъ сна провелъ старецъ ночь въ тихой молитвѣ, молился старецъ за родъ человѣческій, за нашу обѣдованную, измученную землю и за бѣса, алчущаго покаянія.

Рано по утру, рано еще до звона услышалъ старецъ плачъ, и плачъ этотъ былъ такъ горекъ и отчаяніе такъ смертельно, что и самое крѣпкое человѣческое сердце не могло бы не вздрогнуть отъ такихъ слезъ тяжкихъ.

Воинъ-бѣсъ стучалъ подъ окномъ и плакалъ. Старецъ узналъ его голосъ и отворилъ дверь кельи.

— Я молилъ Бога, какъ обѣщалъ тебѣ,—сказалъ старецъ,—и мнѣ открылъ Богъ, что и тебя приметъ, если ты исполнишь заповѣданное покаяніе.

— Чтò же долженъ я сдѣлать?—спросилъ воинъ.

— Хочешь каяться, такъ вотъ чтò сдѣлай, слышишь: на одномъ мѣстѣ стоя, ты долженъ три лѣта взывать къ Господу непрестанно во вся дни и въ нощи: „Боже, помилуй мя, древнюю злобу!“—и это скажи сто разъ, а другое сто: „Боже, помилуй мя, мерзости запустѣнія!“—и третье сто скажи: „Боже, помилуй мя, помраченную прелесты!“—и когда ты это исполнишь, сопричтетъ тебя Богъ съ ангелами Божиими, какъ прежде.

— Нѣтъ, этого никогда не будетъ,—сказалъ воинъ-Зереферъ, великій отъ бѣсовъ, безстрашный, увѣренный и гордый, и, дохнувъ, весь перемѣнился,—и если-бъ хотѣлъ я каяться такъ и спастись, я бы давно это сдѣлалъ. „Древняя злоба“...—кто это сказалъ! Отъ начала и донынѣ я славенъ и дивенъ, и всѣ, кто мнѣ повинуются, и какая же „мерзость запустѣнія“? гдѣ „помраченная прелесть“? Нѣтъ, я не могу такъ безчестить себя.

И сказавъ, бѣсъ былъ невидимъ.

„Древняя злоба новой добродѣтелью стать не можетъ!“—уразумѣлъ тутъ старецъ божественныя слова ангела и съ горечью принялъ ихъ въ сердце.

1913 г.

СВЯТАЯ ТЫКОВЬ.

Съ твердымъ помысломъ, чистымъ сердцемъ и бодрой душою послушаемъ тайнаго гласа, исповѣданіе истинное.

Былъ въ Іерусалимѣ человекъ вѣренъ и праведенъ, именемъ Іаковъ, вѣровавшій тайно въ Господа нашего Іисуса Христа. У креста предстоялъ Іаковъ на Голгоѣ предъ вѣсѣвшимъ на древѣ Творцомъ и Содѣтелемъ міру, предъ Христомъ распятымъ.

И когда воинъ пронзилъ копіемъ пречистыя ребра Господни и истекла кровь и вода, видѣлъ Іаковъ, какъ истекла кровь и вода, и, имѣя въ рукѣ тыковъ — сосудъ круглый, взялъ въ него честную и животворящую кровь. И до смерти своей со страхомъ и твердостью сохранялъ Іаковъ сію тыковъ святую съ кровью Христовой, многа и неисчетна творя исцѣленія.

По смерти Іакова два старца пустынника, достойные Божественныхъ даровъ, приняли святую тыковъ.

Шествующимъ имъ по пустынѣ съ сокровищемъ животнымъ явился ангелъ Господень и сказалъ имъ:

— Миръ вамъ, ученики Господни, нынѣ благовѣствую вамъ радость, храните сокровище — кровь Господа нашего Іисуса Христа, всему міру жизнь и спасеніе, не возбраняйте дара сего и милости всѣмъ приходящимъ съ вѣрою!

И отъ всей вселенной приходили къ старцамъ въ пустыню

и, какой бы ни были одержимы страстью, всякій, съ вѣрою приходя, исцѣлялся.

Когда же наступилъ часъ отшествія отъ міра сего, пришелъ къ старцамъ въ пустыню мнихъ смиренъ, именемъ Варипсава, и передали старцы Варипсавѣ святую и міро-спасительную тыковъ.

И, взявъ отъ старцевъ тыковъ съ кровію Христовой, пошелъ Варипсава изъ города въ городъ, изъ страны въ страну по всей землѣ, и много чудесъ творилъ и исцѣленія во всякомъ недугѣ, во всякой болѣзни, во всякой страсти.

Нѣціи же разбойники, видя чудеса великія, помышляли въ себѣ:

„Аще убіемъ, возьмемъ кровь и приобрящемъ имѣніе много“.

И въ ночь, когда шелъ Варипсава, несъ страждущему міру источникъ безсмертія—кровь Христову, напали разбойники и убили его и унесли святую тыковъ.

И съ того часу исчезла святая тыковъ — сокровище безцѣнное.

Въ мірѣ идетъ грѣхъ, и страждетъ міръ, родятся на бѣды, живутъ безнадежно, умираютъ въ отчаяніи, въ мірѣ вопіетъ грѣхъ, на небо вопіетъ грѣхъ—безотвѣтно, вопіютъ чувства, вопіютъ дѣла, вопіютъ мысли, вопіетъ сердце — неутоленно, боль и болѣзни, вражда и злоба, невѣдѣніе и невидѣніе, и глухая, неустанная забота о дняхъ dneшнихъ гасятъ послѣдній свѣтъ жизни, и погасшій свѣтъ жизни вопіетъ на небо.

Вѣруй и обрящешь, вѣруй, ступай — дѣлай, ступай—трудись, стучи, ищи и найдешь, бодрствуй, молись, толкай и тебѣ откроется, и ты увидишь—воскрыленная подыметъ на небеса святая тыковъ съ кровью Христовой и тогда свершится всему міру спасеніе, судъ страшный утолитъ неутоленное земное сердце.

1913 г.

УКРАШЪ-ВЪНЕЦЪ.

Въ Святой вечеръ шелъ Христось и съ Нимъ апостоль Петръ. Просимымъ странникомъ шелъ Христось съ вѣрнымъ апостоломъ по нашей землѣ по святой Руси.

Огустѣвалъ морозный вечерній свѣтъ. Ночное зарево отъ печей и трубъ, какъ заря вечерняя, разливалось надъ бѣлой, отъ берегового угля, нефти и кокса, надъ такой бѣлой снѣжной Невой-рѣкой. Шелъ Христось съ апостоломъ Петромъ по изгудованному ранними гудками тракту въ міръ отъ Скорбящей.

Много говорить—не миновать грѣха, въ безмолвіи шли странники.

И услышалъ апостоль Петръ пѣніе—изъ дому неслоь оно на улицу по-уныльному. Пріостановился Петръ, заслушался. На волю въ окнахъ тамъ свѣчи поблескивали унывно, какъ пѣніе. И вотъ въ унывное ровно пробилъ быстрый ключъ—протекла рѣка: вознеслась рождественская пѣснь:

Христось рождается,
Прославьте Его!
Христось—съ небесъ,
Встрѣчайте Его!
Христось на землѣ...

„Христось на землѣ!“—Петръ обернулся, хотѣлъ Христа позвать вмѣстѣ въ домъ войти, а Христа и нѣтъ.

— Господи, гдѣ же Ты?—смотреть, а Онъ—вонъ ужъ гдѣ!

И почудился апостолъ Петръ, что мимо дома прошель Христось, слышалъ пѣніе божественное, не слышать не могъ, мимо дома прошель Христось!—и скорѣе вдогонъ за Христомъ вслѣдъ.

Христось на землѣ,
Ликуйте и пойте съ веселіемъ
Вся земля!

Съ пѣсней нагналъ апостолъ Христа. И опять они шли, два странника, по нашей родимой землѣ.

Не въ дологъ часъ имъ попался другой домъ, тамъ шумно игралась пѣсня и слышно,—на голосъ подняли пѣсни, тамъ смѣхъ и огоньки.

И горько стало Петру.

„Подъ такой большой праздникъ люди пляшутъ!—и Петръ ускорилъ шаги и было ему на раздумю на горькую за весь нашъ крещеный народъ:—пропастъ и бѣды пойдутъ, постигнетъ гнѣвъ Божій русскую землю!“

И шель такъ унылъ и печалень, и жалкій слѣпой плачь омрачилъ его душу. Схватился апостолъ, а Христа нѣтъ, одинъ онъ идетъ, унылъ и печалень.

— Господи, гдѣ же Ты?—смотреть, а Христось тамъ—или входилъ Онъ туда и вотъ вышелъ, Христось у того дома стоитъ, и въ ночи свѣтъ—какъ свѣтъ свѣтитъ, Его вѣнецъ.

Какъ понять несмысленному сердцу, неуимчивое, какъ удержишь?

Петръ хотѣлъ итти туда, гдѣ Христось.

Христось самъ шель къ Петру.

— Господи,—воззвалъ Петръ,—я всюду пойду за Тобой! Но открой мнѣ, Господи... тамъ Тебя величали, тамъ Тебѣ молились, и Ты мимо прошель, а тутъ, Господи, забыли и праздникъ Твой, пѣсни поютъ, и Ты вошелъ къ нимъ?

И провѣстилъ Христось вѣсть—пусть же эта вѣсть пройдетъ по всей Руси.

— О, Петре, мой вѣрный апостолъ, тѣ моленіемъ меня молили и клятвами заклинали, но ихъ черствое сердце было

отъ меня далеко и мой свѣтъ не осіялъ ихъ сердца, и дѣло ихъ грубо и хвала ихъ негодна Богу и людямъ постыла, а у этихъ—веселье отъ сердца, и пѣсни ихъ святы и слова ихъ чисты—сердце ихъ чисто, и я вошелъ къ нимъ въ ихъ домъ, и вотъ вѣнецъ на мнѣ, его я сплелъ изъ словъ и пѣсенъ неувядаемъ—видѣть всѣмъ и созирать!

Въ Святой вечеръ шелъ Христосъ съ апостоломъ Петромъ по нашей землѣ, по святой Руси. И въ ночи надъ заревомъ отъ печей и трубъ сіялъ до небесъ вѣнецъ Его не изъ золота, не изъ жемчуга, украшъ-вѣнецъ отъ всякаго цвѣта червлена и бѣла и отъ вѣтвей Божія рая—отъ словъ и пѣсенъ чистаго сердца.

1913 г.

СЕРДЕЧНЫЯ ОЧИ.

Отъ святой великой соборной церкви святыя Софіи-Неизреченныя Премудрости Божія шель преподобный Варлаамъ къ себѣ въ монастырь на Хутынъ. У великаго моста черезъ Волховъ народъ запрудилъ дорогу—новгородцы тащили осужденнаго, чтобы бросить его въ Волховъ. Увидѣвъ осужденнаго, велѣлъ Варлаамъ слугамъ своимъ стать на томъ мѣстѣ, гдѣ его бросать будутъ въ рѣку, а самъ сталъ посреди моста и началъ благословлять народъ и просилъ за осужденнаго выдать его для работы въ дому святого Спаса.

Слыша слово преподобнаго, какъ одинъ, голосомъ воскликнулъ народъ:

— Преподобнаго ради Варлаама, отца нашего, отпустите осужденнаго и дадите его преподобному. И пусть невинный помилованъ будетъ въ своей винѣ!

И осужденнаго выдали Варлааму.

И Варлаамъ взялъ его съ собой и оставилъ у себя въ монастырь жить. И, работая въ монастырь, человекъ этотъ—преступникъ осужденный—оказался и работающимъ и совѣстливымъ и никакого зла отъ него не видѣли. Самъ Варлаамъ посвятилъ его въ монашескій образъ, и ужъ инокомъ много трудился онъ для братіи и для мірянъ.

Это было у всѣхъ на глазахъ, и всякій благословилъ дѣло преподобнаго Варлаама.

Случилось и въ другой разъ, опять, когда шелъ преподобный по великому мосту, вели осужденнаго, чтобы бросить его съ моста въ Волховъ. Родственники и друзья и много народа съ ними, увидя преподобнаго, пали передъ нимъ на колѣни, прося со слезами, чтобы благословилъ онъ народъ и отпросилъ себѣ осужденнаго, отъ смерти избавилъ.

Но преподобный Варлаамъ словно и не видѣлъ никого, словно и никакихъ просьбъ не слышалъ, поспѣшно прошель онъ черезъ мостъ, и всѣ его слуги съ нимъ.

— Грѣхъ ради нашихъ преподобный не послушалъ моленія нашего!—сокрушались родственники и друзья осужденнаго и народъ, ему сочувствовавшій.

А другіе, припоминая бывшее съ тѣмъ осужденнымъ, говорили:

— Вотъ и никто его не просилъ тогда, самъ остановился и началъ благословлять народъ и отпросилъ осужденнаго у супостатовъ его и народа.

И печалились друзья осужденнаго:

— Много мы просили его, онъ отвергъ наше моленіе, и за что, не знаемъ!

Подошелъ священникъ, поновилъ осужденнаго, далъ ему причастіе и благословилъ его на горькую смерть. И тогда сбросили осужденнаго въ Волховъ.

У всѣхъ это осталось въ памяти, и много было скорби въ народѣ.

Отъ святой великой соборной церкви святыя Софіи-Неизреченныя Премудрости Божія шелъ преподобный Варлаамъ къ себѣ въ монастырь на Хутынъ. И у великаго моста народъ, увидя его, приступилъ къ нему.

— Отчего такъ,—спросили преподобнаго,—перваго того осужденника, за него никто тебя не просилъ, и ты избавилъ его отъ смерти и позаботился о немъ, и вотъ онъ живетъ, а другого ты отвергъ и не внялъ моленію ни сродниковъ его, ни народа, заступающагося передъ тобой, и вотъ онъ погибъ. Скажи намъ, Бога ради, отче!

И сказалъ преподобный Варлаамъ:

— Я знаю, вы внѣшними очами видите внѣшнее и судите такъ, я же очами сердечными смотрю, и вотъ тотъ первый осужденникъ, котораго испросилъ я у народа, былъ грѣшный человѣкъ во многихъ грѣхахъ и вправду осужденъ по правдѣ за дѣла преступныя, но когда судья осудилъ его, пришло въ его сердце раскаяніе, а помогающихъ у него никого не было, и оставалось ему погибнуть. А тотъ другой осужденный неповинный, безъ правды осужденъ былъ, напрасно, и я видѣлъ, мученическою смертью умираетъ и ужъ вѣнецъ на головѣ его видѣлъ, онъ имѣлъ себѣ Христа помощника и избавителя, и участь его была выше нашей. Но вы не соблазняйтесь отъ словъ моихъ, и одно помните и знайте: горе тому, кто осудилъ неповиннаго, и еще горше тому, кто не сталъ на защиту неповиннаго!

И это памятнымъ осталось на Святой Руси русскому народу.

1913 г.

ЕДИНА НОЧЬ.

Молва о попѣ Сысоѣ, о его житіи вѣрномъ и сердечномъ проникновенномъ зрѣніи и о наказаніи добромъ чадъ духовныхъ съ каждымъ лѣтомъ все дальше да шире разносилась народомъ по большой нашей русской землѣ. И кто только ни приходилъ къ попу за покаяніемъ, какіе разбойники,—какіе жестокіе!—всѣхъ съ любовію принималъ Сысой и каждаго и послѣдняго отпускалъ отъ себя съ миромъ,—безвѣстнымъ вѣдецъ, невѣдомымъ объявитель, помощникъ печальнымъ, сподручникъ и чиститель грѣшнымъ.

Узналъ о благонравномъ попѣ, о его праведной жизни самъ князь Олоній, а былъ Олоній золъ и лють, губитель и кровопивца, не помнилъ Божій страхъ, забылъ часъ смертный, и много отъ его самовластья и злыхъ дѣлъ бѣды было и скорби и гибели въ народѣ, и вотъ задумался князь, какъ ему съ своей душой быть?—черна она была, еще и неспокойна стала!

И много въ безпокойствѣ своемъ раздумывалъ князь Олоній, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ неспокойнѣй ему было: какъ подступить, да начнетъ припоминать, одно какое худое дѣло въ память придетъ, а за нимъ и другое въ голову лѣзетъ, и ужъ назадъ въ душу ничѣмъ не вколотишь, не оставишь и никакъ не забудешь. И опостылѣло все князю, самъ

себѣ—постыль, и обуяло такое безпокойство, хоть жизни рѣшиться—ужь что ни будетъ, а хуже того не будетъ.

И опять слышитъ князь Олоній о Сысоѣ: великія чудеса творитъ попъ Сысой—праведенъ и говѣенъ, и каждого, кто бы ни пришелъ, и послѣдняго отпустить отъ себя съ миромъ. И рѣшаетъ князь: итти ему къ Сысою и во всемъ открыться, и что ему придумаетъ попъ, то онъ и сдѣлаетъ, только бы прощеніе получить—покой найти, итти ему и каяться, покаяться во всемъ и начать новую жизнь.

„А что если за его грѣхи попъ не приметъ покаянія?“—раздумная мысль остановила князя.

„Ну, если не приметъ,—сказалъ себѣ князь,—такъ и жизни мнѣ не надо никакой, и ужь назадъ не будетъ пути!“

Такъ рѣшилъ, такъ и пошелъ князь Олоній къ попу Сысою,—на околородѣ жилъ попъ за городомъ,—и какъ увидѣлъ князь попа, не стало и страха, ни опаски, что не приметъ попъ, и все рассказалъ попу о грѣхахъ своихъ, всѣ свои злыя дѣла открылъ, всю срамотную жизнь, все безпокойство свое.

Нѣтъ, не отвергъ, принялъ попъ Сысой покаяніе и отъ лютейшаго грѣшника и послѣдняго, какимъ былъ князь Олоній, губитель и кровопивца.

— Тебѣ надо очиститься отъ грѣховъ,—сказалъ попъ и наложилъ на князя епитимію: на пятнадцать лѣтъ ему каяться.

— Отче, не могу я, не вынесу: столь долгій срокъ!

Тогда попъ Сысой наказалъ князю на семь лѣтъ, но и семь лѣтъ показалось князю много,—ни семь, ни три лѣта, ни даже три мѣсяца не могъ князь нести наказанія.

— На едину ночь можешь?

— Могу,—легко согласился князь: конечно, одну ночь онъ готовъ какъ угодно каяться.

— На едину ночь? — переспросилъ Сысой: или не повѣрилъ попъ, что и вправду готовъ князь и можетъ на едину ночь все перенести.

— Могу, отче, могу и все вынесу!—повторилъ князь.

Но и въ третій разъ спросилъ Сысой:

— На едину ночь? — или ужъ едина ночь тяжче пятнадцати лѣтъ, и все не вѣрилось попу, не вѣрилъ попъ въ такую скорую рѣшимость князя.

— Могу, отче, могу! — и въ третій разъ подтвердилъ князь слово и ждалъ себѣ наказанія: онъ все вынесетъ, онъ все претерпитъ, онъ все подыметъ за едину покаянную ночь.

Попъ Сысой повелъ князя Олонія въ церковь — высока и тѣсна оксологородская церковь Іоанна Предтечи, — поставилъ попъ аналой посреди церкви, зажегъ свѣчу, далъ свѣчу князю.

— На едину ночь въ сокрушеніи сердечномъ тебѣ стоять до разсвѣта и просить крѣпко отъ всего сердца за грѣхи свои! — сказалъ попъ и пошелъ.

Слышалъ князь, какъ громыхнулъ замокъ, — заперъ попъ церковь, слышалъ князь шаги по снѣгу — похрустывалъ снѣгъ все тоньше, все тише, все дальше, и больше ничего князь не слышалъ, только огонекъ свѣчи — разгораясь, потрескивала свѣча, да свое жалкое сердце.

И насталъ глубокой вечеръ, а за вечеромъ व्यюжная ночь — व्यюжная, заводила ночь на полѣ свой перелетный гомонъ, да звяцающій жалобный лѣтъ.

Со свѣчей твердо стоялъ князь Олоній, неустанно много молился о своихъ грѣхахъ, и обиды и горечь, какой отравлялъ онъ народъ свой, все припомнилъ и жалкой памятью терзалъ себя и молилъ и молилъ отъ всего сердца простить.

А тамъ, — а тамъ, въ полѣ пустомъ за болотомъ, гдѣ выюга выюнится — улетѣтъ ей до неба рвется, летитъ и плачетъ и падаетъ на мерзлую землю, тамъ за болотомъ по снѣжному вѣтру собирались бѣсы на совѣтъ бѣсовскій.

Бѣсы летѣли, бѣсы текли, бѣсы скакали, бѣсы подкатывали всѣ и всякіе — и воздушные мутчики первонебные, и, какъ псы, лаялы изъ подводнаго адскаго рва, и, какъ головня, темные и смрадные поганники изъ озера огненнаго, и терзатели изъ гарной тьмы, и безустые погибельники изъ земли забытія, гдѣ томятся Богомъ забытые, и ярые похищ-

ники изъ горькаго тартара, гдѣ студень люта, и безувѣтные вороги изъ вѣчноогненной неотѣнной геенны, и суматошные, какъ свѣчи блещущіе, отъ червей неумирающихъ, и зубатые сидни отъ чернаго зинутія, и гнусные пагубники, унылы и дряхлы, отъ вѣчнаго безвеселія, и клещатые отъ огненной жупельной печи, и сѣрные синьцы изъ смоляной горячины.

— Други и братья,—возвыль Лазіонъ, зловодъ и старѣйшій отъ бѣсовъ,—вотъ уходитъ отъ насъ другъ нашъ! Коли вынесетъ онъ единую ночь, навсегда мы его лишимся, а не выдержитъ, еще ближе намъ будетъ, навсегда нашъ. Кто изъ васъ ухитрится ослабить его, устрасить и выгнать вонъ?

Всколебалось, какъ море, возбурилось поле бѣсовское, и вышелъ бѣсъ — былъ онъ какъ лисица, и одноглазый, и свѣтилъ его глазъ, какъ синь-камень, а руки—мечи.

— Повелишь, я пойду, я его выгоню вонъ!—сказаль бѣсъ Лазіону и по согласному знаку моргнулъ съ поля въ безпутную, воющую ночь.

И въ ту минуту увидѣлъ князь Олоній, какъ на аналоѣ по краешку ползла букашка—перста въ два мурашъ, избѣла сѣрый, морда круглая, колющая, ползъ мурашъ по краю, фыкалъ. И глаза приковались къ этой букашкѣ—мурашъ, шурша колючками, ползъ и фыкалъ; князь все слѣдилъ за нимъ и чувствовалъ, какъ тяжелѣютъ вѣки и мысли таютъ и самъ весь никнетъ, вотъ-вотъ глаза закроются — мурашъ ползъ колющій...

Князь закрылъ глаза и стоялъ бездумно съ закрытыми глазами и оглушенный будто, и слышитъ, голосъ сестры окликнулъ, его окликнулъ на имя,—вздрогнулъ и обернулся: сестра стояла и безпокойно озиралась и отъ безпокойныхъ ея глазъ кругомъ безпокойный падалъ свѣтъ на плиты,—хотѣла ли поближе подойти, да не рѣшилась, или ждала, чтобы самъ подошелъ, сестра его любимая.

— Братъ,—сказала она,—что-жъ это, безъ слугъ, безъ обороны, одинъ... развѣ не знаешь, какъ завидуютъ намъ и сколько враговъ у тебя, придутъ и убьютъ. Пойдемъ же скорѣй, молю тебя, уйдемъ отсюда!

— Сестра моя, нѣтъ, не пойду, — отвѣтилъ князь, — ну, убьютъ... такъ и надо. Если уйду, не избуду грѣха; не избуду грѣха—какая мнѣ жизнь! Нѣтъ, оставь меня, сестра, не смущай!—и снова принялся за молитву.

Со свѣчей твердо стоялъ князь Олоній, о своихъ грѣхахъ молилъ отъ всего сердца, и ушла ли сестра его любимая, онъ не слышалъ, говорила ли что, онъ не слышалъ.

Пламя свѣчи колебалось, огонекъ занималъ, то синѣлъ, и синимъ выгибался язычкомъ, что-то ходило, кто-то дулъ, или вѣтеръ дулъ съ воли?—на волѣ метелило, тамъ—выюнилось—выюга выюнится, улетѣть ей до неба рвется, летить и плачетъ и падаетъ на мерзлую землю.

Перемянулся бѣсъ изъ сестры опять въ бѣса, и въ безпутной воющей ночи сталъ среди поля.

— Тверже камня человѣкъ тотъ, не побѣдитъ намъ его!—сказалъ бѣсъ Лазіону.

И возмурилось бѣсовское поле, взвилось свистомъ, гъркомъ, говоромъ съ конца на конецъ, и вышелъ другой бѣсъ—голова человѣчья, тѣло львово, голосъ—крѣкъ.

— Выкрючу, выгоню, будетъ знать! — сказалъ бѣсъ и съ птичьимъ крикомъ погинулъ.

И въ ту минуту почувствовалъ князь Олоній, какъ что-то сжало ему горло и душитъ. Онъ схватился за шею: а это гадъ, черный холодный гадъ обвился вокругъ шеи. Но гадъ развернулся и соскочилъ на аналой, а съ аналая къ иконостасу за образа и поползъ, и ползъ выше и выше къ кресту, и чернѣе тьмы былъ онъ виденъ во тьмѣ, ползъ запазушный выше и выше къ кресту. И на минуту темная тишина омжила глаза, и вдругъ вопль содрогнулъ ночь.

Всполохнулся князь и увидѣлъ жену: растерзанная, шла она прямо къ нему и сына несла на рукахъ, и ровно смѣшалась съ умомъ, и ужъ отъ плача не могла слова сказать. И стала она передъ нимъ и глаза ея, какъ питы чаши, наливались тоской и огонекъ отъ свѣчи тонулъ въ тоскѣ.

— Помнишь,—сказала она,—ты мнѣ говорилъ, что украсишь меня, какъ Волгу рѣку при дубравѣ, и вотъ покинулъ...

и меня и сына и городъ и людей! Враги твои напали на насъ, все наше богатство разграбили, людей увели въ плѣнъ, едва я спаслась съ сыномъ твоимъ. Ты заступа, ты боритель, смирись, оставь свою гордость, иди, собери, кто еще цѣль, нагони врага, отыми богатства и плѣнныхъ...

— И на что мнѣ богатства мои и люди!—сказалъ князь:—ничего мнѣ не нужно, и людямъ не нуженъ я: одно горе и зло они видѣли отъ меня. Нѣтъ, не пойду я.

— А я? Ты не пойдешь! Куда мнѣ итти? И твой сынъ! Не пойдешь? Такъ вотъ же тебѣ! — и она ударила сына о каменные плиты.

И отъ треска и дѣтскаго вскрика зазвенѣло въ ушахъ, огонекъ заметался, и сердце оледѣло. Но князь собралъ всѣ свои силы и еще тверже сталъ на молитву.

Со свѣчей твердо стоялъ князь Олоній, неустанно много молился, молилъ за свою развоеванную поплѣненную землю, за поруганную старо-древнюю православную вѣру, за страждущій въ неволяхъ, измученный народъ и за грѣхъ свой тяжкій — вотъ по грѣхамъ его Богъ попустилъ бѣдѣ, врагъ одолѣлъ! — но пусть этотъ грѣхъ простится ему, и народъ станетъ свободенъ и земля нарядна и управлена и вѣра чиста. И не слышалъ князь ни вопля жены, ни дѣтскаго сыновьяго крика, и ушла ли она или безъ ума въ столбнякѣ осталась стоять за его спиной, онъ не слышалъ, и молилъ и молилъ отъ всего сердца простить.

А тамъ,—а тамъ, въ полѣ пустомъ за болотомъ, гдѣ бѣшущая вьюга валить и мечеть, вьюга, взвиваясь до неба взвивала бѣлыя горы и снѣжныя чащи и мраки и мглы, тамъ въ полунощной ночи сталъ бѣсъ среди поля и снова пере-мѣнился изъ жены въ бѣса.

— Дерзъ и храборъ князь!—сказалъ бѣсъ Лазіону.

И возвыль Лазіонъ, зловодъ и старѣйшій отъ бѣсовъ:

— Или побѣждены мы! Кто же еще можетъ одолѣть его?

И возбурилось бѣсовское поле и еще вышелъ бѣсъ—былъ онъ безъ головы, глаза на плечахъ и двѣ дыры на груди вмѣсто носа и устъ.

— Знаю,—сказаль бѣсъ,—ужь ему отъ меня ни водой, ни землей. Живо выгоню! — и, злобой пыхнувъ, какъ прахъ подъ вѣтромъ, исчезнулъ.

И въ ту минуту почуяль князь Олоній, какъ изъ тьмы поползла гарь, она ѣла глаза, — и слезы катились, но онъ терпѣль, и ужь мурашки зазеленѣли въ глазахъ, вотъ выѣстъ глаза, но онъ все терпѣль. И вдругъ слышитъ, гдѣ-то высоко пробѣжалъ трескъ и стало тяжело—нечѣмъ дышать!—и видитъ, повалилъ дымъ, изъ дыма искры, и какъ огненный многожальный гадъ, взвилось пламя вверхъ до округа церковнаго. И въ ту же минуту дернулъ его кто-то за руку:

— Пойдемъ, князь! Пойдемъ!

Свѣча упала на полъ и огонекъ погасъ.

А съ воли кричали и былъ горекъ плачь:

— Иди, иди къ намъ!

— Помогите! Помогите!

И отъ огня окровилась вся церковь. Тамъ черные крылатые кузнецы дули въ мѣхи, раздували пожаръ. И какіе-то двое въ червчатыхъ красныхъ одеждахъ одинъ за другимъ шаркнули лисами въ церковь, и лица ихъ были, какъ зарево. Князь ихъ узналъ: малюты — княжіе слуги; это пожаръ, это ужась окровилъ видѣніе ихъ.

— Горимъ, князь, сгоришь тутъ, иди! — и они протянули руки къ нему.

Но князь отстранился:

— Нѣтъ! Идетъ судъ Господень за мой грѣхъ и неправды. И лучше есть смерть мнѣ, нежели зла жизни!—и опять сталъ молиться: — Господи, если суждено мнѣ погибнуть, я сгорю, и Ты прости меня въ мою послѣднюю минуту! — и закрылъ глаза, ожидая себѣ злую ратницу—смерть.

И стало тихо въ церкви и лишь на волѣ разметывала ночь свой перелетный व्यюжный гомонъ, да звяцающій жалобный лѣтъ.

Князь открылъ глаза и удивился: никакого пожара!—и стоялъ въ темнотѣ безъ свѣчи, повторялъ молитву отъ всего сердца. Въ его сердцѣ горѣла неугасимо свѣча.

И поднялся въ ночи самъ Лазіонъ, зловодъ и старѣйшій отъ бѣсовъ, и разъярилось и раззнобилось бѣсовское поле. Лазіонъ перемѣнился въ попа и, какъ попъ, вошелъ въ церковь и съ нимъ бѣсъ подручный—понѣмарь.

Попъ велѣлъ понѣмарю ударить въ колоколъ къ заутренѣ, а самъ сталъ зажигать свѣчи. Увидя князя, съ гнѣвомъ набросился:

— Какъ смѣешь ты, проклятый, стоять въ семъ святомъ храмѣ? Кто тебя пустилъ сюда, сквернителя и убійцу? Иди вонъ отсюда, а то силою велю вывести, не могу я службу начать, пока не уйдешь!

Князь оторопѣлъ: или и вправду уходить ему? — и сдѣлалъ шагъ отъ аналоя, но спохватился и снова сталъ твердо:

— Нѣтъ,—сказалъ князь,—такъ отецъ мой духовный велѣлъ мнѣ, и до разсвѣта я не уйду.

— Не уйдешь! — попъ затрясся отъ злости; будь копье подъ рукой, пробилъ бы онъ сердце.

И загудѣлъ самозвонно привидѣнный колоколъ, и всю церковь наполнили бѣсы, и не осталось проста мѣста, всѣ и всякіе—и воздушные мутчики, и лаялы, и, какъ головня, темные, и смрадные поганники, и терзатели, и безустые погибельщики, и ярые похищники, и безувѣтные вѣроги, и суматошные, какъ свѣчи блещущіе, и зубатые сидни, и гнусные пагубники—унылы и дряхлы, и клещатые, и сѣрные синцы.

Какъ квасъ свекольный разлился свѣтъ по церкви, и гудѣлъ и гудѣлъ самозвонно привидѣнный колоколъ.

И увидѣлъ князь передъ вратами царскими мужа высока ростомъ и нага до конца, черна видѣніемъ, гнусна образомъ, мала главою, тонконога, несложна, безколѣнна, грубо составлена, желѣзокоствна, чермноока, все звѣрино подобіе имѣя, былъ же женомужъ, лицомъ чернъ, дебелоустнатъ, сосцы женскіе...

— Азъ—Лазіонъ!

Тогда вѣтреница, громъ, градъ и стукъ растерзали бѣсовскую темность и черность, и изострились, излютились, всвистнули бѣсы татарскимъ свистомъ, закрекотали, и подъ

голку, крекотъ, зукъ и свистъ потянулись къ князю—крадливы, пронырливы, лстывы, лукавы, поберещена рожа, неколота потылища, жаровная шея, лещевыя скорыни, сомова губа, щучьи зубы, понырыя свиньи, раковы глаза, опухлы пяты, синіи брюхи, оленьи мышки, заячьи почки, и длинные и голенастые, какъ журавли, обступили князя, кривились, кричали и другіе осьмнадцатипалые карабкались къ князю и бѣсы, какъ черви—длинные крѣпкія руки, что и слона, поймавъ, увлекають въ воду, кропотались, что лихіе псы изъ-подъ лавки,—скрипъ! храпъ! сапъ! шипъ!

Послѣднія силы покидали князя, сѣкнуло сердце — вырваться и убѣжать, и бѣжать безъ оглядки!—послѣднія молитвы забывались отъ страха, и глаза, какъ пчелы безъ крыль — только бѣсы, только бѣсы, только бѣсы! — но все еще держался, послѣднія слова — мытаревъ гласъ отходилъ отъ неутерпчева сердца, душа жадала...

Ужъ на выюжномъ полѣ въ послѣдній разъ взвыюнилась вьюга и, припавъ бѣлогрудая грудью къ мерзлой землѣ, замерла,—шелъ часъ разсвѣта,—и было тихо въ полѣ, и лишь въ лысинахъ черное былье чуть зыблелось.

И возсіяла заря, просвѣтился день. И всѣ бѣсы, дхнувъ, канули за адовы горы въ свои преисподнія бездны, въ глубины бездонныя, въ кипучу смолу и въ палючій жаръ—горячину.

Вышелъ князь Олоній изъ церкви безукоренъ и вѣренъ, взраченъ и красенъ, — сіялъ, какъ заря, и свѣтлѣлъ, какъ день, около главы его кругъ златъ. И благословилъ князя блаженный попъ Сысой за крѣпость его и побѣду на новую жизнь — на дѣла добра и милосердія благочестно и мирно княжить свѣто-русской землей надъ народомъ русскимъ.

Государю-царю многолѣтство
Четцу калачикъ мягкій.

1913 г.

СВѢТЪ НЕВЕЧЕРНІЙ.

АВВА АГІОДУЛЪ.

Повѣдалъ старецъ.

Въ бытность мою игуменомъ лавры блаженнаго Герасима одинъ изъ братіи, сидящихъ въ лаврѣ, померъ, и не зналъ о его смерти старецъ Агіодулъ.

Ударилъ канонархъ въ било, собралась братія и вынесли умершаго въ церковь. Пришелъ и старецъ и, видя брата, лежащаго въ церкви, опечалился, что не цѣловалъ его прежде отшествія его отъ житія сего, и шедъ къ одру, глагола къ умершему:

— Возстани, брате, и даждь ми цѣлованіе!

И, возставъ, братъ цѣловалъ старца.

И глагола ему старецъ:

— А теперъ спи, дондеже Христось пришедъ воздвигнетъ тя.

НИЩІЙ.

Въ лавръ въ Пургіи сидѣлъ одинъ старецъ, и былъ не сребролюбивъ зѣло, и имѣлъ даръ милостыни.

Однажды въ лавру пришелъ убогій, прося милостыню.

У старца былъ всего-навсего одинъ хлѣбъ, и старецъ вынесъ его и далъ нищему.

Нищій же сказалъ старцу:

— Не хочу хлѣба, давай мнѣ ризу!

Старецъ, не желая огорчать нишаго, взялъ его за руку и ввелъ въ свою келью.

И ничего не нашелъ нищій въ кельѣ, никакой ризы: одна была у старца риза, что была на немъ. И смирился нищій передъ обычаемъ старца, развязалъ вретисще свое посреди кельи и, выложивъ все, что имѣлъ, сказалъ:

— Возьми, колугере, азъ же инде обрящу.

ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ.

Сидящу мнѣ въ лаврѣ Пургіи іорданской, видѣлъ я брата лѣнящагося и никогда не совершающаго воскресной службы. И такъ безпечно и не радѣя о себѣ прожилъ братъ не малое время.

И вотъ однажды увидѣлъ я его, со всѣмъ тщаніемъ справляющаго праздникъ, и сказалъ ему:

— Нынѣ добро твориши, заботясь о душѣ своей, брате!

Онъ же рече:

— Господи, авва, нынѣ имамы умрети.

И по трехъ днехъ померъ.

БЛЮДУЩІЙ.

Въ монастырѣ Пентукліи былъ нѣкто братъ, блюдущій себя и постникъ. И однажды взбѣшенный на блудъ, не стерпѣлъ онъ брани, вышелъ изъ монастыря и иде во градъ скончати похоти своя. Но только-что вошелъ онъ въ обитель къ блудницѣ, какъ тотчасъ прокаженъ бысть весь.

И, видѣвъ себя въ чину такомъ, возвратился братъ въ монастырь, благохвалствуя Бога:

— Навелъ на меня Богъ наказаніе, да спасется душа моя!

И вельми славословилъ Бога.

КРѢПКАЯ ДУША.

Однажды пришелъ я въ Александрію и пошелъ въ церковь на молитву и увидѣлъ жену въ печальныхъ одеждахъ, окруженную слугами и отроками; плача молилась она ко святому мученику:

— Оставилъ мя еси, Господи, помилуй мя, милосердый!

И отъ крика ея и многихъ слезъ я оставилъ мою молитву и, ближе смотря на жену, отъ вопля ея и слезъ самъ растрогался сердцемъ, и подумалъ:

„Вдова она, и зло ей дѣлаютъ!“

И дождавшись, когда она кончитъ молитву, подозвалъ одного изъ отроковъ ея.

— Повѣждай госпожѣ своей,—сказалъ я,—есть у меня къ ней слово.

Отрокъ передалъ ей, и когда она осталась одна, я сказалъ ей о томъ, что помыслилъ о ней. Она же воскликнула съ плачемъ:

— Ты не знаешь, отче, что за горе у меня, мною Богъ пренебрегаетъ и не хочетъ посѣтить меня! Вотъ ужъ три лѣта я не болѣла, ни я, ни дѣти мои, ни слуги мои, и курамъ моимъ ничего не вредило, и думаю я, что грѣхъ моихъ ради отвратился Богъ отъ меня, и потому плачу, да посѣтитъ меня Богъ по милости своей.

Я же чудясь такой любви и крѣпкой душѣ, помоливъ Бога за нее, удалился, дивясь и нынѣ крѣпости ея.

ПОКАЯНІЕ.

Въ Солунѣ въ одномъ дѣвичьемъ монастырѣ одна изъ сестеръ научена была дѣйствомъ дьявола уйти изъ монастыря. И шедши, впаде въ блудъ. И такъ блудно прожила нѣсколько лѣтъ.

И вотъ однажды, вспомянувъ Бога, крѣпко пожелала каяться и пошла къ монастырю своему за покаяніемъ, но подойдя къ монастырю, у воротъ монастырскихъ упала и померла.

И яви Богъ одному епископу святую смерть ея.

Видѣлъ онъ святыхъ ангеловъ, пришедшихъ пріять душу блудницы, и бѣсы шли имъ во слѣдъ. И видѣлъ онъ, какъ пререкались бѣсы, глаголя святымъ ангеламъ:

— Наша работа колико лѣтъ, наша и есть!

И долго галдѣли бѣсы.

Ангелы же говорили:

— Покаялась она!

— Да, вѣдь, она же не вошла въ монастырь, какъ же вы говорите, что покаялась!—радовались бѣсы.

И отвѣчали ангелы бѣсамъ:

— Такъ какъ видѣлъ Богъ устремленіе разума ея, Богъ и пріялъ ея покаяніе, ибо покаяніемъ она владѣла, положивъ его на умъ себѣ, животомъ же владыка Господь владѣеть.

И, осрамившись, бѣсы отбѣгоша.

УЧЕНИКЪ.

Зналъ я одного черноризца-отшельника, очень онъ въ мысляхъ смутился и захотѣлъ побыть въ кельяхъ въ монастырѣ, но не оказалось по тому времени свободныхъ келій.

А спасался въ монастырѣ одинъ старецъ, великій свѣтильникъ, и была у старца небольшая келійка неподалеку отъ большой зимней кельи.

И сказалъ старецъ черноризцу.

— Побудь у меня въ той кельѣ, пока не отыщешь себѣ.

Черноризецъ такъ и сдѣлалъ, поселился у старца.

И стала къ нему приходить братія, какъ къ страннику, и несли ему все, что имѣли, желая слышать отъ него поученія.

А старцу стало завидно:

„Сколько лѣтъ я сию тутъ и въ большемъ воздержаніи, и никто не приходитъ ко мнѣ, а этотъ проныръ и дня не высидѣлъ, а столько народу идетъ къ нему!“—думаетъ себѣ старецъ, и ужъ молиться не можетъ, ни дѣлать дѣла Божія; да и куда,—ни молитва, ни дѣло на умъ не пойдутъ: такой стоитъ гамъ, какъ на праздникъ.

И сказалъ старецъ ученику своему:

— Иди и скажи тому, чтобы шелъ отсюда: келья нужна мнѣ.

Ученикъ поклонился старцу, пошелъ къ тому страннику и сказалъ:

— Отецъ меня послалъ спросить, здоровъ ли ты?

А странникъ все въ уединеніи, а тутъ какъ попалъ на люди, да нанесли ему всего, грѣшнымъ дѣломъ вкусиль сверхъ мѣры и разстроился.

— Пусть помолить Богу за меня старецъ, животъ больно отяжелѣлъ.

Ученикъ къ старцу:

— Говорить тебѣ странникъ: „поищу келью и, какъ найду, сейчасъ же уйду“.

Прошелъ день, прошелъ и другой, а странникъ ни съ мѣста, и народъ все идетъ, и гамъ стоитъ еще пуще.

Терпѣлъ, терпѣлъ старецъ, нѣтъ силъ терпѣть, опять позвалъ ученика:

— Иди и скажи ему, если не уйдетъ, то я самъ приду и, бія, иждену его.

Ученикъ поклонился старцу, пошелъ къ страннику и сказалъ ему:

— Слышалъ мой отецъ, что ты очень боленъ, сокрушается о тебѣ и послалъ меня провѣдать тебя.

— Скажи твоему отцу,—сказалъ странникъ,—что его ради молитвъ перемѣна у меня, совсѣмъ polegчало.

Вернулся ученикъ, сказалъ старцу:

— До воскресенья просится оставить его, не гнать: „въ воскресенье, говоритъ, уйду, куда Богъ повелитъ“.

Наступило воскресенье, а странникъ и не думалъ уходить, и вотъ старецъ взялъ жезлъ и пошелъ жезломъ поучить его и выгнать.

Ученикъ къ старцу, останавливаетъ:

— Подожди,—говоритъ,—отче, я впередъ пойду, тамъ люди, народъ у него, осудятъ тебя.

Да скорѣе самъ къ страннику въ келью и сказалъ страннику:

— Отецъ мой грядетъ, хочетъ просить тебя къ себѣ, въ свою келью!

А странникъ, услышавъ о такой любви старца, оставилъ народъ и поспѣшилъ къ старцу навстрѣчу, и издалека началъ кланяться старцу:

— Не трудись, отче, я самъ иду къ твоей святости и прости меня, Господа ради!

И видѣ Господь дѣло ученика того, вложилъ въ умъ старцу свѣтъ свой и разверзся разумъ ему, умилился старецъ, повергъ на землю жезлъ свой и, подходя къ страннику, цѣловалъ его и, взявъ за руку, повелъ къ себѣ и, радуясь, ввелъ къ себѣ въ келью, и угощалъ странника и бесѣдовалъ съ нимъ и полюбилъ его.

Разумѣя же бывшее, старецъ до земли поклонился ученику своему и сказалъ:

— Ты мнѣ отнынѣ буди отецъ, а я тебѣ ученикъ.

1913 г.

ЦѢПЬ ЗЛАТАЯ.

БОЖІЕ СОЛНЦЕ.

— Чтò слышно о солнцѣ? Вотъ горить оно, и грѣтъ, и грѣтъ и сіяетъ, что же, и откуда оно? А какъ нѣтъ его долго, долго не видимъ, мы его ждемъ и грустимъ, а встрѣтимъ—обрадуемся. И откуда свѣтъ такой, и гдѣ тепло, откуда оно грѣтъ, наше свѣтъ-солнце?

— Солнце отъ Бога. Сотворивъ небо и землю, помыслилъ Господь о дѣлахъ своихъ, чтò сотворить. И когда подумалъ, что сотворить человѣка и чѣмъ будетъ человѣкъ, какъ оставить человѣкъ завѣтъ Божій и не поидеть въ судьбахъ Божіихъ, о бѣдѣ и о всемъ горѣ людскомъ подумалъ и о мерзости въ человѣцѣхъ на трудной землѣ, и какъ родится отъ человѣка Сынъ, и какъ для славы и чести погибшаго человѣка распнуть Его и въ мукахъ приметъ Онъ крестную смерть, и когда о смерти подумалъ, слеза испаде изъ ока. Эту слезу свою и назвалъ Господь солнцемъ. Солнце—Божіе.

АДАМЪ.

Восьмичастнымъ создалъ Богъ человѣка: отъ земли—остовъ, отъ моря—кровь, отъ солнца красота, отъ облакъ—мысли, отъ вѣтра—дыханіе, отъ камня—милость и твердость, отъ свѣта—кротость, отъ Духа—мудрость.

И когда сотворилъ Богъ человѣка, не было имени ему.

Высота небесная—Отецъ, широта земная—Сынъ, глубина морская—святой Духъ, а созданію Божию имени нѣтъ.

И призвалъ Господь четырехъ ангеловъ: Михаила, Гавріила, Уріила, Рафаила, и сказалъ Господь ангеламъ:

— Идите и изыщите имя ему.

Михаилъ пошелъ на востокъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Анаѳось, и взялъ отъ нея Азъ и принесъ къ Богу.

Гавріилъ пошелъ на западъ и увидѣлъ звѣзду, Дисисъ имя ей, и взялъ отъ нея Добро и принесъ къ Богу.

Уріилъ пошелъ на полунощіе и увидѣлъ звѣзду, имя ей Аратусъ, и взялъ отъ нея Азъ и принесъ къ Богу.

Рафаилъ пошелъ на полудніе и увидѣлъ звѣзду, имя ей Мебріе, и взялъ отъ нея Мыслете и принесъ къ Богу.

И повелѣлъ Богъ Михаилу произнести слово.

И сказалъ Михаилъ:

— Адамъ.

И бысть Адамъ первый человѣкъ на землѣ.

СТРАСТИ АДАМА.

Гремитъ адъ своимъ громомъ, бѣритъ бурю,—страшны удары, безстрашенъ.

— Моя власть и воля!

Огненные стрѣлы летятъ отъ его одеждъ. Громокъ, грозенъ, безстрашенъ.

Никто еще живымъ войти не вхитрился, а назадъ ходу нѣтъ,—врата мѣдныя, веревя желѣзная, замки каменные, запоры крѣпкіе.

Крутъ и шатокъ мостъ черезъ Юдоль-рѣку, черенъ путь на живой вѣкъ, жаркія молоньи свѣтятъ въ ночи, свѣтятъ смерти: ведетъ она свои полки на приволенъ горекъ пиръ, слышенъ топотъ конскихъ ногъ.

— Моя власть и воля!

Нужда, тѣснота, терпѣніе—преисподній адъ.

И воззвалъ Адамъ, первозданный человѣкъ:

— Сестры и братья мои любовные, пошлемъ вѣсть ко Владыкѣ Христу со слезами на землю, хочетъ ли насъ отъ муки избавить!

Неутѣшны, унылы стоятъ пророки, праотцы, всѣ праведные: кто же можетъ донести вѣсть!

— Други, воспоемъ пѣснями днесь, отложимъ плачъ,—

ударилъ Давидъ въ гусли, вложилъ персты свои на живыя струны,—се завтра отъ насъ пойдетъ Лазарь четверодневный, другъ Христовъ, донесетъ до Христа вѣсть.

И услышалъ Адамъ, первозданный человѣкъ, и началъ биться руками по лицу своему, тяжкимъ яримъ гласомъ глаголя:

— Повѣдай отъ меня Владыкъ, свѣтлый другъ Христовъ, Лазарю, вопіеть къ Тебѣ Твой первозданный Адамъ. На то ли Ты, Господи, создалъ меня, на короткій вѣкъ на землѣ быть и много лѣтъ въ адѣ мучиться? Того ли ради я землю наполнилъ, о, Владыко! Вотъ внуки Твои возлюбленные во тѣмѣ сидятъ, на днѣ ада отъ Сатаны мучимы, и скорбію и тѣлоу сердце тѣшатъ и слезами своими очи и зеницы омывають и, памятью терзаемы, унылы суть! Я на землѣ только краткій часъ видѣлъ добро, а въ этой мукѣ много лѣтъ въ обидѣ! Краткій часъ я царь былъ всѣмъ тварямъ, а нынѣ долгіе дни рабъ аду и бѣсомъ полоняникъ. На краткій часъ свѣтъ Твой видѣлъ, а вотъ ужъ солнца Твоего давно не вижу и Твоей вѣтранный бури не слышу. Господи, если я согрѣшилъ, Господи, паче всѣхъ человѣкъ, то по дѣламъ моимъ Ты и воздалъ мнѣ муку сію, не жалуюсь, Господи! Но горько мнѣ, Господи, я по Твоему образу сотворенъ, а дьяволъ унижаетъ меня, по Твоему образу сотвореннаго, мучить меня, жестоко понукаетъ мной! Господи, я Твою заповѣдь преступилъ, а вотъ, Господи, первый патріархъ Авраамъ, Твой другъ, Тебѣ ради заклать хотѣлъ онъ сына своего Исаака возлюбленнаго, и Ты сказалъ ему, Господи: „Тобою, Аврааме, благословятся вся колѣна земная!“ — въ чемъ же его грѣхъ? — а и онъ здѣсь, въ адѣ мучится и тяжело вздыхаетъ. И Ной праведный, избавленный Тобой, Господи, отъ лютаго потопа, или не избавишь его отъ ада? Когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! А вотъ великій пророкъ Моисей, а онъ, Господи, въ чемъ согрѣшилъ, вѣдь, и онъ здѣсь сидитъ съ нами во тѣмѣ адовѣ! А Давидъ, Господи, Ты прославилъ его на землѣ, и далъ ему царствовать надъ многими, и онъ соста-

вилъ псалтирь и гусли, въ чемъ же его вина, вѣдь, и онъ здѣсь съ нами, въ адѣ мучится и жалко стонетъ и вздыхаетъ! Когда бы согрѣшили они, какъ я согрѣшилъ! А вотъ великій въ пророкахъ Іоаннъ Предтеча, Креститель Господень, рожденный отъ благовѣщенія ангелова, въ пустынѣ воспитавшійся, ядый медъ дивій, и отъ Ирода поруганный, въ чемъ же, Господи, его вина? И также томятся пророки Твои, Илья и Енохъ, угодившіе Тебѣ паче всѣхъ праведниковъ на землѣ! Моего ли грѣха ради не хочешь помиловать насъ или своего часа ждешь, одинъ Ты знаешь, нетерпѣливы мы. Господи, приди къ намъ и избави отъ лихости, не угаси свѣта! Въ Твою тайну молюсь, Господи. На мнѣ вина, прости меня, прости меня, Господи, прости меня!

АНГЕЛЪ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Кто Тебя не ублажить, пресвятая моя Владычица!

Ты заступница и утolenіе всѣмъ оскорбленнымъ, Ты утѣшеніе скорбнымъ, Ты радость скорбящимъ,—захотѣла весь міръ защитить отъ крови или себя утопить въ ней: покинуть и никогда не вернуться въ свой вертоградъ, въ мукѣ мучиться, съ нами—во тѣмѣ вѣка сего, съ нами—въ нашемъ лютомъ мірѣ, гдѣ болѣзни, печаль, слезы и воздыханія, клевета, память злая, братоненавидѣніе, съ нами, какъ мы, неутоленно любить и безнадежно, и безнадежно терять.

Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою!

Надъ рукодѣльемъ за искусной работой у окна пречистая Дѣва окаймляла четверосвитный убрусъ, бѣлымъ бисеромъ шила круги, квадраты, птицу-феникса, радугу, змѣя и голубя—знаки вѣчности, міра, воскресенія, милости, мудрости и непорочности, а на углахъ подъ крестомъ ставила по василиску съ головой пѣтушиной и хвостомъ змѣинымъ, мѣлуя Божію тварь, дивовище земное и преисподнее.

Сердцемъ въ божественныхъ судьбахъ, къ тайнамъ міра—умныя очи, неувядаемый цвѣтъ чистоты, пресвятая, пречи-

стая Дѣва, честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая воистинну серафимъ.

Въ тихій часъ въ тихой дѣвичьей горницѣ метнулся огонекъ у лампадки и бѣлый бисеръ заалѣлъ на шелкахъ. Съ шумомъ вихря съ небесныхъ круговъ сталъ въ большомъ углу ангелъ — и были крылья его, какъ двѣ зари полуночныхъ, а ликъ невмѣстимъ человѣку.

И не снеся его вида, пала ницъ на землю Дѣва Марія.

— Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою! — воззвалъ благовѣстникъ.

И подняла пресвятая Дѣва очи къ небу, и облакъ росный сошелъ на лицо ея и окропилъ ее съ головы до ногъ.

— Не бойся, Марія! — приблизился ангелъ, отеръ ее своей алою ризой, — не бойся, Марія, се зачнешь Сына и тѣмъ весь міръ спасется, Ты будешь спасеніе міру, миръ Тебѣ, возлюбленная! — и огонь изшелъ изъ его устъ.

Солнцемъ засіявъ, махнулъ ангелъ десницей — и бысть хлѣбъ превеликій, и, взявъ хлѣбъ, ѣлъ самъ и далъ ей.

И махнулъ ангелъ лѣвой рукой — и бысть великая чаша, полная вина неизреченнаго, и пилъ самъ и ей далъ пить.

И воззрѣвъ, увидѣла непорочная Дѣва — земля благословенная, цѣлъ былъ хлѣбъ и чаша полна вина.

Радуйся, обрадованная, Господь съ Тобою!

АНГЕЛЬ МСТИТЕЛЬ.

Среди поля на Голгоѣ пригвожденъ ко кресту—на крестѣ руки простеръ, окровавилъ персты—на честномъ крестѣ посреди земли висѣлъ Христосъ, совоздвигая четвероконечный сей міръ, божественныхъ рукъ своихъ созданіе, въ высоту, въ широту, въ долготу, въ глубину.

Ангелы сходили и восходили съ небесъ, собирались въ единъ соборъ, силы небесныя кланялись вольнымъ страстямъ Его.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Силы небесныя, всѣ девять чиновъ — ангелы, архангелы, начала, власти, силы, господствія, престолы, херувимы, серафимы отъ неба небесъ—отъ престола славы, лѣстницей сходя и восходя, предстояли Ему. И мертвые, возставъ изъ гробовъ, съ мертвеннаго ложа притекали къ кресту, кланялись спасительнымъ страстямъ Его.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Разбойники Сафетъ и Өемехъ, распятыя со Христомъ два разбойника, отрѣпетны крестною мукою, погибали въ смертной тяготѣ тупой, погибали ихъ помыслы, отымался издробленъ повинный умъ, горькая тьма ослѣпляла вещныя, въ боли очадѣлыя, очи, а умныя исходили въ тоскѣ:

— Милостиве Господи, помилуй мя падшаго!

Крестообразно руки простирая къ Сыну, распростершему руки на древѣ крестномъ, ко кресту приникла Владычица наша Богородица: оружіе скорбное пронзило ей сердце — слезнымъ крещеніемъ крещенное, все ея сердце растерзано, и слезы, излившись, престаили.

— Царю Небесный, Сыну мой!

Три звѣзды, какъ свѣчи Божія, мерцали изъ тьмы помрачающей отъ Дѣвы-Матери, непостижимо, несвѣдомо родшей невмѣстимаго, міру свѣтъ и спасеніе.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

На востокѣ солнца раскрылись двѣнадцать вратъ небесныхъ и другія двѣнадцать вратъ на западѣ и двѣнадцать вратъ на морѣ и по всѣмъ путямъ отъ нижнихъ и горнихъ обитателей собирались въ единъ святой соборъ ко кресту силы небесныя.

И вотъ во мгновеніе два ангела подвели подъ руки старца — былъ онъ ветхъ и великъ, Адамъ первозданный, и поставили ангелы Адама передъ лицомъ Господнимъ.

Наклонивъ главу, да преклонятся народы всѣ и облегчится грѣхъ вѣрующихъ, восходящихъ на небеса, висѣлъ Христосъ на крестѣ, напоенный горькою желчью, единый сущъ, безъ конца, безъ начала—съ й.

И былъ гласъ со креста:

— Азъ тебѣ ради и чадъ твоихъ съ небесе на землю снидохъ, азъ тебѣ ради и чадъ твоихъ на крестъ возшелъ, повѣшенъ, пригвожденъ ко кресту. Нынѣ разрѣшаю отъ клятвы, прощаю твой грѣхъ.

И вздохнулъ Адамъ:

— Тако изволилъ еси, тако изволилъ еси, Господи Боже мой!

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Ангелы, силы небесныя возрадовались, хваля передъ Адамомъ Христа, кровію искупившаго проклятіе первородное,— миновались темныя ночи, пропали печали!—и восходили на небеса со страхомъ и радостью, до неба небесъ къ престолу славы, восхваляли Христа передъ Отцомъ небеснымъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Силы небесныя, всѣ девять чиновъ—серафимы, херувимы, престолы, господствія, силы, власти, начала, архангелы, ангелы восходили къ престолу, восхваляли страсти божественныя.

И одинъ среди ангеловъ во святомъ кругу вятшій паче всѣхъ, прекрасенъ видѣніемъ, стоялъ передъ крестомъ ангель, одинъ недвижимъ, одинъ безмолвенъ, смотрѣлъ на Христа.

Какъ! Сынъ Божій, Сынъ возлюбленный, любимый братъ, Христосъ, Царь Небесный, творецъ земли и неба, проданъ за тридцать сребренниковъ, виситъ на крестѣ! И мучится, обгащенъ съ ногъ до головы, и нѣтъ ни откуда защиты, покинуть, нѣтъ никого, неповинный, виситъ на крестѣ!

Не видѣлъ никого, только Христа, только на Христа смотрѣлъ ангель, не могъ примириться, и пальцы его были крѣпко съ тоскою сжаты, и дымы, что синія кольца благовонныхъ кадильницъ, обручая пальцы, вывивались межъ острыхъ суставовъ, и копье блѣднѣло въ рукъ его на дымящемся древкѣ и бурныя крылья, что молоньи сини, грозно орлили,—недвиженъ, безмолвенъ, не могъ, не хотѣлъ ангель видѣть Христа на крестѣ.

Всѣ силы небесныя, недоумѣнно зря другъ на друга, молили ангела взойти на небо къ престолу славы прославить Сына передъ Отцомъ Небеснымъ.

Безтрепетенъ, безстрастенъ къ мольбѣ, не слушалъ ангель, не хотѣлъ ихъ слышать, не хотѣлъ взойти на небеса къ престолу славы—сердце горѣло и единая мысль возгоралась изъ горящаго сердца: одинъ онъ можетъ и готовъ и долженъ стать на защиту—онъ можетъ смирить грады и веси, поля, холмы и дубравы, онъ весь міръ погубить, разорить вѣнецъ солнца за крестъ и страсти.

И одинъ недвиженъ, одинъ безмолвенъ, онъ горѣлъ передъ крестомъ во святомъ кругу, грозный мститель, ангель верховный, вятшій паче всѣхъ, всѣхъ недруговъ побѣдитель, архистратигъ Михаилъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

Бѣлоснѣжной кипящей быстрой восходили полки ангельскіе, славословя, отъ креста за звѣздный кругъ къ престолу. И былъ тихій перезвонъ въ небесахъ, говоръ и пѣніе столпное небеснаго воинства.

И повелѣлъ Христось ангелу взойти на небо, оставить крестъ.

— Исполни законъ!

Но вѣренъ, ангель стоялъ передъ крестомъ, не могъ отойти:

— Господи, Ты видишь, не могу стерпѣть распятія Твоего!

И во вторые повелѣлъ Господь ангелу отойти отъ креста.

— Исполни законъ!

И не двинулся ангель, прочно, крѣпко, непреклонно, вѣренъ, ангель стоялъ передъ крестомъ:

— Господи, какъ я пойду!

И въ третій разъ былъ голосъ съ креста, отклонявшій, повелѣвая ангелу взойти на небо.

— Исполни законъ!

И тѣроки—слухи Духа дрогнули на блѣдномъ челѣ, трепетъ, ангелъ сдѣлалъ шагъ отъ креста и вдругъ сталъ, обернулся—черные тѣроки выюнились на его блѣдномъ челѣ, бурныя крылья орлили и очи синѣли, что дебрь: видѣть муку, имѣть власть остановить эту муку и не смѣть!

— Не требуй, Господи, не требуй! Видишь сердце мое горящее, знаешь любовь мою, ей нѣтъ грани, ей нѣтъ запрета, ей нѣтъ закона. И на что мнѣ власть моя, если запрещаешь прекратить муку Твою? Не могу преступить законъ Твой, слово Твое, волю Твою и не могу угасить любви моей!

И пламень любви былъ такъ великъ и скорбь была такъ остра и страда такъ безмѣрна, всѣ мысли, всѣ стези сердца пылали,—ангелъ не могъ покориться, не могъ исполнить царскаго слова, Божіей воли, разжалъ ангелъ пальцы, и тихо пламя вышло изъ его руки.

И было пламя такъ сине, жарко, такъ живо, и огонь плящъ и горючъ—взлысился мракъ, сдвинулись семь поясовъ небесныхъ и пошатнулись земные, съ шумомъ ужасныхъ четверопастныхъ горестныхъ трубъ изъ четырехъ мѣдныхъ вѣтрій пыхнули четыре заглѣшныя вѣтра, возшумѣли съ востока и съ запада, съ юга и съ сѣвера—кто имъ укажетъ путь? куда имъ дѣваться? они не могутъ стать, для нихъ нѣтъ ужъ покоя!—избезумѣлись, вздыбили море, хотя потопить всю нашу землю, заколебали столпы преисподнія.

Но среди грохота, вопля и скрежета еще острѣе врѣзалась скорбь, и гнѣвъ сталъ безысходнѣе—и ангелъ пустилъ копье отъ креста въ тьму земную, гдѣ стоялъ страхъ, клевета и обида, вопіяла утрата и билось безсильно оскорбленное сердце и гнела бесполезная жалость и глохла защита.

Зазубривъ тьму, какъ молонья, ударило копье въ храмъ, прорѣзало куполь, расшибло сѣнь—и надвое сверху и до низу разодралась капетазма церковная, на двѣ части разодралъ ангелъ завѣсу во свидѣтельство сынамъ человѣческимъ за страсти и крестъ—видѣть и разумѣть.

И въ тотъ часъ воззвалъ Христосъ, благословляя Отца, и

предалъ духъ единородный Сынъ, великаго свѣта Ангелъ,
Слово Божіе, смертию на смерть наступивъ.

Слава долготерпѣнію Твоему, слава страстямъ Твоимъ,
слава силѣ Твоей, Господи!

АНГЕЛЪ ПОГИБЕЛЬНЫЙ.

По воскресеніи изъ мертвыхъ, отложивъ тѣло плотское, являлся Господь нашъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ.

Апостолы—Петръ, Андрей, Іоаннъ и Варѳоломей—пребывали съ Богородицей, утѣшая ее. И когда были они всѣ вмѣстѣ на горѣ Мавріи, сталъ посреди нихъ Христосъ и сказалъ:

— Впрошайте меня, да научу васъ. Семь дней пройдетъ и я взыду къ Отцу моему.

И никто не рѣшался спрашивать Христа, и покорно послѣдовали за Нимъ, по божественнымъ стопамъ Его на гору Елеонскую.

Петръ же апостоль приступилъ въ пути къ Богородицѣ, прося ее, да упроситъ Сына своего, и явитъ Господь вся, иже суть на небесахъ. Но не восхотѣла Богородица испытывать Христа.

И когда взошли они на гору Елеонскую и сидѣли вмѣстѣ со Христомъ, Варѳоломей обратился къ Христу:

— Господи, покажи намъ противника человѣкомъ, да видимъ, кто есть и что дѣло его. Тебя не постыдился, Тебя ко кресту пригвоздилъ!

— О, смѣлое сердце,—сказалъ Господь,—ты не можешь видѣть его!

Варѳоломей же припалъ къ ногамъ Спасителя, упрашивая:

— Свѣтильниче неугасимый, Іисусе Христе, вѣчнаго свѣта спасеніе, неисповѣдимый, невидимый, въ міръ пришедшій словомъ отчимъ, совершивый дѣло свое — скорбь адамову преложивый въ веселіе и евину печаль упразднивый рождествомъ своимъ, сподоби исполниться вопрошанію моему!

И сказалъ Господь Вареоломею:

— Видѣть хочешь противника человѣкомъ—узришь его, но говорю тебѣ, и ты и апостолы и Богородица ницъ падете, аки мертвы.

Слыша слово Господне, всѣ приступили, прося Христа:

— Господи, сдѣлай, да видимъ его!

И вотъ по слову Господню предстали ангелы съ запада, воздвигли землю, какъ свитокъ, и явилась бездна—глубина пропастная.

И запретивъ ангеламъ дольнымъ, повелѣлъ Господь протрубить Михаилу.

И вострубилъ архистратигъ, грозный воевода силъ небесныхъ.

И въ тотъ часъ изведенъ былъ изъ бездны ангелъ погибельный—Сатанаилъ.

Вольный гоголю, старѣйшина небесныхъ силъ, низверженный за разгордѣніе, гдѣ нынѣ твоя воля, твой вѣнецъ власти, престолъ небесный!

Шестьсотъ и шестьдесятъ ангеловъ держали его, вѣстника зла, творящаго мечты, связаннаго огненными веригами, и была высота его въ шестьсотъ локтей, лицо, какъ молонья, власы остры, какъ стрѣлы, вѣжды дивія вепря, око правое—звѣзда утренняя, око лѣвое—львово, и уста, какъ пропасть глубокая, и персты, какъ серпъ, и крылья—пурпуръ горящій, и ризы червлены, и на лицѣ его пишетъ вражья печать и погибельная.

— Азъ есмь Господь Богъ!—воззвалъ Сатана.

И былъ велій трусъ, земля затряслась.

И въ ужасѣ поверглись апостолы на землю.

Богу нашему слава вѣки!

АНГЕЛЬ — СТРАЖЪ МУКИ.

Нечислены муки, скорбь нескончаема.

Тамъ течеть рѣка огня негасимаго, тамъ кипить смола кипучая, тамъ некротокъ червь неусыпающій, тамъ стоятъ бездонны кладези, тамъ тьма кромѣшная, непросвѣтимая и гроза негрѣма и скрежетъ зубомъ, тамъ великъ страхъ, непрестанныя слезы, нескзаемый трепеть, неизглаголанны бѣды, неумолчно стenanіe, плачь неутѣшимъ, тамъ вѣтеръ не взвѣтъ—крѣпко затворены вѣтры.

— Лучше бы было да не родиться въ міръ человѣку! — воскликнула пресвятая Богородица.

Взметнулись ангелы, отъ четырехъ вѣтровъ четыреста ангеловъ, бѣлымъ свѣтомъ бѣлыхъ крыльевъ покрыли ямы глубокія, бездонныя окнища, рвы терновые, смолу кипящую, поле мертвенное, изнесли пресвятую Богородицу изъ полымя на дорогу въ градъ преисподній.

Тихо, горько шла Богородица въ градъ подземномъ по каменнымъ улицамъ отъ разлучниковъ, отъ ихъ горькаго мучительства, отъ горечи непоправимаго, отъ пламенныхъ жалящихъ змѣй.

Небо мѣдное безъ облакъ безросное плотной тяжелой корой выгибалось надъ городомъ.

— Куда хочешь, благодатная?—спросилъ пресвятую Бого-

родицу Михаилъ, грозный воевода, архистратигъ силъ небесныхъ.

Ничего не сказала Богородица, не обернулась къ грозному водителю, тихо, горько шла Богородица по каменнымъ улицамъ адова города: черныя стѣны простирались до самыхъ небесъ и башенъ было такъ много, какъ въ небѣ частыхъ звѣздъ.

И стала Пресвятая у великаго темничнаго зданія.

— Радуйся, благодатная! — встрѣтили стражи пресвятую Богородицу у великаго темничнаго зданія, и стояли поникшіе, и были лица ихъ видѣніемъ мрачныя, до мрака измученныя; и бѣлы, какъ волны, ихъ бѣлыя крылья грустно опущены.

— Кто вы, несчастные? — спросила пресвятая Богородица.

— Мы стражи мукъ человѣческихъ, стережемъ мучительства грѣшниковъ, — сказалъ одинъ изъ ангеловъ, припавъ къ ногамъ Богородицы, — Мать Пресвятая призри на насъ! Какъ стали мы у очага мучительства, свѣтъ покинулъ насъ и померкло въ очахъ. День и ночь безмѣнно видимъ лишь горе человѣческое. И когда кажется намъ, приходитъ минута, приходитъ и на грѣшниковъ отдыхъ и мы подымаемъ глаза, нѣтъ, не покой, это безсилье отчаянія, это мертвая боль, и снова вопль, и снова крикъ, еще рѣзче, еще безнадежнѣе, и проклятія, — и всѣ проклятія падаютъ на насъ. Видимъ все, чувствуемъ, помочь хотимъ и не можемъ, помощи намъ, пресвятая Богородица! Мука свидѣтелей горше муки наказанныхъ. Помогите намъ!

— Возстань и бодрствуй! — грозно сказалъ Михаилъ, грозный архангелъ поникшему ангелу, — или не знаешь, каждому дано дѣло по силѣ его, и вамъ, какъ крѣпкимъ изъ силъ, дано дѣло тягчайшее. И горе тому, кто не изнесетъ дѣла своего до конца.

И воскликнула пресвятая Богородица:

— Лучше бы было да и міру въ вѣкахъ не стоять! — и пошла Пресвятая прочь отъ великаго адова зданія, отъ ангеловъ мрачныхъ, отъ стражи мучительства.

Вся въ слезахъ, закрываясь ладонями, шла Богородица по каменнымъ улицамъ, шла къ заставѣ преисподняго города за заставу, гдѣ бушуетъ буря, зла печаль, велій плачъ, гдѣ бѣлѣетъ нашъ родимый снѣгъ, а и капельки воды нѣтъ охладить усталыя запекшіяся уста, за заставу шла Богородица къ гееннѣ огненной, гдѣ полміра мучатся грѣшниковъ.

Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣсняхъ возвеличимъ!

СТРАННИКЪ ПРИХОЖІЙ.

Бурнымъ духомъ въ вышнее небо съ тихой сладимой рѣки взлетѣла душа къ престолу Господню.

— Господи Боже, благослови меня, Царь милосердный, въ тѣло облечься!—взмолилась душа къ Спасителю Господу Богу.

Горѣлъ семигранный вѣнецъ на престолѣ и расцвѣтала звѣздами Гора-цвѣтъ.

Благословилъ Богъ душу, поставилъ на путь, благословилъ Богъ душу на землю вернуться, благословилъ Богъ душу на землѣ человѣкомъ въ человѣкахъ родиться.

Бурнымъ духомъ съ превышнихъ высотъ стремилась душа по небесному кругу.

Замирало въ радости сердце—тамъ Божьи органы играли на сердцѣ: скоро встрѣтитъ она, кого полюбила однажды, любила и горько разсталась, какъ ей будетъ легко и нетрудно на трудной милой землѣ! Полныя радости очи свѣтились, свѣтили небѣльнымъ взорами путь по небесному кругу.

И растворилась въ пути по небесному кругу, по безбрежнымъ дорогамъ книга живая—судъ Господень, судьба ея жизни—судина: дни за днями, какъ цѣпи, протянулись отъ колыбели до могилы.

Какимъ холодомъ, жутью, жесткимъ словомъ, обидой сдавило ей сердце: сколько дней беззащитныхъ, дней безпоровныхъ, сколько тревогъ и бѣды и пропастей, ожиданій тревожныхъ, тщетной надежды, безвиннаго терпѣнья, неправимой горькой потери, а сколько разъ въ своихъ дняхъ постылыхъ уйдетъ она отъ воротъ со слезами, будетъ звать— не отвѣтятъ, просить—не помогутъ.

— Гдѣ рай твой прекрасный, пресвѣтлый день! Гдѣ же твой ангель, спутникъ благой?—какъ звѣздочки въ ночи, то загораясь, то тая, сходились, горкуя, во святой кругъ бѣлыя птицы—Господни послы.

— Гдѣ же мой ангель! Или на небѣ и на землѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни души и никто не услышитъ и никому нѣтъ дѣла, что такъ жалко кончаю бесполезные дни!—и запечатались страдно, зноемъ опаленныя, холодомъ омерзлыя уста.

— Гдѣ рай твой прекрасный, пресвѣтлый день! Гдѣ же твой ангель, спутникъ благой?—какъ звѣздочки въ ночи, то загораясь, то тая, вьются, горкуя, во святомъ кругу бѣлыя птицы, крыло-въ-крыло вьются.

Бурнымъ духомъ летѣла душа отъ судебъ-страны пророчныхъ трубъ на пречистое снѣгово-бѣлое знамя къ Матери Божьей, къ Царицѣ силы небесной.

Премудрыя дѣвы радостно встрѣтили душу, кротко стояли онѣ со свѣчами вокругъ Царицы силы небесной.

— Мати печальная, пресвятая Богородица, сердце во мнѣ унываетъ, не хочу я на землю!—наплаканны очи смотрѣли на родимую Матерь, слезно, скорбно, сердечно просили родимую Матерь.

— Странникъ прихожій, не плачь!—духомъ святымъ уряжая, взяла Богородица свѣчку, вложила свѣчку въ сердце— въ сердце, въ кручинную душу,—терпи, скорби съ любовью, милый мой странникъ!

И загорѣлась въ сердцѣ жаркая свѣчка.

Премудрыя дѣвы стояли со свѣчами, „Христось Воскресъ!“ запѣли, съ крестомъ поклонились.

Бурнымъ духомъ летѣла душа съ превышнихъ высотъ черезъ святыя небесныя круги, черезъ бѣлыя зори, черезъ Втай-рѣку—заповѣдное отъ всего темнаго міра, съ небеснаго царствія по Божьей стезѣ въ темный міръ на землицу сырую.

Жаркая свѣчка жарко теплилась въ сердцѣ.

— Странникъ прихожій, странникъ милый, братъ мой несчастный, сестра моя горькая, будемъ жить полюбовно, согласнo въ этомъ несвѣдомомъ мірѣ на родимой сырой землѣ!

ПРЕКРАСНАЯ ПУСТЫНЯ.

Прекрасная пустыня, любимая моя мати, пришли тебя зажигать, со мной разлучаютъ.

Я скажу тебѣ тайно, какъ люблю тебя, твою густыню, твои очи—твои очи, что озера, тамъ отъ берега до берега зеленая волна волнится, и тихи и тайны, что частыня.

А зато полюбилъ тебя и матерью назвалъ, что нашель въ твоей дубравѣ защиту и милость и правду.

Безмолвная и непразднословна, смиренномудренная, терпѣлива!

Теперь ты огню предаешься, и я тобою покинуть, ты горишь,—въ которую страну посылаешь?—прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Я бѣжалъ отъ суетнаго міра, отъ вражды, отъ непокоя, въ тебя водворился, въ тебѣ нашель правду и милость и защиту.

Тихость твоя безмолвная, палаты твои лѣсовольныя, спасеніе мое, мудрость и благодать!

Теперь ты огню предаешься, и я уйти отъ тебя долженъ, ты горишь—въ которую страну посылаешь? и гдѣ, на какомъ мѣстѣ мнѣ быть?—прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Прости меня, прощаюсь съ тобой, благослови меня одному своей вѣкъ свѣковать! Не пойду я искать острововъ непроходимыхъ, ни безлюднаго, безмолвнаго мѣста, ни земляную пе-

щеру, благослови меня, мать пустыня, въ міръ вернуться, въ міръ—въ суету мірскую.

Я взвихрю себѣ стрѣлами волосы, покрою плечи алымъ, какъ твои зори, алымъ платкомъ, я пойду по большой дорогѣ, я выйду на площадь, буду о тебѣ рассказывать, о твоей правдѣ и милости и защитѣ.

Будутъ надо мной смѣяться, будутъ бить меня больно, промолчу, поклонюсь на побои, все перенесу, все претерплю ради правды твоей, прекрасная пустыня, любимая моя мати.

Въ мірѣ есть много несчастныхъ, оскорбленныхъ, неутѣшенныхъ, несчастныхъ, горекъ сей міръ, горяча тоска, если утѣшу, твоимъ свѣтомъ утѣшу, свѣтъ во мнѣ—свѣтъ отъ тебя.

И когда послѣ страдныхъ дней, странныхъ подъ милый осенній дождикъ упаду подъ заборомъ, ты придешь, ты меня примешь на свои руки, ты меня не покинешь!—и очи твои будутъ близко и я уйду за тобой съ легкимъ сердцемъ, всѣмъ сердцемъ желая, въ жизнь вѣковую, прекрасная пустыня, любимая моя мати.

1913 г.

МАТКИ-СВЯТКИ.

ПАВОЧКА.

1.

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался.

Переберите вы всѣхъ вашихъ родныхъ и знакомыхъ, осмотрите ихъ жизнь повнимательнѣе—и ужъ непремѣнно замѣтите, что у каждого кто-нибудь да найдется, такой пріятель, котораго онъ держится, а держится потому, что тотъ пріятель его въ восхищеніи по пятамъ за нимъ ходитъ. Вотъ почему. И всякія другія объясненія — ложны, и объяснять такую связанность человѣческую перевоплощеніемъ нашимъ, какъ это вздумалъ одинъ вѣрующій въ перевоплощеніе знатокъ, значить—не больше, не меньше, какъ пальцемъ попасть въ небо. Ну, посудите сами, ну, я, скажемъ, дружившій съ Корявкой,—Корявка отъ насъ черезъ домъ, департаментскій чинъ архивный,—я будто бы въ прошломъ воплощеніи былъ Баба-Яга, а мой Корявка для меня — лакомымъ чѣмъ-то, въ родѣ пѣтушка, и я его, пѣтушка, Корявку лакомую, съѣлъ, и вотъ будто бы по тому-то по самому Корявка за мною и ходитъ, а я его не только что не гоню, хоть онъ мнѣ и совсѣмъ ни на что, напротивъ—я его еще и приваживаю. Нѣтъ, связанность моя съ Корявкой не потому, а какъ разъ по-моему, по этому—по причинѣ страсти восхитительной.

Послѣдній актеръ, третьестепенный писатель, завалящій художникъ—вся эта ослà бритвѣ и соль земли, всякій развлекающій публику, и будь ты оборышъ и подонокъ, а

и для тебя въ той же самой публикѣ кто-нибудь да найдется, хоть одинъ, кто на тебя вотъ такъ посмотритъ, какъ на меня когда-то смотрѣлъ Корявка. Да и всякій и не актеръ, и не писатель, и не художникъ, а человѣкъ, просто человѣкъ живущій—не ломающійся, а глазѣющій, не болтающій, а впитывающій болтовню и вздоръ и нерѣдко самъ сообразно поступающій, не мажущій мазню, а приглядывающійся къ ней, словомъ—огромное большинство вовсе не мнящихъ себя ослѣй бритвѣ и солью земли,—вашъ покорный слуга, вашъ сосѣдъ, первый встрѣчный, все равно кто, все равно, а не могъ бы и дня прожить или, пожалуй, и могъ бы, но какъ! — какъ тускло, какъ безрадостно!—не будь при немъ хоть кого-нибудь, кто бы изрѣдка, по большимъ праздникамъ, что ли, по двенадцатымъ, а повосхищался имъ, не будь пріятеля, ну, хоть не такъ смотрящаго, какъ на меня Корявка, а почти... почти что такъ.

И нашъ Иванъ Александровичъ, вовсе никакой художникъ, Иванъ Александровичъ надворный совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Александровичъ Галузинъ, мужъ кротокъ и молчаливъ, при всей своей замкнутости и тихихъ и нетихихъ секретныхъ привычкахъ, не буявъ и не величавъ, а имѣлъ-таки себѣ поклонника, и такимъ восхищающимся пѣтушкомъ лакомымъ былъ подлецъ Корявка, промѣнявшій меня не за ломаный грошъ. И Иванъ Александровичъ былъ вполне доволенъ.

А Павочка... Павочка и представить себѣ не могла, что бы такое было, если бы не восхищались ею. Стоило только на часъ какой оставить ее одну—и такая вдругъ нападала тоска на нее тоскущая, ей-Богу, будто ужъ въ мірѣ на сырой землѣ ей и мѣста-то не оказывалось, и такой несчастной, такой покинутой становилась она, ей-Богу, смотрѣть жалко! И ужъ для нея, будь ты хоть Лихомъ-одноглазымъ, будь самимъ бѣсомъ Зеееусомъ, да чѣмъ угодно, а только повосхищайся — и будешь хорошъ, и будетъ все хорошо.

Павочка такая...—ну, какъ назвать?—она и не изъ крупныхъ, малюпуська, курносенькая, значечко тутъ на шейкѣ и пустой-препустой лобикъ,—дѣвчонка. Я лучшаго ей названія

не могу придумать: дѣвчонка, только замѣтите, совсѣмъ это не въ какомъ-нибудь такомъ смыслѣ — дѣвчонка! Въ животномъ мірѣ среди кошекъ, милыхъ нашихъ мурокъ попадаютъ ну такія кошечки, — вотъ подходящее, вы представляете? И, гдѣ хотите, ее можете встрѣтить и въ трамваяхъ, и на гуляньѣ, и на лекціяхъ, и на вечерахъ, и въ театрѣ — она непремѣнно въ какомъ-нибудь такомъ платьицѣ необычайномъ, вся розовенькая, на каблучкахъ и такой препустой-пустой лобикъ, а вокругъ нея франты съ лошадиными лицами — зародится же, прости Господи, народъ такой, съ лошадиными! — а то старичокъ, старикашка тоже сѣменить... думаешь, что такъ, а окажется — му-ужъ, — вотъ и поди! Да, гдѣ хотите, съ кѣмъ хотите, гдѣ угодно вы ее можете встрѣтить, она вамъ въ глаза первая бросится.

— Экая, — скажете, — дѣвчонка! — и ротъ до ушей пойдетъ.

Тоже и тамъ бываютъ, я намеренъ встрѣтить и не ночью, а среди бѣла дня... на Суворовскомъ у насъ, какъ-то въ будній день иду и вижу, идетъ, зимой было, ничего, все, какъ слѣдуетъ, по-зимнему: ротонда на ней — коза ангорская такая пушистая бѣлая... да не идетъ, это мы съ вами идемъ, а она — экая! — она знай себѣ по морозцу-то приплясываетъ.

— Экая шельма дѣвчонка! — не удержался, сказалъ кто-то, и не очень тихо, а весело, за всѣхъ.

— Злая она?

— Нѣтъ.

— Добрая?

— Ну, какъ когда.

— Какая же?

— А думаю я такъ и скажу вамъ словомъ Корявки, сколь разумѣю отъ моего безумія и ума забвеннаго, случилось важное какое міровое открытіе, ну, нашли бы вѣрное средство, предупреждающее нечаянности — несчастія съ людьми, тамъ гдѣ-нибудь на Пулковской обсерваторіи по звѣздамъ вычислили бы, и все до точности, и само собой до точности дознались бы, при какихъ такихъ житейскихъ условіяхъ средство это дѣйствовать будетъ, нечаянности предупреждать, и,

скажемъ, такъ, что по условіямъ этимъ потребуется постъ всемірній—должны будутъ люди въ извѣстные сроки и одновременно налагать на себя постъ, или еще что внѣшнее потребуется, напимѣръ, какой-нибудь танецъ глупѣйшій или просто ломаться и кривляться, какъ дѣти, и опять же въ опредѣленный часъ, и чтобы всѣ безъ исключенія, какъ одинъ, и, стало-быть, какъ видите, все дѣло, суть всѣхъ условій сведется къ нѣкоторому непремѣнному и неукоснительному исполненію какого-то тамъ обязательнаго для всѣхъ постановленія, и думаю я, что, въ виду важности открытія, любой и самый крысиный изъ самага крысыяго подполья лишилъ бы себя удовольствія чаю попить съ баранками (баранки, конечно, бублики съ макомъ; что съ макомъ, что безъ мака, цѣна одна, макъ—даромъ!), да и самый поперечный наложилъ бы на себя постъ всемірній, подчинился бы этому всеобщему обязательному для всѣхъ постановленію во имя такого громаднаго или, какъ говорятъ нынче, золотя дутые всякіе пустяки, такого колоссальнаго всеобщаго блага (не забывайте, нечаянности несчастныя будутъ устранены!), но вы не дождетесь и будьте увѣрены, что вотъ такая... дѣвчонка такая это обязательное постановленіе ваше обязательно нарушить, и просто такъ и совсѣмъ не со зла нарушить и совсѣмъ не отъ своей отдѣленности милой и веселой, не говорю ужъ отъ крысиности—никакой крысиной подпольности ни личной поперечности въ ней и помину нѣтъ: она вся открытая, и въ этомъ смыслѣ чиста, какъ чисто серебро разженное, нѣтъ, нарушить такъ, просто такъ себѣ. И ты ей хоть лобикъ ея пустой прошиби, что возьмешь? — толку не добьешься, она только горько заплачетъ... впрочемъ, на такую и рука не подымется: вѣдь будь на ея мѣстѣ какой съ лошадинымъ лицомъ, въ такомъ родѣ что-нибудь, тогда, можетъ, вгорячахъ, въ злости, изъ ревности къ благу общему и за свою шкуру, да и отъ досады просто, и не удержишься, не совладаешь съ собой да по виску его и кокнешь, но Павочку—нѣ-ѣтъ, я не могу, да и вы не можете, конечно!

Иванъ Александровичъ, такой молчаливый — мужъ сми-

ренъ и кротокъ!—потупляющійся при встрѣчахъ, такъ что и глазъ-то его путно никто не видѣлъ, какіе они, а вотъ оказывается, лунатическіе, вотъ какіе! Иванъ Александровичъ съ нѣкоторыхъ поръ, а вы, конечно, догадываетесь съ какихъ, эти загадочные лунатическіе свои глаза перестроилъ на восхищающіеся. И въ то же самое время отъ Павочки только и слышно стало, что о Иванѣ Александровичѣ.

— Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ—Иванъ Александровичъ!

Иванъ Александровичъ исполнялъ все, чего только ни пожелаетъ Павочка: онъ доставлялъ ей всякіе билеты на всевозможныя развлеченія, ну, куда только она хотѣла, онъ дѣлалъ все, лишь бы угодить Павочкѣ.

И это у всѣхъ на глазахъ и въ живой памяти, и началось безъ году недѣля, и началось при обстоятельствахъ весьма странныхъ.

2.

У Ерыгиныхъ только и говорили, что о шагахъ таинственныхъ.

Изъ ночи въ ночь слышались шаги въ коридорѣ: кто-то съ большой осторожностью проходилъ по ковру въ коридорѣ отъ гардероба къ окну и обратно. Кто ходилъ и зачѣмъ въ такой полуночный часъ и жуткій—терялись въ догадкахъ. А въ сущности-то говоря, некому и незачѣмъ ходить было, и вотъ кто-то ходилъ, кому-то надобилось, и Богъ знаетъ, для чего въ такой жуткій полуночный часъ.

Слышала шаги Миша, слышала Веточка, слышала сама Миропія Алексѣвна.

— Воры?

— Какіе же воры! Все было цѣло-цѣлехонько, и хоть бы шпилька съ пола пропала.

— Прислуга?

— И опять нѣтъ,—ну, зачѣмъ прислугѣ таскаться въ такой часъ и въ такомъ непоказанномъ мѣстѣ?—прислугѣ ночью не до гулянокъ! И притомъ всѣхъ спрашивали, и даже не одинъ разъ, и никто, конечно, ничего не знаетъ, и не ходилъ, и не слыхалъ,—спать крѣпко.

— Можетъ, у васъ въ коридорѣ?.. — пытались сочувствующіе деликатно разрѣшить ерыгинское недоумѣніе и ужъ сразу покончить со всякой таинственностью.

— Ничего подобнаго! — даже обижалась Миропія Алексѣвна: ее хоть и больше всѣхъ беспокоили эти шаги, нарушавшіе долготнѣй миръ ея ладной мирной дачи, но такое чреэчуръ житейское объясненіе вѣдь не оставляло ровно ничего отъ всей таинственности, какъ-никакъ, а событія знаменательнаго.

Иванъ Александровичъ, гостившій на дачѣ у Ерыгиныхъ, первоначалу-то ничего не слышалъ, никакихъ таинственныхъ, ни нетаинственныхъ шаговъ, не слышала и Павочка, двоюродная сестра Ерыгиныхъ, тоже гостившая въ Павловскѣ. Но и Иванъ Александровичъ и Павочка такъ же мало были къ шагамъ причастны, какъ и сама Миропія Алексѣвна.

— Кто же?

— Кто ходилъ ночью по коридору?

— Это ты, Миша?—рѣшилась-таки изъ послѣдняго своего отчаянія бѣдная Миропія Алексѣвна спросить сына: можетъ, Миша подтруниваетъ надъ нею и надъ всѣми?

Миша непременно бы обидѣлся, будь съ его стороны и вправду хоть что-нибудь нечисто, но тутъ и по правдѣ все было начистоту: онъ и не думалъ ходить по ночамъ пугать домъ, онъ себѣ самъ ломалъ голову не меньше самой Миропіи Алексѣвны, и не меньше Миропіи Алексѣвны ему самому хотѣлось дознаться, разрѣшить наконецъ эту ничѣмъ необъяснимую таинственность: а вѣдь быть того не можетъ, чтобы не было виноватаго! Миша—правовѣдь, нынче перешелъ въ первый классъ, и таинственность вообще ему не по положенію.

— Да позвольте, — нашлась Веточка, — Веточка за зиму начиталась всякихъ книжекъ о всякихъ таинственностяхъ, и отвѣтъ у нея былъ готовъ:—да все это очень просто: это астральное тѣло ходитъ!

— Астральное?

— Конечно, астральное, а больше никому, — Веточка была права.

И всѣ съ Веточкой согласились, и на нѣкоторое время о шагахъ какъ будто и забылось. Но это не такъ: чѣмъ

ближе подходилъ вечеръ, а за вечеромъ бѣлая ночь, тѣмъ вспоминались шаги больше, и ужъ никакой и самый изъ всѣхъ правдоподобный отвѣтъ не могъ успокоить.

И пусть ходило тѣло астральное, но чье? Кому оно принадлежало? Кто ходилъ?

— Чьи же шаги? — спрашивала Миропія Алексѣевна и отъ своего вопроса впадала въ еще большее безпокойство, и какими невозвратно-счастливыми, какими невозможно-пріятными представлялись ей всѣ тѣ прошлые дни—начало Павловскаго лѣта, и она, избежавъ тревоги, ужъ рѣшалась просто сняться съ насиженнаго лѣтняго своего гнѣздышка и по-осеннему вернуться въ Петербургъ на свою зимнюю Французскую набережную,—она не могла больше слышать изъ ночи въ ночь повторяющихся, ничѣмъ необъяснимыхъ, полуночныхъ шаговъ.

А Миша свое думалъ.

„Вотъ подкараулю,—думалъ Миша:—внезапно настигну, хватъ—и поймаю съ поличнымъ!“

Съ тѣмъ Миша и ложился въ кровать съ этой хватальной мыслью, и когда подходилъ часъ шаговъ астральныхъ, эта хватальная ночная мысль не покидала его, но онъ не вставалъ, а съ замиравшимъ сердцемъ прислушивался, потомъ, овладѣвъ собой, закуривалъ папироску и курилъ, пока не затихало.

Услышалъ наконецъ шаги и Иванъ Александровичъ, услышала наконецъ шаги и Павочка.

Павочкѣ было очень страшно, но любопытство въ ней загорѣлось сильнѣе страха. А Иванъ Александровичъ сперва провѣрилъ: слышитъ онъ или такъ ему кажется? — и для этого, хоть и бѣлая ночь, зажегъ свѣчку, и оказалось, точно слышитъ, кто-то ходилъ по коридору, слышитъ, слухъ его не обманывалъ. Конечно, никакое астральное, а самое настоящее осязаемое тѣло о двухъ человѣческихъ ногахъ, и не мертвое; таинственныя явленія допускалъ Иванъ Александровичъ исключительно и только въ крещенскіе вечера, а кромѣ того, держался того убѣжденія, что вообще мертвое тѣло ходить и говорить не можетъ.

Послѣ завтрака, когда Иванъ Александровичъ по обыкновенію вышелъ прогуляться въ паркъ, а Ерыгины остались одни, и само собой и Миропію Алексѣевну, и Мишу, и Веточку, и Павочку—всѣхъ занималъ единственный теперь вопросъ о шагахъ.

— А я знаю,—сказала Павочка,—кто ходитъ!

Въ другое бы время никто на Павочку и не обратилъ вниманія, но тутъ ловили всякую разгадку, и всѣ, какъ одинъ, отозвались:

— Ну, кто же?

— Да Иванъ Александровичъ! — улыбалась Павочка своимъ алымъ ротикомъ.

— Чтò за вздоръ! Иванъ Александровичъ...

— Да вѣдь онъ же лунатикъ!

— Лунатикъ?

— Конечно,—улыбалась Павочка,—и глаза у него лунатическіе.

А передъ обѣдомъ къ Миропіи Алексѣевнѣ заходила экономка Оня, женщина хоть и подъ пятьдесятъ, а съ большой игрою, и шепталась съ барыней не о пьющемъ поварѣ, а о проклятыхъ шагахъ полуночныхъ—ихъ ужъ всѣ нынче слышать, вся прислуга и даже самъ пьющій Семень-поваръ,—и думаетъ она на барина, что чужой это баринъ, никому другому.

— Очень они молчаливы, — шептала Оня, — и говорятъ тихо!

И за обѣдомъ всѣ особенное обратили вниманіе на Ивана Александровича, на его глаза особенно, и хотя глаза Ивана Александровича, если ужъ по правдѣ сказать, ничѣмъ особеннымъ и не выдавались—ни выпуклостью своей, ни рѣсницами—сомнѣнія ни у кого не было, что глаза лунатическіе. А вмѣстѣ съ глазами поставлены ему были на видъ и молчаливость его и его необыкновенно тихій голосъ. Конечно, Иванъ Александровичъ—лунатикъ, и, конечно, это онъ ходитъ ночью, — тутъ и говорить нечего, и спору нѣтъ. И ужъ какъ послѣднее и самое вѣское доказательство, при-

нято было во вниманіе то обстоятельство, что вѣдь только одинъ Иванъ Александровичъ шаговъ не слышалъ, когда весь домъ, всѣ слышали, и даже пьющій Семень-поваръ, а потому не слышалъ, ну, потому, что самъ и ходилъ. И, надо сказать правду, тутъ Иванъ Александровичъ самъ въ грѣхъ ввелъ: и почему ни словомъ не обмолвиться хотя бы о своихъ ночныхъ провѣркахъ? И когда заходила рѣчь о догадкахъ, небось, сидѣлъ, словно воды въ ротъ набралъ! А разъ такъ—пеняй на себя.

Съ этихъ поръ отношеніе къ Ивану Александровичу естественно измѣнилось, при немъ держались какъ-то на вытяжку, неестественно, стали къ нему необыкновенно внимательны, а посматривали очень не безъ тревоги: лунатикъ вѣдь не только можетъ ходить по коридору въ часы непоказанные, лунатикъ можетъ и не по коридору, а и по всякимъ мѣстамъ прохаживаться опаснымъ, по карнизамъ; но это еще съ полбѣды, главное же то, что лунатикъ можетъ такую штуку выкинуть самую неожиданную, какое угодно преступленіе и самое звѣрское совершить можетъ въ своемъ лунатическомъ видѣ, и совсѣмъ безнаказанно.

Что говорить, положеніе Ерыгиныхъ, пригласившихъ къ себѣ на дачу погостить такого страннаго страшнаго гостя, было не изъ завидныхъ.

— А развѣ раньше-то за Иваномъ Александровичемъ никто-таки ничего такого не замѣчалъ?

— Никто ничего, даже и думать-то не думали.

— Какъ же такъ?

— Да такъ, видно, случая не было.

Больше всѣхъ упрекала себя Миропія Алексѣевна за оплошность свою—она и пригласила Ивана Александровича, и она первая всѣмъ и каждому его расхваливала, его скромную молчаливость и особенный, дѣйствующій благопріятно на нервы, успокаивающій его голосъ!—и встревоженные глаза ее выдавали.

Не отличавшійся особо выдающимся чутьемъ и проникновеніемъ, Иванъ Александровичъ понять хотъ и ничего не

понялъ, однако забеспокоился. И еще больше забеспокоился, когда замѣтилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ при его появленіи какъ-то загадочно примолкали и ужъ очень усиленно спрашивались о здоровьѣ, и притомъ у всѣхъ было въ глазахъ что-то и участливое, а вмѣстѣ и тревожное.

И все это въ концѣ концовъ приписалъ Иванъ Александровичъ угнетающимъ ночнымъ шагамъ, о которыхъ, само собой, продолжалъ изъ деликатности отмалчиваться.

„Конечно, передъ нимъ, какъ гостемъ, Ерыгинымъ было неловко, вотъ они и старались какъ-нибудь да загладить эту свою неловкость!“—такъ соображалъ Иванъ Александровичъ.

Но соображеніе это мало въ чемъ примирило его: онъ беспокоился, онъ, какъ и всѣ въ домѣ, ночь спалъ плохо, онъ все прислушивался, его, какъ и всѣхъ, шаги изводили, и, какъ всѣхъ, заполняла одна хватальная мысль: подкараулить виновника, если таковой дѣйствительно имѣлъ образъ человѣческой, т.-е. пару ногъ, пару рукъ обязательно, и вѣнецъ—голову, да, подкарауливъ, и поймать.

А въ то же самое время Ерыгины и съ ними Павочка свое твердое и неизмѣнное положили рѣшеніе, ужъ во что бы то ни стало, а подкараулить... Ивана Александровича.

И въ домъ вошло что-то заговорщицкое, подозрительное, какое-то наступило осадное положеніе: что-то очень ужъ всѣ молчаливы стали, рано стали расходиться по своимъ комнатамъ и затихать какъ-то особенно, подозрительно, и хотъ спать и ложились, но и безчувственный почувствовалъ бы, что никто и не собирався спать.

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ, что дѣло все въ немъ, что его подозрѣваютъ, да ужъ не подозрѣваютъ, а увѣрены въ хожденіи его ночномъ, да онъ вопреки всей своей молчаливости и замиравшему, дѣйствующему благопріятно на нервы, успокаивающему голосу, нашель бы въ себѣ и вопіющій гласъ и разговорность щечилы. Но откуда ему что знать? И, улегшись въ постель и на минуту замечтавъ о тихомъ лѣтнемъ снѣ, онъ вдругъ поднялся и притаился у двери.

И въ то же самое время сосѣди его, тоже бесполезно провалявшись на кроватяхъ съ отчаянной мыслью о снѣ пріятномъ, поднялись къ своимъ дверямъ на караулъ.

И вотъ около полуночи послышались шаги... и не одно сердце упало отъ нетерпѣнія.

Иванъ Александровичъ, по собственному его наблюденію, раньше другихъ услышалъ шаги: онъ услышалъ ихъ еще издалека отъ окна, широкіе медвѣжи, и тотчасъ выскочилъ въ коридоръ — и никакое астральное, никакое тѣло мертвое — здоровенный парнюга, новый ерыгинскій садовникъ Григорій пробирался по коридору къ комнатѣ экономки Они, вотъ кто! И быть бы бычку на веревочкѣ, ужъ готовъ былъ Иванъ Александровичъ сцапать Григорія и вдругъ, какъ вкопанный, сталъ: прямо противъ него въ такомъ же ночномъ, какъ и онъ, видѣ, стояла у своей двери Павочка, раскрывъ свой алый ротикъ.

Никакихъ таинственныхъ исторій Иванъ Александровичъ за собой не зналъ, если не считать единственного случая, оставшагося памятнымъ ему и черезъ много лѣтъ. Однажды вечеромъ—это было въ Малороссіи лѣтомъ—Иванъ Александровичъ попалъ на ярмарку и, переходя отъ одной палатки къ другой и разсматривая всякія ярмарочныя диковинки, дошелъ до цыганъ. У шатровъ чадили костры, видно было, ужъ готовились на ночлегъ, и онъ пожалѣлъ, что поздно: пѣсенъ ему не послушать и на цыганъ не поглазѣть, и вдругъ увидѣлъ передъ собой цыганку, она передъ нимъ точно изъ-подъ земли выросла:

— Дай твою руку!

И такъ это неожиданно, что Иванъ Александровичъ готовъ былъ не одну, а обѣ свои руки отдать въ темную цыганскую руку. Что-то приговаривая, чего и не поймешь никакъ, цыганка потянула его руку къ себѣ — къ груди, увѣшанной золотомъ, и выше, къ подбородку. А лицо ея—лицо ея чѣмъ-то жуткое, словно выточенное — и ничѣмъ не возъ-

мешъ и ничѣмъ не покоришь, какъ восковой, мертвый лобъ, а глаза ея непреклонные, она глядѣла въ упоръ, не на руку—она его и руку взяла, чтобы только мучить въ своей рукѣ, довести до губъ и отпустить. Измученный, стоялъ онъ... или такъ всю жизнь и стоять бы ему, или ужъ вырваться, затеряться въ подвыпившей ярмарочной толпѣ?

— Позолоти ручку! Позолоти ручку! — настойчиво повторяла она и безусловно, и отпускала руку его, и опять подводила къ губамъ, и чуть-чуть касалась губами.

И никуда онъ не убѣжалъ, а полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ. И когда звякнуло серебро, — цыганята, цыганки, и молодя и старя, почуя добычу, повыскакали изъ шатровъ и, галдя и гакая, навалились на него, и чьи-то крѣпкія руки и теплыя обняли его сзади.

— Хочешь, я тебѣ на двѣнадцать жилъ пропляшу, хочешь? — дула въ ухо цыганка, но онъ не видѣлъ ея, онъ только ту видѣлъ, свою, неподступную и непокоримую, свою Машу.

Вотъ единственный случай таинственный: цыганка Маша.

И теперь, когда въ домѣ всякіе шаги утихли, а отъ тѣхъ изводящихъ и слѣда не осталось, Иванъ Александровичъ, засыпая, почему-то вспомнилъ этотъ таинственный свой случай, свою цыганку Машу, ея глаза непреклонные, и она такая одна, ни на кого не похожая, Маша слилась въ воображеніи его съ Павочкой, розовенькой и курносенькой, съ своимъ милымъ значкомъ и алымъ ротикомъ, — и Богъ знаетъ о чемъ замечталось Ивану Александровичу. Ему хотѣлось, чтобы и опять шаги услышать полуночные и опять встрѣтить Павочку, какъ стояла она въ коридорѣ у своей двери съ раскрытымъ алымъ ротикомъ! И только подъ утро, совсѣмъ размечтавшись, заснулъ сладко нашъ Иванъ Александровичъ, а снилась ему канитель и чепуха всякая — снился экзаменъ по математикѣ: вынимаетъ онъ изъ кучки билеты, а билеты будто все листы ветчинные.

Не листы ветчинные—билеты, свое снилось Павочкѣ такое лѣнливое: ей снился мохнатый бокъ, сѣрый, свѣтящійся —

спрячется и покажется, а ни головы, ни передка, ни заднихъ ногъ, одинъ этотъ бокъ, сѣрый, свѣтящійся—спрячется и покажется. И проснулась Павочка, день ужъ сталъ, а ей хотѣлось и еще поваляться, потянуться, помечтать о чемъ-то, и вспомнила объ Иванѣ Александровичѣ. Вотъ интересно! Вотъ и ей пришлось увидѣть: лунатикъ настоящій, можетъ прохаживаться по всякимъ мѣстамъ опаснымъ, по карнизамъ, и вовсе не страшно! Вотъ будетъ интересно! И она скоренько поднялась.

А еще съ утра, когда всѣ спали, Миропія Алексѣевна творила судъ и расправу. Повинилась экономка Оня: она и сама не знаетъ, что у нея въ головѣ! И садовникъ повинился Григорій: погубила его Анисья Семеновна! Такъ все было выведено на чистую воду. Миропія Алексѣевна осталась очень довольна и всѣмъ простила.

И хотя теперь все было ясно, и о таинственности не могло быть и рѣчи, а стало-быть, и подозрѣнія всякія о лунатическомъ хожденіи Ивана Александровича сами собой пали, — убѣдить Павочку, что это такъ, а не этакъ, было невозможно, и для Павочки навсегда остался лунатикъ — Иванъ Александровичъ—лунатикъ!

3.

Павловская дача къ концу лѣта осиротѣла. Ерыгины уѣхали въ Карлсбадъ и съ ними Павочка, а Иванъ Александровичъ въ Петербургъ переѣхалъ къ себѣ на Пушкинскую.

Иванъ Александровичъ служилъ въ комиссіи по реформѣ обмундированія, — мѣсто благополучное, служба спокойная. Въ подчиненіи сидѣли у него писцы всякіе, а начальникомъ надъ нимъ былъ совѣтъ изъ генераловъ, генералы собирались не очень часто, командой не докучали. Лѣтомъ бывало и совсѣмъ тихо: лѣтомъ, какъ извѣстно, отдыхать полагается, силъ на зиму набираться — дѣло не убѣжитъ! Лѣтомъ разъѣзжались генералы кто на дачу, кто въ имѣніе, кто на воды лѣчиться, и одинъ оставался Иванъ Александровичъ.

Въ будній день послѣ занятій Иванъ Александровичъ обѣдалъ, потомъ, отдохнувъ, шелъ гулять и, нагулявшись, заходилъ куда-нибудь въ кофейню и тамъ въ кофейнѣ просиживалъ до глубокаго вечера. Въ воскресенье и въ праздникъ онъ ходилъ по гостямъ: знакомыхъ домовъ ему хватало на мѣсяцъ.

Ивана Александровича вообще любили и за его тихость и за его дѣйствующій благопріятно на нервы успокаивающій голосъ: когда онъ говорилъ, онъ словно умиралъ — чего-жъ успокоительнѣй! — кто-кто, а помирающій ни взволновать, ни раздражить не можетъ, это живой — смутьянь, пила и досада!

И внѣшность у Ивана Александровича внушала довѣріе: это не какой-нибудь бритый, не поймешь, кто, — носилъ Иванъ Александровичъ бороду, а борода—кому-жъ не знать!—есть священное украшеніе мужчины.

Въ извѣстные сроки Иванъ Александровичъ отдавался своимъ нетихимъ секретнымъ привычкамъ: вечеромъ изъ кофейной шелъ онъ не прямо по Невскому на свою Пушкинскую, а обходной дорогой — по Садовой, потомъ выходилъ на Вознесенскій... И Богъ знаетъ почему вспоминалась ему всякій разъ Маша-цыганка, и ужъ на слѣдующій день послѣ гульной ночи бывалъ онъ необыкновенно въ добромъ духѣ, и отъ этой доброты, что ли, его наполнявшей, или еще отъ чего, онъ тихонечко пѣлъ.

Нетихія секретныя привычки были теперь отъ него далеки, онъ даже и представить себѣ не могъ, какъ бы это такъ вышелъ онъ на Вознесенскій, и Маша ему не вспоминалась,—одна единственная была въ его мысляхъ Павочка,—Павочка не выходила изъ головы, и онъ повторялъ ея имя:
— Павочка, любилочка моя!

Подымался онъ, какъ пьяный, хотя пить и ничего не пилъ, курить—курилъ, былъ грѣхъ, и курилъ больше, чѣмъ всегда, но не отъ курева же пьянѣлъ? — отъ чувствъ, отъ любви, видно.

— Павочка, любилочка моя!

Ляжетъ, возьметъ книгу на сонъ грядущій,—прежде, бывало, съ книжкой какъ засыпалъ онъ дружно, и чѣмъ интереснѣе была книга, тѣмъ дружнѣе сонъ нагоняла, а вотъ и книга не помогаетъ, да и не до книги ему, и лежитъ ночь безъ сна съ открытыми глазами.

— Павочка, любилочка моя!

И это чувство знойнымъ голосомъ Маши томило его.

Чего онъ хотѣлъ? Да чтобы осень скорѣе, чтобы зима пришла и снѣгъ, — будетъ онъ часто бывать у Ерыгиныхъ, снова увидитъ Павочку, онъ только и хочетъ видѣть Павочку.

Чувство его было такъ полно, до самыхъ краевъ.

И при всей своей молчаливости Иванъ Александровичъ

рвался кому-нибудь открыться, ну, хоть намекомъ намекнуть, хоть полусловомъ сказать, имя повторить любимое Павочки.

А такимъ другомъ сердечнымъ и попался ему Корявка.

Корявка служилъ въ департаментскомъ архивѣ и былъ тамъ единственнымъ чиновникомъ, и службы у него собственно никакой не было: архивныхъ дѣлъ не спрашивали, и только съ учрежденіемъ комиссіи одинъ изъ начальниковъ Ивана Александровича, старичокъ-генераль, любитель отечественной исторіи, сталъ требовать старыя дѣла. Правда, дѣятельность эта длилась не очень долго—надоѣло ли старичку, или время не позволяло, но еще весной поручилъ генераль всю подготовку дѣлъ Ивану Александровичу. Съ единственнымъ Иваномъ Александровичемъ Корявка и входилъ въ дѣловое общеніе: для него и дѣла заготовлялъ, отъ него же и обратно ихъ принималъ въ архивъ и, скажу ужъ, частенько неприкосновенныя.

Службу свою Корявка считалъ безнадежной: повышенія онъ себѣ не могъ ждать—повышать и некуда было, да и прибавки ему никакой не полагалось—окладъ разъ навсегда утвержденъ. И, сидя за пустымъ столомъ, въ одиночку, безъ всякаго дѣла и безнадежно, Корявка предавался мудрованію. И, конечно, лучшаго собесѣдника Иванъ Александровичъ и не могъ найти.

Была та изводящая скука, безъ которой немислимо себѣ представить прославленнаго курорта. Миропія Алексѣевна, проходившая курсъ карлсбадскаго лѣченія, цѣлый день занята была всякими источниками, ваннами и лежаніемъ съ грязевымъ мѣшкомъ, но Павочка, которой волей-неволей пришлось подчиниться общему режиму и даже ни свѣтъ ни заря подыматься, первое время очень пріуныла. И ее нисколько не занимали чудесные рассказы о чудодѣйственныхъ источникахъ—пьющіе цѣлебную воду будто бы теряли въ вѣсъ чуть ли не по пуду ежедневно!—и не менѣе чудесная повѣсть о Петрѣ, какъ нашъ царь-градарь высиживалъ

въ огненной шпруделевой ваннѣ ни много, ни мало круглая сутки, тѣмъ и лѣчился; ее не удивлялъ и старый еврей — карлсбадское чудо — вотъ уже пятнадцать лѣтъ выпивавшій этого самаго шпруделя по шестьдесятъ стакановъ въ день и безъ всякаго стѣсненія; она скучала отъ пуповской музыки, симфоническихъ концертовъ и гранатныхъ магазиновъ. Всѣ, кромѣ нея, дрожали надъ своими кружками, и въ этихъ кружкахъ было все.

Но и для Павочки, хотъ и въ послѣднюю недѣлю, а нашлось развлеченіе: появились родственники и знакомые, и притомъ такіе, какъ и Павочка, пріѣхавшіе не совсѣмъ для лѣченія, и ужъ восхищающихся оказалось столько, сколько и не мечталось, а вѣдь для Павочки въ этомъ была своя кружка, и бѣльшаго развлеченія ей не понадобилось.

А что же Иванъ Александровичъ, такъ-таки она его и забыла?

Ну, зачѣмъ забывать? — ничуть: все-таки поклонники ея были самыми обыкновенными поклонниками, а Иванъ Александровичъ — лунатикъ, она этого не могла забыть, она его не забыла, ну и не вспоминала.

Когда Павочка была гимназисткой, она водила за собой цѣлую стаю... и кто только въ нее ни влюблялся, да и невозможно было пройти равнодушно — одно ея личико въ такомъ нѣжномъ, тонкомъ пушку, а вздернутый носикъ такой задорный, и значечко тутъ на шейкѣ, и коса до колѣнъ, и такая она вся румяная, лѣтомъ отъ солнца, зимой отъ мороза, и такая радостная своей юной радостью и оттого, что хвостъ за нею влюбленный, и она во всѣхъ влюблена, и притомъ на все надо такъ выхитриться, чтобы не замѣтили ни классная дама, ни начальница. Но это не все, — помните, какъ Павочка умѣла ходить? — она какъ-то особенно, по-своему переставляла ноги, думала, очень изящно, — возможно, и было изящно, только совсѣмъ это изъ другого. Когда ей пришла въ голову мысль ходить такъ особенно, такъ по-своему переступая, случилось на первыхъ порахъ несчастье — она поскользнулась передъ окнами своей симпатіи — гимназиста и

упала въ лужу; еще слава Богу, что отдѣлалась слезами, а могло бы кончиться чѣмъ и похуже. Теперь-то, будьте покойны, не поскользнется, а иначе и ходить не можетъ, какъ только такъ, такъ переступая по-своему. И отъ этой рискованной ея походки поклонниковъ у нея еще прибыло. Каждый гимназистъ обязанъ былъ дать ей свой серебряный гербъ, и съ какой радостью показывала она полную шкатулку, и, кажется, не было герба, который не считалъ бы своимъ счастьемъ попасть въ Павочкину шкатулку!

Подруги Павочку любили: Павочка и веселая, Павочка и пѣвунья, Павочка и проказница—и размѣшить и чѣмъ угодно представится! Всякій день передъ уроками собираются гимназистки въ большую залу на молитву, Павочка—съ камертономъ, она даетъ тонъ и управляетъ хоромъ: она ударить камертономъ себѣ по пальцу, поднесетъ къ уху, пропоетъ тихонько: до-ля-фа! — и начинаютъ „Отче нашъ“, и опять ударить камертономъ себя по рукѣ, поднесетъ къ уху и ужъ пропоетъ тихонько: рэ-си-солы! — и хоръ поетъ „Преплагій Господи!“ Павочка управляетъ и въ то же время строить самыя такія рожи и подсмѣивается, смѣшить хоръ — ей-то ничего, она спиной стоитъ къ начальницѣ, это хоръ у всѣхъ на глазахъ! — и она знай смѣшить, и тогда смѣшить, когда и управлять не надо въ концѣ молитвы; затѣмъ, обернувшись къ иконѣ, истово крестится и кланяется низко, а зато и считаетъ ее начальница благочестивой. И всякое воскресенье по тому же благочестію своему Павочка ходила въ гимназическую церковь—ей было весело переглядываться и перемигиваться съ гимназистами, а какъ пріятно видѣть столько, столько восхищенныхъ глазъ!

Павочка любила кружить и кружила, но трагическихъ происшествій отъ этихъ круженій никакихъ не бывало: подъ поѣздъ никто не ложился. Съ Павочкой бывало весело, съ Павочкой не соскучишься, а надоѣстъ — уходи, твое мѣсто пустовать не будетъ, и тебя не вспомнать...

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ! Но куда ему что знать, — онъ былъ полонъ самыхъ радужныхъ на-

деждъ. Съ Корявкой, теперь неразлучнымъ, онъ строилъ счастливые планы, какъ женится, конечно, на Павочкѣ, и какъ наступитъ у нихъ райская семейная жизнь. Онъ при­смотрѣлъ квартиру, и не по газетному объявленію и не че­резъ контору, а по своему глазу и на свой вкусъ вмѣстѣ съ Корявкой, присмотрѣлъ очень подходящую въ новомъ до­страиваемомъ домѣ на Каменноостровскомъ: тутъ имъ бу­детъ и къ островамъ поближе и къ Ботаническому саду, а мостовъ ни онъ, ни Павочка не боятся, это Корявка боится; ну, ничего, Корявка перебоится, — и все обойдется; при­томъ же Корявка не всякій день, а лишь по праздникамъ будетъ приходить къ нимъ на Каменноостровскій обѣдать. Присмотрѣлъ и обстановку—было бы благоразумнѣй загодя теперь же все и купить, а то осенью цѣны подымутся, осенью всякому нужно, и цѣна кусается, да такъ и хотѣлъ сдѣлать, но Корявка отсовѣтовалъ: будто бы гдѣ-то на углу Симеонов­ской и лучшую и дешевле можно будетъ купить впослѣд­ствіи. Этотъ Корявка! Выбралъ обручальные кольца и зака­залъ себѣ перстень: будетъ фамильнымъ — на трое колотъ, на четверо строганъ и золотомъ наливанъ, — вотъ какой! А Корявкѣ посулилъ часы съ кукушкой — завѣтная мечта Ко­рявки!

Всякій день, возвращаясь со службы, заходилъ Иванъ Александровичъ на Французскую набережную справиться, нѣтъ ли какихъ вѣстей. Въ свою очередь, и Корявка еже­дневно справлялся. Вѣсти были самыя благопріятныя: скоро!

Частенько Иванъ Александровичъ писалъ Павочкѣ письма, но отвѣта не получалъ. Или не доходили его письма? Без­отвѣтность начинала смущать. Но утѣшилъ Корявка. Корявка все знаетъ и не такой, чтобы сказать нитунись, во-пер­выхъ, чтò сановники, чтò дамы, и не обязаны отвѣчать,— это правило вывелъ Корявка изъ опыта великихъ людей и, должно быть, изъ собственнаго... О сановникахъ я не знаю, что же касается дамъ — клевета, ибо нѣтъ на свѣтѣ такого Корявки, который не получилъ бы отъ дамы и не одинъ, а дюжину самыхъ сердечныхъ отвѣтовъ,—ну, ладно, а, во-вто-

рыхъ, какіе же могли быть отъ Павочки отвѣты, когда все было ясно!

Если бы только зналъ Иванъ Александровичъ... Павочка его даже и не вспоминаетъ! У нея столько теперь, столько всякихъ новыхъ поклонниковъ, о комъ она хоть одну минутку подумать соберется—они съ нею, близко, ихъ она видитъ, а вѣдь Иванъ Александровичъ Богъ знаетъ гдѣ, такъ отъ нея далеко, а такъ на разстояніи она не привыкла и не можетъ, у нея такая ужъ душа близкая. Конечно, она его никогда отъ себя не отгонитъ, въ этомъ онъ можетъ быть покоенъ; она не отгонитъ, если бы даже вдругъ оказалось, что онъ не лунатикъ: она никого отъ себя не отгоняетъ, и самому Корявкѣ нашлось бы при ней мѣсто, и будь Корявка посмѣлѣе и рѣшисъ, да она и о Корявкѣ хоть и одну минутку, а подумала-бъ такъ. Замужъ, конечно, ни за Корявку, ни за Ивана Александровича Павочка не пойдетъ,—за Ивана Александровича замужъ?! Да и Миропія Алексѣевна едва ли найдетъ подходящимъ, Миропія Алексѣевна ужъ давно про себя рѣшила, за кого ей Павочку выдать, и тутъ она не ошибется—Миропія Алексѣевна племянницу свою, какъ родную дочь, любитъ, у Павочки отецъ умеръ, а мать ея въ Орлѣ съ сыномъ, Павочка все у тетки, Павочка для Миропіи Алексѣевны, какъ своя. Павочка выйдетъ замужъ, она будетъ блестящимъ украшеніемъ семейнаго очага, а вѣдь для Ивана Александровича... сами понимаете, какъ онъ любилъ!—эта любовь его къ Павочкѣ, по словамъ Корявки, была какъ желѣзо къ магниту.

Вотъ онъ, въ первый разъ полюбившій, и эта любовь не та... у цыганскихъ шатровъ къ Машѣ. Тутъ его словно связало, больше!—срастило съ нею, съ существомъ ея, и онъ нераздѣленъ съ нею, какъ нераздѣленъ еще не родившійся ребенокъ съ матерью, и никакой оскордъ, никакая сѣкира не отсѣчетъ его, развѣ смерть? Или и смерть тутъ не можетъ, и съ концомъ ничего не кончится?

— Алексѣй Тимоѣевичъ, ты понимаешь?

Еще бы! Не понять Корявкѣ! Корявка по его собствен-

нымъ тайнымъ думамъ о себѣ былъ наполненъ премудрости, аки злата и бисеру изнасыпанъ, и разумомъ смысленъ, Корявка могъ становиться на всякую точку зрѣнія и сочувствовать всякимъ чувствамъ, и самымъ противоположнымъ.

— Вотъ вы и женитесь, Иванъ Александровичъ.

— У меня, Алексѣй Тимоѳеевичъ, такое чувство, будто всякій день Вербное воскресенье... Всякое утро я встаю съ этимъ чувствомъ вербнымъ, а вотъ закрою глаза—и будто я гдѣ-то въ саду: осень—последніе цвѣты... георгины.

— Женитесь, Иванъ Александровичъ, дѣточки у васъ пойдутъ.—Корявка, пряменькій, маленькій смотрѣлъ съ восхищеніемъ.

— Назову я старшаго Александромъ, а второго Святославомъ, а третьяго...

— Маленькіе, толстенькіе они такіе.

— А третья будетъ у меня дочка—Павочка. Я, Алексѣй Тимоѳеевичъ, вѣрую въ Бога, Богъ меня любитъ, вотъ я и не думалъ о такомъ счастьѣ, а Богъ и послалъ.

— Все отъ Бога, Иванъ Александровичъ.

— Старшій, Александръ, будетъ у меня богатырскаго сложенія, вотъ какой!

— Александръ Великій! — Корявка тянулъ себя за свою козью бородку,—и я, какъ Сенека, Иванъ Александровичъ, буду ему служить!

— То-есть... Гераклить.

— Сенека, Иванъ Александровичъ, всегда былъ Сенека, великій учитель. При святомъ князѣ Владимирѣ — Несторъ Лѣтописецъ, при Петрѣ Великомъ—Арапъ, при Александрѣ Македонскомъ Сенека находился.

— Будетъ онъ у меня министромъ, съ докладомъ будетъ ѣздить къ государю, а я такъ около съ палочкой. Скажетъ онъ: папа!

— Маленькіе они, толстенькіе... Я дѣточекъ очень люблю, Иванъ Александровичъ.

— Современемъ и тебя, Алексѣй Тимоѳеевичъ...

— Нѣтъ, Иванъ Александровичъ, скажу вамъ, какъ передъ

Богомъ, я жениться не думаю, я такъ какъ-нибудь ужъ. Вы, Иванъ Александровичъ, человѣкъ сложный, вамъ все можно.

Корявка не хочетъ жениться! Удивительное дѣло! И какъ такъ можно не хотѣть жениться, когда вотъ онъ, Иванъ Александровичъ, только и думаетъ объ этомъ, только этого и ждетъ, только и видитъ себя...

— Нѣтъ, Алексѣй Тимоѣевичъ, ты — ненормальный человѣкъ, тебя надо лѣчить, вотъ что!

Корявка хихикалъ. Корявка все понимаетъ. Корявка соглашался. Корявка понималъ, что отъ любви дурного ничего не можетъ выйти, и совѣтъ Ивана Александровича благой, и онъ готовъ итти къ доктору лѣчиться.

Иванъ Александровичъ обалдѣвалъ.

Корявка поддавался: Корявкѣ тоже помечтать хотѣлось — служба вѣдь назначена ему была безнадежная, а жизнь, какъ служба.

И оба они дурачились.

— Ты меня, Алексѣй Тимоѣевичъ, называй Балда Балдовичъ, а я тебя Сенекой.

Пряменькій, маленькій Корявка важничалъ:

— Балда Балдовичъ!

— Сенека!

И ужъ не Иванъ Александровичъ Галузинъ, надворный совѣтникъ, — Балда Балдовичъ, и не Корявка, а Сенека плутали по Петербургу. И не поймешь со стороны, чего это ихъ разбираетъ, — ну, одинъ отъ любви, а другому что? Станные вы, да вѣдь и Корявкѣ, хотъ онъ и все понималъ, ему тоже хотѣлось любви. И вотъ, изъ любви вышедшіе на свѣтъ, зашатались по Петербургу Балда Балдовичъ и Сенека. Любовь все сотворить, чего сердце захочетъ. И однажды Корявка затащилъ Ивана Александровича на Лиговку къ какимъ-то своимъ знакомымъ Грудинкинымъ, и тамъ Иванъ Александровичъ-Балда Балдовичъ, себѣ не вѣря, вдругъ заговорилъ громко и лихо танцевалъ и былъ глагольливъ, что вергася, а Корявка-Сенека, къ ужасу своему и противъ всякой воли, пѣлъ пѣсни, и выходило ничего.

По утрамъ за чаемъ, читая газету, Иванъ Александровичъ бесполезно добивался, а понять все-таки никакъ не могъ, какъ это возможно, чтобы кто-то кого-то убилъ, или кто-то рѣшился на самоубійство, и было ему непонятно, что люди ссорились и бранились, вели войны и революціи,—онъ больше не находилъ въ себѣ другого чувства, кромѣ одного. И когда въ архивной комнатенкѣ онъ жаловался Корявкѣ, что ничего не понимаетъ и потерялъ нить событіямъ жизни, Корявка, и самъ понемножку терявшій эти нити, говорилъ восхищенно, съ восхищеніемъ глядя на обалдѣвшаго друга.

— Иванъ Александровичъ,—говорилъ Корявка,—да вѣдь вы... несѣкомая пуповина мірозданія! Иванъ Александровичъ! Я скоро для васъ такое сдѣлаю, что во всѣхъ газетахъ напишутъ!

Всякому человѣку надо, чтобы кто-нибудь имъ восхищался. Эта страсть восхитительная есть въ каждомъ. А есть и другая... есть такіе, которымъ надо, и не могутъ они не восхищаться: восхищеніе—это ихъ жизнь, это главное, безъ чего и жить не стоить. Посмотрите въ театрахъ, въ собраніяхъ, въ аудиторіяхъ, сколько увидите этихъ восхищенныхъ глазъ, по призванію восхищенныхъ, а всѣ эти мироносицы съ своимъ горящимъ неусталымъ огонькомъ, какъ часто оскорбленныя и униженныя, но преданныя до гроба своему идолу. Будь Корявка женщиной, записали бы его въ мироносицы. Я уже поминалъ о его непонятномъ за мной хожденіи и даже нехорошо обмолвился: „подлецъ,—сказалъ я,—Корявка!“—и это съ сердца, поймите, вѣдь у меня съ нимъ свои счеты, и я полагаю, что надувательство его, ей-Богу, такого стоить. Но скажу правду, случись мнѣ подъ клятвой свидѣтельствовать объ Алексѣѣ Тимоѳеевичѣ, я бы дурного сказать ничего не нашель: Алексѣй Тимоѳеевичъ, пока восхищеніе наполняло его сердце, бывалъ преданъ и вѣренъ, и можно было въ чемъ угодно на него положиться, не выдасть... другъ вѣрный.

Корявка—человѣкъ недобычный, и служба его въ департаментскомъ архивѣ безнадежна. И во всемъ въ немъ что-то было безнадежное: вотъ и пряменькій онъ, а сюртукъ—воротъ сзади вѣчно угломъ торчитъ безнадежно. А съ безна-

дежностью что-то и жалкое тутъ вотъ въ этомъ углу, гдѣ сходятся лучи глазные и носъ и губы.

Когда подъ вечеръ стоишь на людномъ перекресткѣ гдѣ-нибудь у Литейнаго на Невскомъ и ждешь трамвая, Корявка переходитъ улицу, — и хоть пряменькій, и все на немъ прилично и аккуратно, но и до жалости ветхо... зимняя эта шапка его барашковая — коломъ, я помню, еще когда говорилъ, что двадцать лѣтъ носить! Корявка домой пробирается на свою Рождественскую, тамъ у него и комната, — квартиру держать Корявкѣ не по средствамъ. И мнѣ всегда какъ-то жалко и какъ-то стыдно, что вотъ у тебя и галстукъ, какъ галстукъ, и ни въ одной полоскѣ до-бѣла не вытертъ, и ты какъ-никакъ, а въ условіяхъ лучшихъ, ну, хоть вечеромъ самоваръ у тебя поетъ, и лампадка тамъ тихо свѣтится, ты въ своемъ углу, а онъ — въ полупроходной комнатенкѣ, и вѣчные за стѣною гости и разговоры и пѣсни. Я знаю, жалостью моей ничего не поправишь, и никому отъ нея не станетъ легче, я знаю, я знаю — и не могу помириться, и мнѣ всегда какъ-то стыдно... и такъ мнѣ понятно, какъ это можно добровольно отказаться и добровольно себѣ пріюти найти на сметищѣ, а послѣдній пріютъ — подъ заборомъ.

Сюртукъ у Корявки не какой-нибудь, а на шелковой подкладкѣ, подкладка — бахрома, Корявка подрѣзалъ и подшивалъ ее, и выходило ничего: сюртукъ, какъ новенькій; правда, поменьше бы глянца, но зато и времени ему, чуть что не ровесникъ шапкѣ. А скажу вамъ, хорошо пріодѣться, даже пофрантить Корявка куда былъ не прочь, и, рассматривая въ „Нивѣ“ картинки, онъ подолгу останавливался на тѣхъ, гдѣ было много туалетовъ, и тутъ надъ картинками приходили ему всякія нарядныя мечты: то въ шикарнаго адвоката, то въ англійскаго лорда превращался Корявка. И первое его восхищеніе Иваномъ Александровичемъ пошло именно отъ жилетки: жилетка Ивана Александровича показалась ему тогда ни съ чѣмъ не сравнимой и, тонко надушенная лѣсной фіалкой, закурила голову.

По субботамъ Корявка ходилъ въ баню, и это былъ самый

праздничный вечеръ — суббота. Въ этотъ вечеръ и къ его сердцу прилиwała страсть восхитительная, ему тоже хотѣлось, чтобы кто-нибудь посмотрѣлъ на него, на него, на чистенькаго, такъ, какъ самъ онъ умѣлъ смотрѣть, и нерѣдко, за неимѣніемъ двойника своего, самъ онъ изъ ничего и выдумывалъ себѣ этотъ взглядъ восхитительный.

Есть въ жизни каждаго русскаго человѣка одинъ день такой въ году—именины, когда полагается и даже противъ воли твоей, чтобы тобой повосхищались. И съ какимъ особеннымъ чувствомъ ждалъ Корявка именинъ своихъ,—но это ли не безнадежная жизнь, какъ на грѣхъ, и всегда-то поджидала его неудача. Еще съ дѣтства, съ тѣхъ еще незабываемыхъ дней вѣрныхъ пошло такъ, что именины не въ именины: слякоть, дождикъ,—какія же это именины! Корявку погода очень обижала. А потомъ, когда ужъ и незабываемое забылось, и не трогала никакая слякоть, все-то до послѣдней грязиночки приберетъ, бывало, въ своей комнатѣ, закупить сластей всякихъ, наготовить поднось—не подымешь, а никто и не пожалуетъ, и просидитъ такъ одинъ весь вечеръ, по часточкамъ, не спѣша, одинъ самъ всѣ апельсины съѣсть, а то и придеть какой Грудинкинъ, наскандальничаетъ, и тоже нехорошо. Именины—единственный день въ году, это не будни, и именинникъ совсѣмъ особый отъ другихъ, самъ по себѣ, и это должно быть всякому видно, но Корявка, покоряясь судьбѣ, самъ ничего такого не выдѣлывалъ, никакого безобразія для отлики имениннаго дня: онъ не напивался, какъ норовитъ другой на свои именины хотъ напиться, или какъ этотъ Грудинкинъ, письмоводитель, этотъ такое придумалъ, ну, вмѣсто того, чтобы тамъ, гдѣ слѣдуетъ, въ день своего ангела все это въ комнатахъ жилыхъ дѣлалъ. Нѣтъ, Корявка единственно что позволялъ себѣ въ свои именины, такъ это поспать подольше и явиться на службу съ запозданіемъ и такъ постараться пройти, чтобы обратить на себя вниманіе: пускай всѣ догадаются, какой-такой день у него, и поздравятъ! Увы, къ огорченію именинника, догадываться-то догадывались, да только съ большимъ запозданіемъ! Послѣ обѣда Корявка ло-

жился отдохнуть и долго рассматривалъ картинки и за картинками нарядно мечталъ.

Нынче всѣ мечты и думы Корявки были объ Иванѣ Александровичѣ.

Ни съ чѣмъ несообразная, выдуманная женитьба Ивана Александровича на Павочкѣ—всѣ лѣтніе ихъ планы и предположенія потерпѣли полную неудачу, и дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

Ерыгины вернулись въ Петербургъ на Воздвиженъе. Иванъ Александровичъ не замедлилъ, зачастилъ на Французскую набережную, но послѣ каждого своего свиданія съ Павочкой возвращался къ себѣ на Пушкинскую, повѣся носъ.

Павочка встрѣчала его всегда радушно,—еще бы, и лунатикъ, и никто такъ не смотрѣлъ на нее, такъ восторженно, какъ Иванъ Александровичъ! Но когда пробовалъ Иванъ Александровичъ заговаривать съ нею о самомъ своемъ завѣтномъ, о той тихой райской семейной жизни на Каменноостровскомъ въ новомъ, теперь уже отдѣланномъ домѣ,—Павочка или ровно ничего не понимала, или представлялась, что не понимаетъ: она удивленно смотрѣла на него, раскрывъ свой алый ротикъ, или отдѣлывалась пустяками, или просто смѣялась. И въ этомъ смѣхѣ, въ болтовнѣ и взглядѣ Иванъ Александровичъ чувствовалъ что-то оскорбительное—вѣдь такъ далеко ушелъ онъ съ Корявкой въ мечтахъ, а и тѣни подобнаго не было.

Но откуда онъ взялъ, что Павочка выйдетъ за него замужъ?

Ниоткуда...

Только оскорбительно и больно ему было отъ ея взгляда, болтовни и смѣха.

Товарищи Миши постоянно толклись у Ерыгиныхъ, и оскорбительно и больно было видѣть Ивану Александровичу, что Павочка держалась съ ними такъ же, какъ съ нимъ, относилась къ нему такъ же, какъ и къ нимъ.

Но вѣдь такъ и всегда было.

Не замѣчалъ.

Не замѣчалъ?—нѣтъ, все замѣчалъ, да мечты-то его тогда не были такъ далеки.

И все-таки, какъ ни оскорбительно и какъ ни больно это, а выносимо, но съ нѣкоторыхъ поръ Иванъ Александровичъ совсѣмъ пришелъ въ уныніе: съ нѣкоторыхъ поръ въ разговорахъ неизмѣнно сталъ поминаться какой-то докторъ, и при этомъ какія-то таинственныя перемигиванія съ Веточкой.

Кто же этотъ таинственный докторъ? Ужъ не женихъ ли?

Сколько Иванъ Александровичъ ни спрашивалъ и всякими намеками наводилъ, лишь бы дознаться правды, а добиться почти ничего не могъ. Павочка по пятницамъ ѣздила къ этому доктору на пріемъ, но никакого доктора, кромѣ старичка Ѳедора Ивановича, Иванъ Александровичъ у Ерыгиныхъ не встрѣчалъ.

И гдѣ живетъ этотъ докторъ, женихъ?

Иванъ Александровичъ открылся во всемъ Корявкѣ. И Корявка взялся устроить дѣло — Божье немилостиво, надо и своей головой дѣлать! Корявка прослѣдитъ квартиру доктора, пойдетъ къ доктору на пріемъ и убѣдится собственными глазами, такъ это или не такъ.

Объ этомъ дѣлѣ своемъ секретномъ Корявка и думалъ, перелистывая нарядныя картинки. Угодить Ивану Александровичу, помочь другу было для него выше и самой нарядной именинной мечты: онъ ужъ согласенъ навсегда остаться Корявкой, тѣмъ самымъ пряменькимъ и жалкимъ Корявкой, какимъ мы его всѣ знаемъ, лишь бы Иванъ Александровичъ снова по-лѣтнему ожилъ.

А куда ожить! Иванъ Александровичъ, и совсѣмъ незамѣтно, все ближе подходилъ къ самой настоящей правдѣ, и эта правда убивала его, онъ ужъ чувствовалъ свою ненужность. Онъ вдругъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что никому не нуженъ, а потому не нуженъ, что ей не нуженъ.

А раньше?

Раньше не то... раньше онъ былъ нуженъ...

Какъ, развѣ измѣнилось отношеніе?

Нисколько.

Въ чемъ же дѣло?

А вотъ въ мечтѣ его, въ мечтахъ его, вѣдь мечты его были такъ далеки, а на самомъ дѣлѣ ничего не было, и все было неизмѣнно.

Иванъ Александровичъ теперь и самъ понималъ, что Павочка къ нему нисколько не измѣнилась, что отношеніе ея къ нему такое же, какое было тамъ, на дачѣ, и что нуженъ онъ ей ничуть не больше и не меньше, а чувствовалъ еще бѣольшую свою ненужность. Онъ ужъ дня не могъ прожить, чтобы не увидѣть Павочки, а всякое свиданіе оставляло въ его сердцѣ одну боль. Павочка танцевала, ей было пріятно, и онъ хотѣлъ бы радоваться съ нею, но она танцевала съ другими, и ему было больно. И когда въ разговорахъ Павочка кого-нибудь хвалила, ему было больно. Ему было больно отъ всякаго ея взгляда, отъ всякаго ея слова, отъ всякаго ея движенія, если ея взглядъ, ея слова, ея движеніе относились не къ нему, а къ другимъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больнѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ неутолимѣй эта боль. И онъ неизмѣнно уносилъ эту боль. И лишь въ рѣдкіе дни, когда у Ерыгиныхъ никого не было, и Павочка занималась только съ нимъ, онъ на время забывался, но и тутъ что-нибудь мѣшало: или перемигиванія съ Веточкой о докторѣ, или Павочка начнетъ вспоминать какихъ-нибудь своихъ поклонниковъ, да мало ли что — мелочи, о которыхъ часто не легко додуматься и при самомъ подозрительномъ желаніи.

Иванъ Александровичъ никогда не ходилъ по ресторанамъ, но теперь при всякомъ удобномъ случаѣ тащилъ съ собой Корявку. Пить онъ хотъ и не пилъ, но кабацкая обстановка дѣйствовала, онъ выбиралъ рестораны съ музыкой и всякіе самарканды.

— Знаешь, Алексѣй Тимоѣевичъ, хотѣлъ бы Машу встрѣтить и такъ просто посидѣть съ нею, поплакать. Жизнь моя загублена!

— Что вы, Иванъ Александровичъ, надо душой переболѣть, надо горести принять—и тогда желаніе получите. Это всегда такъ, а почему такъ, и почему надо—неисповѣдимо.

— Да у меня свѣту нѣту,—понимаешь? И не виновать я передъ нею.

— Жизнь, Иванъ Александровичъ, жестокая, а иго ея не-легкое, и если ужъ рѣшать по-человѣческому — и ключа не найти,—Корявка тянулъ себя за свою козью бородку,—а можетъ, и совсѣмъ не жестокая, и не такъ это мы, Иванъ Александровичъ, небесныхъ словъ не знаемъ, и все не такъ выходить.

— И она не виновата.

— Неисповѣдимо, Иванъ Александровичъ.

Корявка могъ смыслить всякое дѣло и дать смыслень отвѣтъ, но и мудрованія Корявкины не успокаивали Ивана Александровича, не успокоило его и открытіе о таинственномъ докторѣ.

Докторъ, къ которому по пятницамъ ѣздила Павочка, дѣйствительно, по отзыву Корявки, оказался какимъ-то необыкновеннымъ: и красивъ, и ловокъ, да и брови безъ перерыва, словно углемъ намазаны,—это ли не красота?—и самъ поспѣшный на все и живой необычайно,—лѣчитъ по косметической части, сбавляетъ вѣсъ и выводитъ усики, пріемная ломится отъ дамъ, но жениться, какъ кажется, не собирается, притомъ же онъ семейный,—и эту тайну раскрылъ Корявка,—семья въ Москвѣ.

Чего же еще? Дѣло ясное — выводить усики! И беспокоиться за Павочку тутъ совсѣмъ не годится: съ усиками Павочка или безъ усиковъ—все Павочка! Да за это и не беспокоился Иванъ Александровичъ, а только ему и покоя-то нигдѣ не было. Видно, боль прошла глубоко, и вотъ въ душѣ столкнулся онъ съ настоящею правдой. Онъ не только не думалъ, какъ лѣтомъ, какъ еще недавно, о женитьбѣ, куда тамъ думать!—какъ теперь далеко онъ былъ отъ мечты своей, и понялъ вдругъ, что все-то онъ мечталъ, — однѣ мечты!—и это понялъ онъ сейчасъ, когда Корявка, довольный своими розысками, выкладывалъ съ мельчайшими подробностями самыя неожиданныя свои заключенія и обнадеживалъ Ивана Александровича въ его счастливой судьбѣ.

Не того хотѣлъ Иванъ Александровичъ. Правда побѣдила его мечту. И онъ принялъ правду. Ему хотѣлось разъ и навсегда высказаться, вывернуть передъ ней всю свою душу.

„Онъ одинъ — онъ это знаетъ! — онъ одинъ, который ее такъ любитъ, какъ никто не будетъ такъ любить, любить безъ всякой надежды, любить всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смиренный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Послѣ морозовъ наступила оттепель, а за оттепелью дохнулъ вѣтеръ.

Гдѣ-то тамъ зародившись межъ Исландіей и Англіей на океанѣ, черезъ море, черезъ скалы прилетѣлъ вѣтеръ на нашу Россію. Вѣтеръ, вихрясь, леталъ по улицамъ и, словно шалуя, набрасывался изъ переулковъ на прохожихъ, и шалый, насмѣтливый, жестокий разгулялся.

Вѣтеръ гулялъ по Петербургу, и творилось Богъ знаетъ что.

Къ ночи онъ собралъ всю свою силу и къ ночи завихорилъ въ гульбѣ.

Или это ангелъ, водящій облаки, пустилъ съ небесныхъ улицъ всю вѣтрову силу?

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Несмѣтливый, ему мало нашихъ улицъ, — дай, дай простору! — и онъ рвалъ желѣзо съ крышъ и трубъ, рвалъ швыркомъ, грозилъ и свистѣлъ. Свистъ его, какъ свистъ змѣи, въ сердцахъ огонь, и клятвами не заклать и искупа не дать, и нѣтъ поруки, ему мало, ему тѣсно — дай, дай простору! Не чужой, знаетъ, при градарѣ-царѣ, при Петрѣ, ой, какъ гулялъ — было тогда посвободнѣй, а теперь ему тѣсно...

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И онъ врывался въ дома и свистѣлъ въ щеляхъ, свистѣлъ въ окнахъ, весь свистомъ наполнялъ нашъ домъ. Или онъ высвистывалъ, выманивалъ на волю погулять съ нимъ по волѣ? Ничего не страшно, и сколько хочешь пали изъ пушекъ, не угоняться, ему не страшно! И онъ свистѣлъ, выговаривалъ,—рѣчи его странны, намъ незнаемы,—выговаривалъ и стучалъ, стучалъ желѣзомъ, звонилъ въ колокола. Собирали ли звономъ колокольнымъ свою силу въ свальный бой, или насъ выкликали погулять съ собой въ ночи на волѣ. Звонилъ въ колокола и тушилъ фонари и дергалъ столбы. Въ его сердцѣ горѣлъ огонь.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

И, вставъ головой до звѣздъ, зазвѣздный, онъ пустился отъ Знаменья черезъ Лничковъ мостъ, а кони его, какъ голуби, а въ гривахъ перегудаютъ звонцы, и бѣлымъ огнемъ жигалъ по пути—и!

Вѣтеръ! Вѣтрило! Помилуй!

На Невѣ вода подымалась.

Есть, по Корявкѣ, три естества у воды: первое—мы по ней плаваемъ, второе—мы ею моемся, третье—мы ее пьемъ; а есть и четвертое—насъ она топить. На Невѣ вода подымалась, и до какихъ краевъ дойдетъ, никто не зналъ, да и сама рѣка не знала. Ужъ ограда чернѣла близко. Къ оградѣ вода подымалась.

На Французской набережной изъ оконъ отъ Ерыгиныхъ все было видно. Но не тревога, вольница стояла въ домѣ. Миропія Алексѣевна наканунѣ уѣхала въ Москву, оставалась одна молодежь. Были гости. И вѣтеръ, какъ свой, выкликали изъ залы, или это, вольный, въ залу пустить просился...

Иванъ Александровичъ, рѣшившійся въ послѣдній разъ все высказать Павочкѣ и клятву положившій на свою душу до смерти не видѣться, не могъ найти и минуты побыть съ нею наединѣ. И была попрежнему боль отъ ея словъ, отъ ея смѣха, отъ ея взгляда, отъ ея движеній, и боль подымалась въ его сердцѣ, какъ вода въ Невѣ. И вотъ дошла, должно быть, до той самой ограды гранитной—и сѣкнуло сердце. Иванъ Александровичъ вдругъ перемѣнился и, тихій, пошелъ ходить по залѣ странно, словно танцуя.

Было весело и шумно, и до Ивана Александровича никому не было дѣла. Но Павочка его замѣтила,—какъ странно, словно танцуя, ходилъ онъ по залѣ!

— Иванъ Александровичъ—лунатикъ,—сказала Павочка.— Иванъ Александровичъ что угодно можетъ сдѣлать. Иванъ Александровичъ,—позвала она,—подойдите, я вамъ что скажу!

Иванъ Александровичъ покорно подошелъ къ ней: Иванъ Александровичъ — лунатикъ, Павочка — луна!

— Иванъ Александровичъ сейчасъ такое сдѣлаетъ, чего никто не можетъ!—кричала Павочка и прыгала отъ удовольствія.

— А что такое, что онъ сдѣлаетъ?

— А вотъ увидимъ.

Павочка тянула къ балкону. Надо растворить балконъ и посмотреть, что тамъ дѣлается. У! Какъ засвистить вѣтеръ! Вѣтеръ! Вѣтрило!

Кто-то погасилъ электричество. И на минуту въ залѣ пробѣжать холодокъ. И на минуту подумалось: „можетъ, ничего и не надо затѣвать, вернется Миропія Алексѣевна, узнаетъ, разсердится, или Веточка простудится!“ Въ темнотѣ не растворялись двери: двери были замазаны крѣпко. Электричество снова зажгли, и двери наконецъ поддались и съ трескомъ распахнулись.

Вѣтеръ со всей своей силой дохнулъ въ залу.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Не было силъ устоять на волѣ. Вѣтеръ гналъ въ комнаты. И одной минуты нельзя было пребыть на балконѣ.

— Иванъ Александровичъ!—кричала Павочка и указывала ему на балконъ, и голосъ ея казался Ивану Александровичу сильнѣе и крѣпче самого вѣтра.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Иванъ Александровичъ покорно шелъ къ балкону: онъ—лунатикъ, Павочка—луна,—неопасливо шелъ, и всюду пойдеть, куда ему скажутъ.

Если бы только зналъ Корявка, онъ превратился бы въ Сенеку и остерегъ, отговорилъ бы своего друга, но Корявка, пригрѣвшись подъ своей лысой еноткой, подъ свистъ вѣтра похрапывалъ.

Иванъ Александровичъ—лунатикъ, Павочка—луна. Иванъ Александровичъ все можетъ, онъ можетъ пройти по карнизу, и подъ любымъ вѣтромъ ему ничего не станеть.

Двери за нимъ затворились.

Вѣтеръ! Вѣтрило!

Павочка бросилась къ окну.

И черезъ минуту въ окнѣ показалось лицо: Иванъ Александровичъ шелъ по карнизу и вотъ дошелъ до окна и сталъ—изъ черной вѣтренной ночи глядѣло лицо.

Въ залѣ примолкло. Лишь вѣтеръ струйкой бѣжалъ черезъ балконную щель и свистѣлъ.

А въ окнѣ все стояло лицо, и, какъ углемъ, обведены были ночью глаза.

„Онъ одинъ—онъ это знаетъ!—онъ одинъ, который ее такъ любить, какъ никто не будетъ такъ любить, любить

безъ всякой надежды, любить всѣмъ существомъ, и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

Павочка закрылась рукой.

И въ окнѣ—Вѣтеръ! Вѣтрило!..—тамъ, за рамой, глядѣла лишь ночь.

Бѣдный Иванъ Александровичъ, гдѣ тутъ удержаться подъ такимъ вѣтромъ!

Бѣдный Корявка, какъ-то проснется, какъ-то узнаетъ, на кого будетъ восхищаться, гдѣ его Балда Балдовичъ—Иванъ Александровичъ?

Снились Корявкѣ черти, по набережной будто скачутъ, какъ палочки черныя, скачутъ, а вмѣсто головы полшапки, и чертовка съ ними ходитъ, маленькая, немолодая, и самъ главный Зеееусъ, бѣсъ бѣлый, глаза бѣлые...

— Мы тебя, Корявка, любить будемъ!—говорять черти.

— Иванъ Лек-сан-дры-ычъ!

И въ послѣдній разъ вѣтеръ, взвинтивъ надъ Петербургомъ, улетѣлъ съ своей силой въ мѣста непроходныя: тамъ, на Печорѣ, вокругъ Желѣзныхъ воротъ, погулять ему.

Съ вихремъ не нашимъ надъ нашей землей летѣлъ Иванъ Александровичъ, не Иванъ Александровичъ Галузинъ, на-дворный совѣтникъ, душа человѣчья. Третьи ужъ сутки, какъ сорвался, и летѣлъ и летѣлъ... не вверхъ, не внизъ, не налѣво, не направо, а такъ, какъ летаетъ душа чело-вѣчья.

И видѣлъ Иванъ Александровичъ, душа человѣчья, безъ перерыву и Россію, всѣ концы ея видѣлъ, и въ то же время свою Пушкинскую квартиру съ малиновой наклейкой на парадной двери о сдачѣ, и въ то же время у стола надъ зеркальцемъ Корявку—Корявка трудился надъ своей бороде-ной, маленькими ножничками подстригалъ ее чисто, какъ

бритвой:—завтра въ баню, завтра суббота!—и въ то же время старичка генерала надъ архивнымъ дѣломъ—это дѣло Иванъ Александровичъ съ недѣлю, какъ взялъ отъ Корявки для генерала, и видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ, только хотѣлось увидѣть—подѣзжали министры съ докладомъ и какъ все было не такъ, какъ онъ думалъ!—и Государя увидѣлъ, и себя увидѣлъ—да гдѣ же это онъ, Господи?—вѣнчикъ на лбу съ тремя крестами: Святыи Боже, Святыи Крѣпкій, Святыи Безсмертныи, помилуй насъ! — и Павочку увидѣлъ, она у окна стояла, раскрывъ свой алыи ротикъ... близко и не коснешься, и смотреть и не видить, и не сказать и не окликнуть, — и онъ въ тоскахъ метался.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсіяетъ?

А мимо по стезямъ и дорогамъ другіе проходили претерпѣвшіе въ жизни—въ скорбяхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніяхъ, въ трудахъ, въ бдѣніяхъ, въ очищеніяхъ, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благи, въ Духѣ Святѣ, въ любви нелицемѣрной, въ словахъ истины, въ силѣ Божіей—по стезямъ и дорогамъ къ Звѣздѣ Пресвѣтлой.

И маленькія дѣвочки въ синихъ платьицахъ, сплетаясь руками, другъ за дружкой гуськомъ шли навстрѣчу отъ Звѣзды Пресвѣтлой.

Откуда ему свѣтъ засвѣтитъ, или откуда ему заря возсіяетъ?

Иванъ Александровичъ съ болью рванулъ отъ окна—оторваться не можетъ.

Онъ ей завѣченъ?

Завѣченъ,—на весь вѣкъ.

И смерть не отсѣкла?

Смерть никогда не отсѣкаетъ.

Онъ рванулъ и понялъ,—онъ понялъ, что все это нужно, и то, что было, и то, что есть, и то, что будетъ, — и тарабаниться нечего. И повисъ... тамъ, гдѣ мучатся души и тоскуютъ.

„Онъ одинъ—онъ это знаетъ!—онъ одинъ, который ее

такъ любить, какъ никто не будетъ такъ любить, любить безъ всякой надежды, любить всѣмъ существомъ и готовъ для нея ее не видѣть, не встрѣчаться, онъ только ждать будетъ, чтобы увидѣть... и будетъ самый тихій, тише воды, и самый смирный, ниже травы, вѣчно покорный ея рабъ!“

1914 г.

ГЛАГОЛИЦА.

1.

Путейскій ревизоръ, статскій совѣтникъ въ отставкѣ, Александръ Александровичъ Корнетовъ единственный на всемъ земномъ шарѣ писалъ письма и всякія дружескія посланія глаголицей.

Какъ извѣстно, глаголица, вытѣсненная кирилицей, мертвая грамота, и никто до сей поры толкомъ не знаетъ, откуда она и кто ее на свѣтъ пустилъ. А отъ всей премудрости уцѣлѣло наперечетъ нѣсколько ветхихъ памятниковъ, надъ которыми и трудятся ученые, съѣвши собаку не только въ нашей прародительской грамотѣ, но и въ самой зѣіопской. Корнетовъ не ученый, нѣтъ у него ни трудовъ ученыхъ, ни орленаго золотого значка, но и безъ всякихъ отличій, какъ ловко, какъ бережно, ну, такъ затѣйливо выводилъ онъ крючочки и ставилъ крестики, впору тому же ученому да книжному справщику. Ужъ такой, видно, даръ Божій былъ отпущенъ ему отъ рожденія его къ вещамъ темнымъ, на дѣла пустыя.

Пріятели и знакомые въ шутку звали Корнетова глаголицей.

Была тоже страсть у Александра Александровича и навъкъ къ пустякамъ и мелочи: собиралъ онъ отъ свертковъ палочки, какія къ сверткамъ прицѣпляются, чтобы удобнѣе нести было.

Всякій разъ, возвращаясь домой съ покупкою, Корнетовъ, старательно и терпѣливо развязавъ узелки, веревки отдавалъ Ивановнѣ на кухню, а палочки себѣ пряталъ въ коробку. Когда же коробка наполнялась доверху, нанизывалъ онъ эти палочки всѣ вмѣстѣ на одну веревку, и выходила презабавная погремушка. И въ сущности изъ ничего, изъ вещей совсѣмъ неподходящихъ составленная,—изъ Братъевъ Елисѣевыхъ, О-Гурмэ, Жоржа Бормана, А. И. Абрикосова С-вей и другихъ кондитерскихъ, фруктовыхъ и гастрономическихъ фирмъ съ Невского, Садовой, Суворовскаго, а такъ заправски гремѣла корнетовская погремушка, словно бы не на Кавалергардской, а гдѣ-нибудь у Троице-Сергія въ посадѣ сдѣланная игрушечникомъ.

Пріятели и знакомые, навѣщая Корнетова, въ гостяхъ у него не скучали: живо что-нибудь такое придумаетъ, изъ ничего погремушку какую сдѣлаетъ,—зѣвнуть не дастъ.

Александръ Александровичъ, службой никакой не занятый, Александръ Александровичъ ревизоръ отставной и все-таки минуты ему нѣтъ свободной, минуты не могъ усидѣть онъ безъ дѣла, все что-нибудь да кропается, все суетится, и такъ въ занятіяхъ съ утра до ночи. И дѣла, одолѣвавшія Корнетова, такія—тутъ и зоркость и внимательность, а главное, и прежде всего, терпѣніе—дѣла кропотливыя, ну, тѣ же узелки съ палочками, та же мертвая грамота-глаголица, да мало ли еще что: при смертельной-то охотѣ найдешь всегда, чѣмъ заняться.

Обречетъ Господь Богъ человѣка на такую вольную каторгу и неизбывную. А отыми, попробуй, отъ Корнетова его глаголицу, спрячь его палочки, вышиби изъ головы кружочки и крестики, нѣтъ, совсѣмъ это немислимо, невозможное дѣло и лучше всего не трогать такихъ вещей опасныхъ. Чтѣ дано судьбою, такъ тому и быть: своимъ умомъ, хочешь ты, не хочешь, а, не зная ни конца, ни начала, какъ передѣлаешь?

Жена, говорятъ, ушла отъ него, жена будто бы не выдержала. И нѣтъ тутъ ничего мудренаго: нѣтъ, ты попробуй, избудь жизнь обѣ-бокъ съ такою занятостью, съ палочками,

съ глаголицей, съ суетней, съ торопливостью, съ разговорами, какой совѣтъ? какая любовь? какой добрый годъ? какой долгій вѣкъ—ой, за три моря уйдешь, не оглянешься!

— Тяжелый человѣкъ,—говорили про Корнетова его прежніе сослуживцы,—въ конецъ замучаетъ!

А другіе, наоборотъ, не безъ добродушія подсмѣивались:
— Глаголица!

Была тоже страсть у Корнетова къ именамъ и званіямъ, подбиралъ онъ людей себѣ и не какихъ-нибудь, а особенныхъ,—вышнихъ людей.

Одну зиму завсегдатаемъ у Корнетова былъ Соломонъ, еврей, самый обыкновенный Соломонъ откуда-то изъ-подъ Вильны, но Александръ Александровичъ такъ его всѣмъ представлялъ и такъ смотрѣлъ на него и слушалъ, словно былъ этотъ несчастный Соломонъ самъ царь Соломонъ, мудрейшій изъ царей. Ходилъ еще къ Корнетову Алей-татаринъ, ну, такъ, простой человѣкъ — татаринъ, но Александръ Александровичъ такъ его всѣмъ представлялъ и такъ смотрѣлъ на него и слушалъ, словно былъ этотъ тихій Алей, самъ Шигъ-Алей, проходимъ, поганъ царь казанскій. Пріютилъ у себя Корнетовъ нѣмца бродячаго, былъ этотъ Пауль Рюкертъ самымъ обыкновеннымъ колыванскимъ нѣмцемъ, но Александръ Александровичъ ни съ того, ни съ чего произвелъ нѣмца въ знаменитость—въ поэта нѣмецкаго и ужъ носился съ нѣмцемъ, чуть не пальцемъ каждому показывалъ:

— Вотъ онъ вамъ какой, самъ поэтъ нѣмецкій!

Пріискалъ Соломонъ себѣ дѣло, поступилъ на службу, и ужъ ни ногой къ Корнетову, опредѣлился татаринъ Алей на какую-то должность, и ужъ съ огнемъ его не сыщешь, ухалъ нѣмецъ Пауль Рюкертъ въ Колывань къ себѣ, и поминай, какъ звали.

И нѣтъ ничего тутъ неожиданнаго: ну, что имъ до Александра Александровича, затащилъ онъ ихъ къ себѣ на Кавалергардскую, когда безъ дѣла они ходили и притомъ не простые, именитые. А вѣдь они совсѣмъ простые, не вышніе — и Соломонъ, и Алей, и Пауль, а простому человѣку

трудно сладить съ глаголицей, трудно и тяжко не во-время, нарочно спать валиться, чтобы только сны видѣть, да постараться запомнить и все ему потомъ разсказать, да и погремущка въ ухахъ звенить. Тутъ отбѣжишь и не на три, на тридцать три поприща, какъ бѣсъ отъ угодника.

Жиль Корнетовъ не очень богато, не очень бѣдно, не нагъ, не босъ, занималъ квартиру на Кавалергардской. Кавалергардская, не Англійская набережная, на Калергардской, какъ зоветъ улицу Ивановна, живутъ люди и совѣмъ-совѣмъ не казистые.

Квартира Корнетова на высотахъ — четыре комнаты съ ванной. Что ни комната, то свое названіе. Кабинетъ — неподобная комната въ семь угловъ — и збушка ледяная, тутъ Александръ Александровичъ проводилъ за дѣлами дневные часы свои. Сосѣдняя съ кабинетомъ комната — и збушка лубяная или хворостяная, служила она у Корнетова модельней. Затѣмъ большая комната — палаты пировыя, брусяныя, а изъ пировыхъ брусяныхъ палатъ ходъ въ самую маленькую комнатенку — въ логовище. Ванная комната звалась купельницей. Кухня, гдѣ вечерами штопала чулки старуха-куховаръ Ивановна, да подъ праздники Александръ Александровичъ сухари толокъ, — поварня. Гости располагались въ палатахъ или толклись въ ледяной избушкѣ, гдѣ такая стояла жара, ну, какъ банная, и отъ тѣсноты — повернуться негдѣ! — и отъ жаркаго парового отопленія. Ни въ лубяную избушку, ни въ логовище Александръ Александровичъ гостей не пускалъ. Купель же всѣмъ показывалъ, а черезъ поварню по нуждѣ водилъ.

Корнетовъ торовать и вожеватый — любилъ водить гостьбу, въ руку не глядѣлъ. Народу — гостей толчая, шли къ нему и званые и незваные. Пріятно было у Корнетова чаю попить Бѣлковскаго душистаго съ Судаковскимъ медомъ сотовымъ, съ вареньемъ особеннымъ.

Самъ Александръ Александровичъ особенный, не отдастъ умъ на безуміе, не кинетъ слова на-обумъ и корысти не ждетъ, тоненькій, тоненькая шейка, ну, словно курилка,

нось—багрецова пуговка, усы щипильные. А платье на немъ сукна солодонова, чулки васильковые, маковый галстукъ и на плечахъ вишневый теплый платокъ: посиди-ка день деньской въ ледяной избушкѣ, — не лиса, съ ногъ простынешь!

У Корнетова все было особенное. Купить онъ вишневку у Елисѣева, сдереть ярлыкъ съ бутылки и ужъ готова своя домашняя, своя старая варенуха. Гости пьютъ и удивляются:

— Экая, вѣдь, варенуха вкусная, такъ и тянется, горчить косточкой, извѣстно, своя, домашняя, удивительная.

Примется Александръ Александровичъ папиросами потчевать, откроетъ красную коробку со стеклянной крышкой и чего только ни наскажетъ и ужъ такъ выхваливаетъ, что изъ дешевыхъ сдохлыхъ съ дымкомъ превращаются папиросы въ желтыя крѣпкія пушки—рубль штука: чуть ли не отъ самого Шапшала полученныя, которыя папиросы самъ Шапшаль курить! Гости курятъ да похваляютъ.

— И вправду, только Шапшалу и курить такія!

Какъ-то о Рождествѣ два пріятеля тронувшагося поросенка съѣли, да какъ еще съѣли, всѣ косточки обглодали и мозгъ высосали: корнетовская похвала и самъ духъ тлевотворный отшибала.

Что говорить, приманчивъ: умѣлъ Корнетовъ и время занять, умѣлъ и душу ублажить.

Два большихъ сборища бывало въ году у Корнетова. Одни сборы собирались въ день Симеона-Лѣтопроводца, на первое сентября, когда по русскому изстаринному золотому обычаю справлялъ Александръ Александровичъ кудесовы поминки—хоронилъ трехъ звѣрей лютыхъ: муху, блоху, комара. Другіе сборы бывали на Святкахъ, на пятый день праздника Рождества Христова, въ день четырнадцати тысячъ младенцевъ, за Христа отъ Ирода въ Виѳліемѣ избіенныхъ.

И кого только ни набиралось на Кавалергардскую провести на высотахъ у Корнетова веселый вечерокъ, кого тебѣ надо, изволь: и старики-моховики, и молодежь желторотые, и тихіе, и крикуны, и ссорщики, и наустители, и философы.

Бывальъ правовѣдъ, котораго Александръ Александровичъ для почету и ради большей важности величалъ кавалергардомъ, бывальъ военный смотритель — полковникъ съ колючими шпорами, ума несравненнаго, а съ нимъ придворный музыкантъ въ малиновомъ кафтанѣ съ медалями, бывали адвокаты и бритые и съ бородкою, товарищъ прокурора—мужъ изрядный и наученный, инженеръ—розыслъ, искусный въ разореніи домовъ, морякъ съ кортикомъ, старичокъ учитель—ума гордостнаго и помысла лукаваго, онъ же и профессоръ, заслуженный шутливый актеръ, знаменитый пѣвецъ безъ слуха и голоса, и все-таки пѣвавшій, не жалѣя горла, по упорному настоянію Корнетова—себѣ на память и другимъ въ поученіе, скоропоспѣшный журналистъ, и такъ чиновники департаментскіе и банковскіе—шиши канцелярскіе и, наконецъ, бывшій членъ Государственной Думы, онъ же и зоологъ, получившій названіе свое за необыкновенное пристрастіе къ акваріуму, больше не за что.

Картъ не полагалось, одни разговоры. Не плутуя, Корнетовъ не умѣлъ играть, это всѣ знали, а потому вмѣсто картъ разговоры. И, конечно, во всемъ, во всѣхъ разговорахъ словахъ коноводилъ самъ неутомимый глагольникъ, Александръ Александровичъ.

2.

Повести вечериночный крещенскій разговоръ надо толково. На Святкахъ такъ и подмываетъ рассказать что-нибудь страшное. А какъ начнешь перебирать въ памяти страхи свои и всякіе, то, въ концѣ концовъ, непременно и окажется, что есть гдѣ-то еще болѣе страшное, еще бѣльшая безвыходность, и всѣ твои страхи не страшны. Или ужъ нѣтъ ничего страшнаго?

Разговоръ не ладился. Гостей занимала корнетовская домашняя варенуха, да какая-то селедка изъ особенныхъ,— королевская, надъ которой трудился Александръ Александровичъ чуть ли не съ самаго сочельника, вымачивая селедку въ уксусѣ съ горчицей, перцемъ, прованскимъ масломъ.

Первымъ попробовалъ рассказать о страшномъ актеръ, но шутливый актерскій случай неожиданно оказался цѣликомъ взятый изъ пьесы, а пьесу весь Петербургъ видѣлъ на театрѣ. За актеромъ выступилъ журналистъ и совсѣмъ беззаботно, нажигомъ, передалъ напечатанное въ вечерней газетѣ происшествіе—несчастнѣйшій загадочный случай, и было ни на что не похоже: газету всѣ читали.

— Вина горячія, меды разные, квасъ сладкій, квасъ черствый, квасъ выкислый!—потчевалъ, не унывая, хозяинъ и, желая окончательно поправить неловкость и миръ устроить, обнесъ гостей маковниками.

Маковники не удались: маковники вышли жесткіе и горькіе. Но хозяинъ и тутъ нашелся, привелъ всѣхъ въ любовь: хозяинъ увѣрялъ, что надо войти во вкусъ,—макъ перваго сбора, а потому все такъ крѣпко и горько.

Въ озареніи ли отъ маковниковъ перваго сбора или по привычкѣ говорить въ Думѣ, зоологъ припомнилъ случай изъ своего дѣтства: однажды за какую-то шалость заперли его вечеромъ одного въ комнатѣ, о которой взрослые только-что наговорили всякихъ страховъ.

— Втолкнули меня въ комнату,—разсказывалъ зоологъ,—комната въ мезонинѣ, повернули ключъ и всѣ внизъ ушли. Темно, одна лампадка горитъ передъ образомъ и что-то шумитъ, плыветъ въ темнотѣ. Стою, замеръ,—вотъ обезпамятую. Зажмуриться страшно: знаю, какъ только открою глаза, такъ сейчасъ и увижу что-то. И смотрѣть страшно: чувствую, вотъ сейчасъ оно и появится...

— А со мною такое было,—трудясь надъ неподдающимся крѣпкимъ маковникомъ, заговорилъ профессоръ, ума гордостнаго и помысла лукаваго,—собрались мы какъ-то лѣтомъ на богомолье, недалеко отъ Москвы, въ Косино. Ночью шли по дорогѣ, а къ утру на пути свернули: торопились поспѣть къ заутренѣ. И вотъ подъ мостомъ нагоняетъ насъ поѣздъ и такъ незамѣтно подкрался, никто его и не слышалъ, а вдругъ увидали. Да ужъ поздно. Я—въ канаву, дворникъ—въ канаву, нянька—въ канаву, а сестра няньки, богдѣлка, со страху какъ влипнетъ въ стѣну... И ужъ прошелъ поѣздъ, вылѣзъ я изъ канавы, вылѣзъ и дворникъ, вылѣзла и нянька, а она все виситъ, не отлипаетъ. Насилу оттащили. Ну, какъ летучая мышь, такъ вотъ и влипла...—маковникъ влипъ въ зубы, профессоръ, забывшись, задумалъ, должно быть, расправиться съ нимъ круто,—откусить кусочекъ, а хряпнулъ и сломалъ себѣ передній фальшивый зубъ, да съ перепугу его и проглотилъ.

Вотъ незадача! Гости замѣшались, бросились къ профессору, принялись выколачивать зубъ изъ профессора, чтобы выскочилъ. Инженеръ, искусный въ разореніи домовъ, да

пѣвецъ, питомый и кроткій, больше всѣхъ отличились. И зубъ выскочилъ. Профессоръ, отбивъ ума и мысли, плакалъ. Нѣтъ, не ладился разговоръ.

— А у насъ сейчасъ швейцара въ сумасшедшій домъ свезли, случай необыкновенный! — сказалъ стрепетный полковникъ съ колючими шпорами.

— Какой такой случай, гдѣ, когда, съ кѣмъ?—всякому захотѣлось знать, всякому любопытно, и профессора забыли.

— Случай необыкновенный!—повторилъ стрепетный полковникъ,—нашъ швейцаръ Наумъ: не лицо—одинъ волосъ, кулачищи—извозчикъ, своего жилья въ домъ норовить не пустить, не только чужого, всѣхъ на страхъ наводитъ! Пріѣхалъ съ визитомъ къ генералу эмиръ бухарскій. Поднялъ Наумъ эмира на машинѣ къ генералу и всю его бухарскую свиту, а на другой день вызываютъ Наума черезъ полицію въ участокъ. Удостоверили личность, дали бумагу подписать, да въ кабинетъ къ приставу. „Вотъ, говоритъ приставъ, тебѣ, Наумъ, даръ отъ самого эмира, халатъ бухарскій, получай для ношенія!“. Принялъ Наумъ жалованный халатъ и оробѣлъ. И пока еще изъ участка до дому шель — ничего, а какъ пришелъ домой, забился въ швейцарскую, развернулъ халатъ, да какъ глянулъ, и ужъ отъ страха ничего въ толкъ не возьметъ и все изъ рукъ валится. Надѣтъ халатъ, носить его вмѣсто ливреи—страшно: а ну, какъ и чалму дадутъ и обратишься въ ихъ вѣру, а въ вѣрѣ ихъ и мѣста лишишься. И не носить халатъ, спрятать его въ сундукъ—страшно: взыщутъ. Въ сундукѣ лежатъ такому халату не полагается, сказано прямо и рѣшительно: жалованный для ношенія. Передѣлатъ халатъ женѣ на платье — и опять страшно: пріѣдетъ эмиръ къ генералу, увидитъ Наума, спроситъ о халатѣ: — „Гдѣ, скажетъ, халатъ? Покажи халатъ!“. Неправду сказать, сослаться, что потерялъ или въ печкѣ сгорѣло, все равно донесетъ сыщикъ, и по ихъ законамъ голову тебѣ усѣкнуть. Правду сказать, и отъ правды не легче, опять же голову долой. Отказаться совсѣмъ отъ халата,—не имѣешь права, да и поздно: и бумагу подписалъ,

и халать на рукахъ. Запутался Наумъ, всѣ концы потерялъ, и все халать на умѣ, желтый, узорчатый, цвѣтами, и ужъ вездѣ онъ одинъ бухарскій, жалованный, треплется и по улицѣ лнеть. Думалъ, думалъ Наумъ, и спятилъ.

— А я чорта видѣлъ, — стыдливо сказалъ хозяинъ, — настоящего, подъ самый сочельникъ. Вздумалъ я подъ сочельникъ мыться, сѣлъ въ купель. Дома никого. Ивановна къ Смольному въ баню пошла, пустой домъ. Сижу я въ купели, намылилъ пиксафономъ голову, задумался и вдругъ чувствую: гдѣ-то тутъ, въ купельницѣ чортъ появился. И такъ почувствовалъ я его тогда очень ясно и не успѣлъ сказать себѣ, что со мною чортъ сидитъ, какъ слышу, словно бы кто-то курлычетъ. Прислушиваюсь, — курлычетъ. И стало мнѣ очень тоскливо, безнадежно тоскливо, и я какъ-то понялъ, что мнѣ все равно, чтò бы тамъ ни дѣлалось, чтò бы ни случилось, все безразлично, а на сердцѣ дымно, чадно, безнадежно. Чортъ сидитъ въ купельницѣ, — ясно, но также было ясно, что не весь онъ тутъ, а просунулась ко мнѣ въ мою купельницу всего одна какая-нибудь десятиллионная его частица, членикъ какой, отростокъ его самый негодный червовидный, а все остальное, головища — тамъ, лапы, туловище его — тамъ, на волѣ, надъ Петербургомъ, надъ всей землей нашей, надъ всей Россіей, и оттого вездѣ такая безлѣпица, нескладаца, безтолочь, безстыдство, рознь, грабленіе, продажа, убійство, грабежъ, — все равно, безразлично, безнадежно... Сижу я такъ, мыла не смываю, думаю себѣ, раздумываю, а онъ все курлычетъ, вотъ такъ, безнадежно курлычетъ...

Александръ Александровичъ закурлыкалъ, и всѣ пировыя брусяныя палаты загремѣли смѣхомъ. И даже прокуроръ, въ жизнь не смѣявшійся, прокуроръ ощерился, въ родѣ какъ засмѣялся. А придворный музыкантъ въ своемъ малиновомъ кафтанѣ, съ медалями, весь тряся, самъ малиновый, какъ кафтанъ, а за нимъ инженеръ-размыслъ, и скороспѣшный журналистъ, и правовѣдъ-кавалергардъ, и морякъ съ кортикомъ, и заслуженный шутиливый актеръ, и знаменитый пѣвецъ, и адвокаты, и бритые, и съ бородкой, и всѣ шиши канце-

лярскіе помирали со смѣху. Стрепетный полковникъ, вздурясь, кололъ колючими шпорами зоолога, старичокъ-профессоръ подхикивалъ.

— Да то ли еще будетъ, столпотвореніе будетъ!—чудиль Александръ Александровичъ, пророковалъ, указуя перстомъ, по-халдейски,—потихоньку, да полегоньку—всѣ мы съежимся такъ, и на бокъ такъ, безъ языка, такъ, съ глупенькимъ смѣшкомъ. И ужъ будетъ совсѣмъ неважно, безразлично, когда придетъ тотъ же Индіанъ псоглавый, ступитъ на Красную площадь и тихо займетъ Кремль, а у насъ, въ Петербургѣ, поволокутъ Петра куда-нибудь въ Мурзинку и вылетитъ послѣдній русскій духъ!

Нѣтъ, хоть бы духъ перевести, куда тамъ! Самъ царь Валтасаръ Халдейскій ничего бы не разслышалъ, впустую шла корнетовская излюбленная глаголица.

Чортъ вызвалъ смѣхъ, смѣхъ возбудилъ позывъ на кормъ и питье: пошла въ ходъ варенуха, королевская селедка особенная, вина горячія, меды разные, квасъ сладкій, квасъ черствый, квасъ выкислый. Чокались и поздравляли другъ друга, кто съ чиномъ, кто съ повышеніемъ, а кто просто такъ—за ваше здоровье!

Теперь ужъ пойдутъ разговоры, сказъ и розсказни. Одно плохо: страшнаго, святочнаго, крещенскаго будто и ничего не выходитъ. Или ужъ всѣ страхи перевелись на свѣтъ?

— Въ ту ночь и сонъ мнѣ приснился особенный,—снова началъ хозяинъ, приходившій въ самое святочное вечериночное благодушіе,—очень страшный сонъ. Я вамъ его разскажу. А снилось мнѣ, будто я не то на вокзалѣ,—огромный такой вокзалъ, гдѣ паровозы стоятъ, не то просто въ какомъ-то зданіи со стеклянной кровлей, какъ на вокзалѣ, но кровля далеко заходитъ, до самаго горизонта. И ужъ не знаю, для чего такое зданіе, знаю одно, что это-то и есть міръ, весь міръ. И сложенъ онъ изъ коробокъ, изъ плетушекъ всякихъ, и много лѣстницъ во всѣ концы, со всѣхъ концовъ, и деревянныхъ, и бревенчатыхъ, и изъ веревокъ, и просто изъ паутины, паутинныхъ. Народу — не проберешься, очень много

народу: и дѣти, и женщины, и старики, и молодые. И всѣ такіе несчастные, изстрадавшіеся, измученные, и всѣ только и дѣлають, что прячутся. Этимъ только и заняты. Одни заворачиваются въ тряпки, другіе въ стружки, третьи заставляются каменными людьми, — каменные такіе, полуживые люди стоятъ, какъ истуканы. Но какъ ни прячутся, какъ ни хоронятся, а схорониться не могутъ, все ихъ видно, а видны они эѳіопу и эѳіопкѣ. Эѳіопъ — тощій-претощій и длинный, сухой и черный, эѳіопка жирная, — короткія ноги. Надъ всѣмъ и вездѣ одинъ эѳіопъ съ эѳіопкой, они прытко бѣлкой бѣгають по лѣстницамъ и всѣхъ и все видять. Они одни умѣють такъ легко и ловко бѣгать съ лѣстницы на лѣстницу, перебѣгать и спускаться изъ конца въ конецъ, сверху внизъ. Всѣ же другіе не могутъ, а которые идутъ — съ трудомъ поднимаются, считаютъ ступеньки. И я вижу, какъ по горизонту мечутся люди и никуда убѣжать не могутъ: ихъ и тамъ видно, ихъ видять эѳіопъ и эѳіопка. Тутъ я не помню, что-то говорилось, ничего мнѣ не въ память, только вдругъ откуда-то свѣтъ и страшно блестящія, съ синевою, пушки... и всѣ мы пошли къ свѣту, за блестящими пушками, и намъ уже не страшно ни эѳіопа, ни эѳіопки.

— Очень жизненно! — крикнулъ стрепетный полковникъ съ колючими шпорами.

— По моему положенію я въ сны не вѣрю, — сказалъ прокуроръ, — но, долженъ признаться, сонъ вашъ — сама жизнь.

— Жизнь? — подцѣпилъ прокурора бритый адвокатъ во фракъ, — и что такое жизнь? Тысяча съѣденныхъ котлетъ, и больше ничего.

И вдругъ, словно камень о камень ударилъ, снова поднялся шумъ и смѣхъ, какъ послѣ купельнаго чорта: адвокатскія котлеты рушили миръ, адвокатскія котлеты пришлись всѣмъ по сердцу. Не страшные рассказы, — посыпались невскіе анекдоты.

Хороши невскіе анекдоты, одно горе — пріѣдаются скоро: кое-кто сталъ позѣвывать, кое-кто вышелъ изъ палатъ про-

хладиться въ жаркій корнетовскій кабинетъ — въ ледяную избушку.

Тутъ догадливый хозяинъ, чтобы не порвалось дѣло, будто по хозяйству выскочилъ на поварню — въ кухню къ Ивановнѣ. И ужъ скоро вернулся и не одинъ, а съ Ивановной: Ивановна выручить, Ивановна расскажетъ подлинно что-нибудь страшное, святочное, крещенское, чего всѣ заботятся.

Хозяинъ оказался правъ. Ивановна смерти не боится, и пожара не боится, и темноты не боится, Ивановна второго пришествія боится, трубы громогласной архангельской, колдуновъ и лѣшаго. Лѣшаго Ивановна не разъ видѣла и очень хорошо вспомнила.

— Мужикъ большой, глаза свѣтлые и ребята у него есть, ребята черные, худые...

Поднесли Ивановнѣ варенухи, угостили винной ягодой. Присѣла старуха на краешкѣ стула, поправила платокъ свой темный и стала старину вспоминать.

Ивановна дальняя, отъѣзжица, изъ полуночной колдовской Лапландіи, отъ Студенаго моря-океана. Тамъ она прожила свою жизнь, тамъ и быть бы ей до своего смертнаго конца, но судьба выбила ее изъ родной земли вонъ, загнала въ Петербургъ. Неграмотная Ивановна, одинъ твердый знакъ знаетъ, а видѣла и слышала много и много труда приняла и печали.

Разсказывала Ивановна о чойдахъ—сѣверныхъ колдунахъ лапландскихъ.

3.

Не было и нѣтъ на землѣ страшнѣе нойдовъ — колдуновъ лапландскихъ, много ихъ было, да и теперь не перевелись у Студенаго моря-океана, гдѣ живетъ китъ-рыба, мать всѣмъ рыбамъ.

Страшными чарами владѣли колдуны-нойды: птицы-орлы доносили имъ чужія рѣчи, волшебныя рыбы приходили на зовъ ихъ, и на рыбахъ переносились колдуны съ земли въ царство мертвыхъ, они вызывали мертвецовъ на землю, узнавали отъ мертвецовъ тайны, они угадывали, что дѣлается въ далекихъ чужихъ странахъ, предсказывали будущее, помогали и вредили человѣку, привораживали, насылали болѣзни, смерть, наводили порчу и мертвый сонъ, они переносились на облакахъ, давали убить себя и воскрешали себя, они подымали вѣтеръ, грозу и бурю.

Колдунъ, умирая, благословлялъ своимъ колдовствомъ. Если же онъ не находилъ способнаго человѣка, или не успѣлъ передать свою тайну, духъ его не успокаивался, и по смерти бродилъ колдунъ по землѣ съ колдовскими ключами, искалъ себѣ человѣка.

Ивановна сама видѣла и такихъ блуждающихъ нойдовъ.

Уѣхали ея родители въ городъ — въ Колу. Осталась она одна домъ караулить. Сидѣла она у окна, шила, думала о своемъ женихѣ. Погасалъ ясный сѣверный вечеръ. Двѣ ба-

рышни прилетѣли будто на крыльяхъ, двѣ барышни въ черномъ—черныя шляпы, черныя ленты. Стали барышни у окна, говорятъ: „Мы шли, шли, по пути избушка стоитъ, въ той избушкѣ маленькая подружка, очень маленькая!“—и качаютъ головой. Которая постарше барышня, у той ключи въ карманѣ, брякаетъ она ключами, спрашиваетъ у младшей: „Отдать этой ключи?“ „Нѣтъ,—говоритъ младшая,—рано ей еще, не можетъ она владать нашими ключами“. А Ивановна и спрашиваетъ: „Барышни колець не носятъ, а у васъ много колець на рукахъ?“ „Мы эти кольца даемъ людямъ,—говорятъ барышни,—кому два, кому три, кому пять, кому и десятокъ!“—и качаютъ головой. Еще много онѣ насаказали Ивановнѣ, на прощанье ломаное кольцо ей дали.

— Въ худыхъ душахъ лежала, черная, какъ уголь, въ чемъ душа,—разсказывала Ивановна,—а сказать боюсь: „Смотри, до трехъ лѣтъ не сказывай!“—запретили мнѣ барышни.

Много онѣ ей насаказали, и все сбылось.

Вышла замужъ Ивановна, были у нея дѣти. И мужъ и дѣти померли. Въ Петербургъ попала Ивановна. И ужъ ей не вернуться къ Студеному морю—къ океану, на свою полунощную родину.

Тамъ, у Студенаго моря, лелѣется лунный оленій мохъ волнистый—примѣни къ волнистому морю, тамъ лѣтней порой стоитъ день и ночь незакатное солнце червонное—примѣни къ червонному золоту, а въ декабрьскую темь и ночью и днемъ звѣзды. Тамъ въ звѣздномъ свѣтѣ, какъ ударить морозъ, сполохи—души убиенныхъ подымаютъ рѣзню на небѣ: кровь ихъ студеная—примѣни къ студеному морю, алой волной лелѣется, и отъ звѣзды до звѣзды дыблетъ ихъ ножъ, тамъ по звѣздному небу алымъ лапландскимъ окатымъ жемчугомъ нижутъ, убираютъ сполохи самоцвѣтныя солнца, перемѣтныя звѣзды, серебряныя буквы.

Нѣтъ, ей не вернуться въ ледовитую землю, на пустынный берегъ, не обмѣнять ломанаго кольца на кольцо крѣпкое и литое, не вымѣнять горькую долю на долю добрую,

не пройти ни путемъ, ни дорогою, ни собачьими тропами въ свою холодную дальнюю сторону... она горемъ на-сѣяна, и слезами поливана, и тоскою покрыта, и печалью горожена.

Тамъ, у океана, въ дремучей пустынѣ среди живыхъ бродятъ неупокойные чародѣйскіе духи.

Страшны колдуны-чародѣи при жизни, еще страшнѣе колдуны послѣ смерти: мертвецъ можетъ сдѣлать больше живого!

Жиль въ Лапландіи въ Нотозерѣ большой нойдъ — колдунъ Ризъ. И умеръ колдунъ, сдѣлали гробъ, положили его въ гробъ, а везти хоронить боятся. Былъ онъ страшенъ живой, а мертвый еще страшнѣе. Вызвался смѣльчакъ, запрягъ оленей, повезъ мертвеца. Съ вечера онъ выѣхалъ, — не ближній конецъ! — думалъ къ утру на мѣстѣ быть. Ёдетъ онъ вечеръ, и стала ночь. Бойко бѣгутъ олени, споро дорога идетъ. Около полночи вдругъ испугались олени. Посмотрѣлъ возница впередъ, и туда, и сюда: нѣтъ никого — ничего не видно, ничего не слышно. Оглянулся назадъ, а мертвецъ сидитъ.

„Коли померъ, лежи!“ — крикнулъ на мертвеца.

Послушалъ мертвецъ, легъ. Поѣхали дальше. Ночь, глухая ночь. Бойко бѣгутъ олени, споро дорога идетъ. И опять испугались олени: мертвый сидѣлъ въ гробу. Выскочилъ изъ саней возница, выхватилъ изъ-за пояса ножъ:

„Ложись, — кричить, — коли не ляжешь, зарѣжу!“

А мертвецъ какъ зубы оскалить, и стали зубы, какъ ножъ, желѣзные, черные зубы... Покажи мертвецу палку или полѣно, стали бы зубы деревянные. Спихватился возница, да поздно. Мертвецъ все-таки легъ. Поѣхали дальше. Катитъ глухое время, стынеть темная полночь. Бойко бѣгутъ олени, споро дорога идетъ. Дважды сошла бѣда, въ третій разъ не минуетъ: встанетъ мертвецъ, съѣстъ, загрызетъ желѣзными зубами! Соскочилъ возница съ саней, припрягъ оленей въ сторону, да самъ на высокую ель, добрался до самой верхушки. Ждать не пришлось, всталъ изъ гроба мертвецъ и прямо къ ели. Острые, какъ ножъ, желѣзные чернѣли зубы,

мертвецъ скрипѣлъ зубами, а руки были крестомъ на груди сложены, какъ въ гробу. Обошелъ мертвецъ вокругъ ели, пригнулся къ землѣ и сталъ грызть ель. И грызъ вѣтви, потомъ стволъ. Онъ грызъ, какъ росомаха: летѣли щепки, падали вѣтви. И зашаталась ель. Повалится ель, — не сдобровать живому! Догадался возница, самъ сталъ вѣтви ломать, бросалъ къ мертвецу на землю. Мертвецъ подумалъ: это падаетъ ель, — остановился. Острые, какъ ножъ, желѣзные чернѣли зубы, мертвецъ скрипѣлъ зубами, а руки были крестомъ на груди сложены, какъ въ гробу. Не падала ель, и онъ снова принялся грызть. И не разъ обманывалъ живой мертвеца: только-бъ ему дотянуть до зари, зарею мертвецъ ляжетъ въ свой гробъ! Далеко до зари. Догадался возница, запѣлъ пѣтухомъ, и пѣлъ, какъ пѣтухъ: прокукурекаетъ, похриптитъ и опять кукурекаетъ. Встрепенулся мертвецъ, бросилъ ель: не заря ли зарѣетъ? Не зарѣла заря. И грызъ, подгрызалъ, подгрызался подъ сердцевину. Падали вѣтви, летѣли щепки, дрожала ель. Упадетъ ель, не будетъ добра! Догадался возница, медленно сталъ спускаться съ верхушки на землю. Мертвецъ подумалъ: самъ поддается, — и пересталъ грызть. Мертвецъ дожидался. Острые, какъ ножъ, желѣзные чернѣли зубы. Мертвецъ скрипѣлъ зубами, а руки были крестомъ на груди сложены, какъ въ гробу. И показалась заря.

„Заря! — закричалъ возница, — ложись въ свой гробъ!“

Алѣла заря, какъ лапландскій алый жемчугъ. Покорно пошелъ мертвецъ отъ ели, покорно легъ въ гробъ. Слѣзъ на землю возница, закрылъ гробъ, впрягъ оленей и пустилъ во всю мочь по дорогѣ. Лишь къ вечеру былъ на мѣстѣ. Тамъ вырылъ могилу, опустилъ гробъ на бокъ, зарылъ могилу и домой. Дома онъ все рассказалъ, какъ было, и народъ сталъ бояться.

— Семь лѣтъ боялись, — рассказывала Ивановна, — семь лѣтъ боялись громко слово сказать, боялись ходить мимо могилы. А которые ходили, слышали, какъ свиститъ кто-то и воетъ тамъ, галитъ и плачетъ. Былъ онъ большой нойдъ.

Притихнули гости, отъ хлѣба-соли сытые, отъ варенухи

пьяные, отъ слова довольные, не затыкали ушей: слушать имъ, не переслушать!

И пошла Ивановна къ себѣ въ кухню—на свою поварню. Зазвенѣли рюмки—посошокъ въ добрую путь на отходъ.

Александръ Александровичъ добродушно посматривалъ на гостей и съ нѣкоторымъ покровительствомъ: удался его крещенскій вечериночный разговоръ, честь-похвала ему, напугалъ онъ всѣхъ до смерти лапландскимъ колдуномъ—нойдомъ.

А бритый адвокатъ во фракѣ, чокаясь съ прокуроромъ, тянулъ свое, свой приговоръ всѣмъ страхамъ, самой жизни, не стоящей страха.

— Чтò такое жизнь? Тысяча съѣденныхъ котлетъ и больше ничего.

1911 г.

ОКАЗИОНЪ.

1.

Всѣмъ извѣстно, что изъ году въ годъ два большихъ сборища бывало у Корнетова.

Одни сборы собирались на Симеона-лѣтопроводца, когда по старинѣ справлялъ Александръ Александровичъ кудѣсовы поминки—хоронилъ трехъ звѣрей самыхъ лютыхъ: муху, блоху и клопа, вѣруя, что ужъ впредь донимать его не будутъ, а всѣ подберутся и тихонько уйдутъ черезъ стѣнку къ сосѣду. Другіе сборы бывали у Корнетова на Рождествѣ, на пятый день праздника, когда празднуется память избіенныхъ младенцевъ.

Въ прошлыя Святки всѣ мы по обычаю получили приглашеніе и точно, въ указанный часъ, явились на Кавалергардскую, но, къ нашему огорченію, и совсѣмъ неожиданно, хозяина не оказалось дома, а Ивановна, не впуская никого въ прихожую и держа дверь на цѣпочкѣ, черезъ цѣпочку всѣмъ и каждому одно толковала, что баринъ только-что вышелъ, а вернется неизвѣстно когда.

Не лучше случилось и нынче осенью на Семенинъ день: опять всѣ мы получили приглашеніе и точно, въ назначенный часъ, явились къ Корнетову и, впущенные на этотъ разъ Ивановной въ домъ—въ палаты пировыя брусняныя, битый часъ просидѣли, дожидаясь хозяина. По словамъ Ивановны, хозяинъ, выходя изъ дому, гостей прини-

мать велѣлъ, но когда вернется, ничего не сказалъ. Столъ былъ накрытъ, и всего на немъ, сластей всякихъ—и пряниковъ, и сливъ висбаденскихъ, и варенья, и меду, и пастилы, и финиковъ, и винной ягоды стояло довольно, и пряникъ лежалъ въ полстола ржевскій, шесть фунтовъ полупряникъ, бѣлый въ узорахъ съ миндалемъ, а духъ фисташковый, и коробочка стояла, кленовымъ листкомъ покрытая, со звѣрями коробочка, которыхъ звѣрей хоронить надлежало, но хозяина и слѣдъ простылъ. Посидѣли, позѣвали и разошлись.

Каждый изъ насъ терялся въ догадкахъ и никакъ рѣшить не могъ, что бы такое все это значило и какъ понимать такое: приглашать гостей, а самому уйти?

Бритый адвокатъ во фракѣ, изъ всѣхъ насъ самый умудренный, жизнь для котораго мѣрялась съѣденными котлетами, старался всѣхъ увѣрить, будто Александръ Александровичъ никуда и не думалъ выходить, а преспокойно сидѣлъ себѣ тутъ же подъ диваномъ, а продѣлалъ все это Александръ Александровичъ нарочно, изъ любопытства на одураченныхъ гостей посмотреть.

Правда, за Александромъ Александровичемъ всякое во-дилось и ожидать отъ него всего можно—носилъ же онъ на себѣ тайны ради и сохранности великій скорописный свитокъ, гдѣ все было сказано, вся судьба наша русская и какъ царству быть русскому, самъ его читалъ, до сихъ поръ читаетъ, а намъ не показывалъ!—но такого все-таки никто не думалъ, чтобы подъ диваномъ...

Кое-кто пробовалъ на Кавалергардскую понавѣдаться и притомъ въ часъ неурочный, чтобы ужъ навѣрняка застать Корнетова дома, но толку никакого не вышло—съ параднаго Ивановна хоть черезъ цѣпочку разговариваетъ, а съ чернаго всю глотку надсадишь,—съ поварни своей разговоръ у Ивановны только черезъ глухую дверь, а отвѣтъ одинъ: „Барина дома нѣтъ, а когда вернется, ничего не сказалъ.“

Съ нетерпѣніемъ ждали мы Святокъ, пятого дня,—опять ли подшутить хозяинъ или по примѣру прошлыхъ лѣтъ позабавить вечеромъ крещенскимъ?

И наступило Рождество, пятый день, и всѣ мы опять явились точно, въ назначенный часъ, и ужъ всѣхъ насъ встрѣчалъ самъ хозяинъ.

Александръ Александровичъ былъ больше, чѣмъ когда, привѣтливъ.

И вовсе подъ диваномъ, какъ оказалось, онъ тогда и не высиживался, да и диванъ-то у него такой, съ ящикомъ, никакъ не подлѣзешь, а ужъ чтобы сидѣть и совсѣмъ невозможно, нѣтъ, другая была причина—находка, изъ-за которой не только гостей, а и все на свѣтѣ забудешь.

Гордость Александра Александровича—глаголица, на которой, казалось ему, онъ единственный на всемъ земномъ шарѣ писалъ дружескія посланія, эта глаголица оказалась не мертвой грамотой, и такое открытіе привезъ профессоръ—настоящій профессоръ!—съ которымъ за зиму и свелъ Александръ Александровичъ большую дружбу и вечерами пропадалъ у него въ разговорахъ: профессоръ объѣхалъ весь свѣтъ и нашелъ островъ, Кръкъ зовется островъ, гдѣ и нынѣ не только богослужебныя книги печатаютъ, но и газета издается, и жители всѣ пишутъ не иначе, какъ на глаголицѣ.

— И разговариваютъ! — добавлялъ Александръ Александровичъ, представляя новаго гостя профессора своимъ старымъ пріятелямъ.

Цѣлый годъ мы не видѣли Александра Александровича, а какъ будто и году не проходило, все такой же... варенухи поднесъ намъ своей домашней, забористой, и хоть всѣ мы хорошо знали, что Елисѣевская наливка и нисколько не домашняя, но пили да похваливали, какъ самую настоящую, на косточкѣ настоенную и годами выдержанную: такъ вѣдь убѣдить и глаза отвести могъ только одинъ Александръ Александровичъ Корнетовъ, путейскій ревизоръ, статскій совѣтникъ въ отставкѣ!

За варенухой, пока гости чокались, да къ рюмкѣ принимались, да на языкѣ смаковали, успѣлъ хозяинъ проскочить въ ледяную избушку—въ кабинетъ свой семиугол-

вый и ужъ вернулся не съ пустыми руками, — большущую граненую рюмку бережно въ трехъ перстахъ несь Александръ Александровичъ.

Съ рюмки и начался вечериночный долгій разговоръ.

— Видите вы эту рюмку?—спросилъ хозяинъ.

— Видимъ,—отвѣтили мы разомъ и потянулись къ рюмкѣ поближе.

— Что же вы на ней видите?—Александръ Александровичъ поставилъ рюмку на блюдце, блюдце на бѣлый шести-фунтовой ржевскій полупряникъ, чтобы, какъ слѣдуетъ, всѣмъ было видно.

— Отпечатки вдавленныхъ пальцевъ, — сказалъ прокуроръ.

— Отпечатки вдавленныхъ пальцевъ, — повторилъ хозяинъ,—совершенно вѣрно, но сколькихъ?

— Конечно, трехъ! — отвѣтили мы разомъ,—кто же не знаетъ, что рюмку держать въ трехъ пальцахъ?

— То-то и есть, что трехъ, а чьихъ?

Но тутъ всѣ мы прикусили языкъ: кто же могъ знать, чьи пальцы? и въ самомъ дѣлѣ, какъ узнаешь, чьи такіе пальцы такъ явственно вдавлены были на рюмкѣ?

— Чорта, — сказалъ Александръ Александровичъ, — вотъ какой случай, самого чорта пальцы.

По обычаю занять святой вечеръ полагалось страшными рассказами, и хотя что такое можетъ быть нынче страшнаго, когда жизнь наша, по отзыву умудреннаго жизнью пріятеля, бритаго адвоката во фракъ, не иное что, какъ тысяча какая котлетъ съѣденныхъ, рюмка съ чортовыми пальцами при-шлась очень кстати.

Рюмка съ чортовыми пальцами досталась Александру Александровичу изъ старинной заброшенной усадьбы Таракановыхъ. Со всѣми подробностями описалъ намъ Александръ Александровичъ усадьбу и все родословіе Таракановыхъ до послѣдняго представителя, скитающагося нынче гдѣ-то въ Москвѣ на Хитровкѣ. А когда-то въ усадьбѣ шла жизнь и полно, и богато, и прохладно, и чудесъ водилось немало.

— Въ столовой стоялъ большой желтый буфетъ,—разсказывалъ Александръ Александровичъ,—въ столовой обычно собиралась вся Таракановская семья, и чортъ, приставленный къ Таракановскому роду, поселился въ буфетъ. И пристрастился чортъ, глядя на хозяевъ, къ простяку-водкѣ и скоро ужъ выпивалъ не меньше хозяевъ, а облюбовалъ себѣ чортъ эту самую дѣдовскую рюмку. И вотъ однажды въ грозу сидѣлъ себѣ чортъ въ буфетѣ, выпивалъ мирно, рюмку за рюмкой, но послѣ седьмой, развезло, что ли, чорта или ужъ по природѣ своей, возьми да сболтни чортъ что-то совсѣмъ неподходящее про божественное громоверженіе, и хоть про себя сказалъ онъ это похабство, да тамъ-то ужъ все слышно, и метнулъ Илья стрѣлу да прямо въ буфетъ, въ чорта, и расшибъ чорта вдребезги и какъ разъ въ ту самую минуту какъ поднесъ онъ къ губамъ рюмку. А прошла гроза, раскрыли буфетъ, тутъ-то и замѣтили, что на дѣдовской рюмкѣ эти вдавленки — три пальца чортовыхъ, а на полкѣ лежитъ стрѣла огромная.

Александръ Александровичъ налилъ въ чортову рюмку варенухи, сперва самъ выпилъ, потомъ гостей обнесъ. Не безъ любопытства пили изъ чортовой рюмки, и какъ будто совсѣмъ ничего, варенуха на вкусъ такая же показалась. такъ же сладко тянется, и развѣ что на самомъ донышкѣ чуть погорчѣе—косточка, а дѣйствія другого не оказывала.

И только старичокъ профессоръ — не настоящій профессоръ, учитель-старичокъ, еще въ позапрошлыя святки зубъ изъ котораго выколачивали: проглотилъ тогда зубъ съ маковникомъ!—человѣкъ почтенный, ума гордостнаго и помысла лукаваго, вдругъ порозовѣлъ весь и сталъ необыкновенно веселенькій.

— Я вамъ сказку скажу, — безпокойно какъ-то и словно отмахиваясь отъ кого-то заговорилъ старичокъ.

Сказка такъ сказка, намъ чего же лучше, самое время было для сказокъ.

— Страшная?—спросилъ актеръ, самъ обыкновенно разсказывавшій всякіе страшные случаи изъ тѣхъ пьесъ, что

игралъ, и не разъ котораго, по словамъ газетъ, засыпали цвѣтами.

— Не вѣсть-что, про Додона!..—даже поперхнулся старичокъ, взывавъ: необыкновенная игра душевная разливалась въ его вспыхнувшемъ румянцѣ.

Признаюсь, какъ-то сомнительно стало, что у старичка что-нибудь выйдетъ, но старичокъ малость простылъ, и ужъ спокойно началъ рассказывать.

2.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ царствовалъ сильный и могучій царь Додонъ. И было это царство богатое и сильное—съ краями полно, не насмотришься: всякій тутъ лѣсъ, всякая ягода, всякія птицы водились, и не только что хлѣба было всѣмъ вволю, но и всякаго добра и всего не въ проѣздъ было, да и скотины развелось очень довольно.

Задавалъ царь пиръ за пиромъ распяные-пьяные, и было въ его царствѣ веселье, какъ еще ни въ одной державной странѣ, разливанное, и гости, отплясавъ ночь въ три ноги, возвращались подъ утро домой безъ заднихъ ногъ.

Разными диковинками славился Додоновъ дворъ, и шла его слава далеко—дошелъ слухъ до Кощея-безсмертнаго. И ужъ собрался самъ Кошей въ гости къ Додону побывать, ужъ сѣлъ Кошей на коверъ-самолетъ, да только сажень десять не долетѣлъ, потому что ему нельзя какъ-то въ Русь, и воротился домой.

А диковинки и вправду были знатныя.

Жиль у царя на чердакѣ воронъ,—воронъ, если бывала надобность, пускался изъ слухового окошка за тридевять земель, приносилъ царю отъ Лягушки-царевны золотое яблоко, а съ золотымъ яблокомъ живую воду и воду мертвую.

Царь тѣмъ яблочкомъ лакомился, а живую воду въ квась

подбавлялъ и всегда послѣ бани съ квасомъ кушалъ для своего удовольствія, а кстати и чтобы вѣкъ свой продлить— подбадривалъ старую кость, приходящую въ ветхость, мертвой же водой для развлеченія мухъ да таракановъ морилъ.

Хранился у царя въ хрустальной шкатулкѣ перстень,— перстень, если метнешь его съ руки на руку или на палець надѣнешь, такъ сію же минуту и перенесетъ тебя, куда хочешь.

Царь шкатулку держалъ у себя подъ головами, а перстень надѣвалъ только разъ въ году на свои именины, и то на обѣдню.

Въ стойлѣ стоялъ златогривый конь—златохвостый конь, и никуда на конѣ никто не ѣздилъ и никуда коня не выпускали, а была проверчена въ конюшнѣ щелка, черезъ ту щелку всѣ на коня глазѣли, да диву давались.

У краснаго крыльца лежала свинка-золотая щетинка, выпускался отъ свинки свѣтъ такой сильный, и никакого другого не надобилось свѣта, и другихъ огней на царскомъ дворѣ не зажигали: хоть въ самую темень иди, не споткнешься и нечего бояться — не разобьешь носа; трогать же свинку пальцами и гладить руками никому не дозволялось — обнесена она была крѣпкой рѣшеткой, и лишь издали кланялись свинкѣ, поминая чушку добрымъ словомъ.

По саду разгуливалъ олень-золотые рога, днемъ златорогій на себя любовался въ тихомъ озерѣ, на ночь въ пещеру спать уходилъ, и спалъ до зари, какъ простой человекъ.

И жила еще птица у царя колпалица, — на колпалицѣ куда хочешь летай, только было-бъ птицѣ что ѣсть, а птица, ѣсть хоть и ѣла и не такъ чтобы много, да норовила разъ въ одинъ присѣсть всѣ запасы прибрать и волей-неволей отрѣзай пожирнѣе кусокъ отъ себя, да человѣчиной корми птицу, а то не летитъ.

Царь на птицѣ никуда не леталъ, а держалъ птицу въ клѣткѣ надъ своимъ трономъ, и тутъ же у трона гусли висѣли самогуды и такъ сладко звяцали, уши развѣсишь.

На дворѣ на привязи въ собачьей конуркѣ, какъ собака, сидѣла Вѣдьма: день подѣ окнами ползала Вѣдьма, ночью тѣкала по-собачьи.

Какъ-то однажды въ сердцахъ предсказала Вѣдьма царю смерть отъ червя. И приказалъ царь Вѣдьму казнить,—разложили на дворѣ костеръ дровъ и Вѣдьму сожгли, а червяковъ всѣхъ, сколько ихъ ни было, и какіе только могли проявиться, велѣно было доставлять ко двору и давить, а которые юрки, тѣхъ на мѣстѣ приканчивать.

И высоко сидѣлъ царь Додонъ на перловомъ вырѣзномъ своемъ тронѣ въ красныхъ веселыхъ палатахъ,—окружены были царскія палаты трехстѣнною крѣпостью, на стѣнахъ наведены были струны съ колокольчиками,—сидѣлъ царь высоко во всей своей царской, государевой славѣ, давилъ червей, да лакомился золотымъ яблочкомъ, а вокругъ него все гости да все пьяные, плетутъ разсказъ, поютъ, пляшутъ, удивляются царскимъ диковинкамъ.

А диковинки и вправду царскія! Но изъ всѣхъ диковинъ диковинка, чудо изъ чудесъ, диво изъ дивъ, росла дочь у царя Олена—краса неоцѣненная, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Прошло тамъ сколько, не годъ, не два, и стали вѣсти носиться, что поспѣла царевна невѣстой подѣ вѣнецъ, и стали изъ иныхъ земель цари, короли да принцы къ Додону съѣзжаться, и сталъ царь Додонъ собирать царскую свадьбу.

А пока приданое готовили, удалыцы женихи свою удалъ передъ царевной развертывали, и перевернулось все царство Додоново: очень ужъ царевна была всѣмъ завидлива,—всякій зарился въ жены себѣ царевну взять. И бранились, дрались соперники, убивали до смерти, рѣзали прямо ножами, а не то такъ инымъ дѣломъ изводили другъ друга.

Вотъ заструнили струны, зазвенѣли колокольчики—наступили смотрины царскія. И пошли сваты со свахами невѣсту охаживать, приданое-добро смотрѣть, всякую мелочь вдоль

и поперекъ отрагивать, во все запускать свой глазъ, такіе дотошные,—да такъ и обычай велить.

И не мало, не много, цѣлый день трудились — одного добра, сундуки ломаются!—и лишь подъ вечеръ согласно рѣшеніе вынесли: поруки нѣтъ никакой—невѣста красавица и все, какъ надо быть, во всей красѣ царской, и лучшей невѣсты поискать—не отыщешь. А ловкостей разныхъ—няньки да мамки научаютъ этому дѣлу невѣсть — поразсказала царевна на загладку сватамъ такъ много, и пальцевъ для счета не хватить, и такія хитрости выказала, что и сами сваты, народъ дошлый, да и тѣ не выдержали, совсѣмъ очумѣли.

Ужъ пошли сваты наводить свой послѣдній глазъ, ужъ готовились ударить во всѣ колокола, готовилась царевна выбрать себѣ мужа, а царь зятя, какъ вдругъ чей-то лихой глазъ открылъ въ царевнѣ такое, и когда про такое свать перешепнулъ на ухо свату, и съ уха на ухо всѣмъ стало извѣстно, всѣхъ такой оторопъ взялъ, и въ мигъ весь Додоновъ дворъ ровно языкомъ слизнуло. Повскакали женихи со сватами живо на коней, а свахъ кто за что—кто за сѣдло, кто на хвостъ, и всѣ до одного, поминай, какъ звали!

И съ той поры никого, хоть бы кто, хоть бы самый завалящій принцъ, никто не являлся женихомъ къ царю.

И слалъ Додонъ сватовъ отъ себя, сулилъ царь полъ-царства отдать, и радъ-то былъ царь съ диковинками разстаться, лишь бы выдать дочь,—да одинъ у всѣхъ сказъ!

Одна-одинешенька не весела томилась царевна, утромъ выйдетъ въ садъ, бродить, какъ тѣнь, и только посередь дня заходила царевна на птичій дворъ, кормила любимыхъ цыцарокъ. А царя совсѣмъ старость осилила, и отъ живой воды пользы не стало, и хоть червяковъ всякій день давилъ Додонъ съ сотню, а то и побольше, да смерть не обманешь: червемъ подползетъ она, ой, червь, ой зубатая!

И задумался царь, думая себѣ, гадая крѣпкую думу, какъ быть, да чтобъ и все было. Думалъ царь, думалъ и вздумалъ думу: велѣлъ царь созвать со всего царства всѣхъ, сколько ни есть, бояръ, всѣхъ-на-всѣхъ въ красныя свои палаты.

И сошлись къ царю бояре всѣ, разсѣлись по мѣстамъ, порасправили борода и начали думать, какъ быть, да чтобы и все было. Думали, думали, думали, думали, гадали, гадали, и то думали и се думали, и такъ и этакъ прикладывали, и ничего не выдумали.

Такъ и разошлись.

А жилъ у царя въ дворцовой клѣтушкѣ одинъ человѣкъ, а звали его Лука Водыльникъ, а былъ онъ, водыльникъ, не великъ, не малъ, да такой, что всякому примѣтенъ: сухонькій, востренькій и всего-навсего объ одномъ единственномъ глазѣ, да и тотъ не въ показанномъ мѣстѣ — во лбу надъ носомъ, а догадливъ водыльникъ былъ—ни на какую стать.

Появился Лука въ Додоновой землѣ, еще когда Додонъ молодъ былъ и большія войны велъ, уходя, бывало, на долгіе сроки со своей сильною ратью въ дальнія земли, а появился Лука просто чудомъ изъ темнаго подземнаго царства, гдѣ люди въ водѣ, въ кадкахъ съ водой живутъ и все впотьмахъ дѣлаютъ.

Не везло Лукѣ на первыхъ порахъ, все прошибался, все не по-людски выходило, ну, да потомъ попривыкъ, и ужъ такъ во всемъ наловчился, что самыя первыя комнаты—покои царскіе у царя прибиралъ и птицѣ-колпалицѣ клѣтку чистилъ.

И случилось однажды, отправился Додонъ войной на Дракана царя, а Луку, какъ вѣрнаго себѣ человѣка, поставилъ при Воронѣ находиться и, если что ворону понадобится, все исполнять безпрекословно. И случилось съ Лукой о ту пору одно не веселое дѣло.

Пристрастился Лука у ворона воду живую пить и, не зная мѣры,—до воды Лука большой былъ охотникъ,—въ одинъ прекрасный день такъ опился, что пришлось попа звать, Луку соборовать. Сутокъ трое бились съ больнымъ, воду изъ него трубами выкачивали, и только на четвертыя сутки, какъ царю съ войны воротиться, съ Божьей помощью кое-какъ отходили бѣднягу. И съ той самой поры почувствовалъ

Лука къ водѣ отвращеніе, и никогда, и даже Богоявленской никакой ни капельки ея въ ротъ не бралъ, а питался круглый годъ ягодою, кореньями да калеными орѣхами.

Еще больше приблизилъ царь Луку и со временемъ назначилъ его главнымъ вельможемъ, а любилъ его, какъ родного, и за смѣтливость особенно—и какъ бывало у нихъ межъ собой чтò сказано, такъ было и сдѣлано.

А Лука умѣлъ угождать царю: изъ ничего просто такъ сдѣлаетъ тебѣ кошелекъ бумажный или такъ на языкѣ играть примется, что всякій со смѣху помретъ и всякому поплясать охота, если даже и не вмоготу тебѣ.

А тутъ у Луки обнаружилось вдругъ такое пречудесное качество, что царь, ужъ не зная чѣмъ еще наградить Луку, приказалъ вписать Луку о здоровіи въ поминанье на вѣчное поминовеніе, поминать Луку во всѣхъ церквахъ и здѣшнихъ и нездѣшнихъ.

Богъ знаетъ, какимъ образомъ, и неизвѣстно откуда, сыпался изъ Луки въ родѣ пепла песокъ какой-то, и когда, бывало, сядетъ Лука съ царемъ судить да рядить, такъ послѣ обязательно цѣлый мѣшокъ песку соберутъ, а то и слишкомъ. А извѣстно, на Додоновой землѣ песку самородного и въ поминѣ не было, и всякій этимъ пескомъ, слегка просушивъ, имъ и пользовался, и наклали изъ песку Лукина посреди столицы Додоновой гору высоченную, чтобы на Красную горку солнце встрѣчать, на Маслену съ горки кататься.

Вотъ какой былъ этотъ Лука хитрецъ—важный человекъ.

И надо же такому случиться, незадолго до смотринъ царскихъ отправился Лука на богомолье и пропалъ на долгое время. Въ какія страны заходилъ одноглазый, по какимъ монастырямъ и угодникамъ молился, ничего неизвѣстно, а можетъ, просто-напросто лазилъ къ себѣ въ темное подземное царство и тамъ короталъ время, сидя въ кадкѣ со своимъ одноглазымъ пріятелемъ, кто-жъ его знаетъ! И когда вернулся Лука, Додонова царства узнать нельзя было.

На царскомъ дворѣ все приуныло: цвѣты въ саду стали

вянуть, деревья сохнуть, трава поблекла, а царь мышей уж не топчетъ.

Тридцать три года стукнуло царевнѣ, тридцать и три—и красна, краше нѣтъ ея на всемъ свѣтѣ, а толку никакого.

Развѣдалъ Лука дѣло—Лука до всего доберется!—забралъ Лука золотую мѣрку, да съ мѣркой тихонько и прошмыгнулъ въ теремъ...

Но тутъ въ старичка, ужъ навѣрно, бѣсъ вселился, старичокъ вдругъ такое понесъ, и вправду, не-вѣсть-что понесъ и такъ руками сталъ выдѣлывать что-то,—и кругомъ поднялся сущій содомъ.

— Вина горячія токайскія, меды разные, квасъ сладкій, квасъ черствый, квасъ выкислый, вишневка-первачокъ! — потчевалъ хозяинъ, самъ выпроваживая тихонько бѣсна-таго въ свою ледяную избушку.

И пока гости занялись винами токайскими, Александръ Александровичъ уложилъ старичка на диванъ, да чтобы бѣсъ скорѣй вышелъ, прикрылъ его шкурами. Сталъ старичокъ изъ-подъ шкуръ высвистывать: „покойной ночи!“ и опять вернулся хозяинъ въ пировыя палаты къ своимъ развеселымъ гостямъ. А гости, что говорить, повеселѣли. И стрепетный полковникъ съ колючими шпорами и инженеръ—разоритель домовъ, и морякъ съ кортикомъ, и зоологъ, членъ Государственной Думы, и авіаторъ, летающій гдѣ-то за Ураломъ, и актеръ, неоднократно засыпаемый цвѣтами, всѣ казались въ большемъ ударѣ и готовы были подобрать въ памяти свой случай, не уступавшій Додонову, но хозяинъ ухватился за профессора, за настоящаго профессора: профессоръ, объѣздившій весь свѣтъ, долженъ былъ поразсказать что-нибудь необыкновенно чудесное.

И профессоръ, хоть съ виду и очень свирѣпый, но это только такъ съ виду, а такъ совсѣмъ ладный, профессоръ и не отказывался, и даже не крякнувъ, прямо приступилъ къ разсказу.

3.

Быть за границей и не купить себѣ чего-нибудь изъ платья: пальто тамъ какое, сюртукъ или жилетку, считается по меньшей мѣрѣ глупо, не такъ ли? И на первый взглядъ мнѣніе такое, могу сказать, вполне справедливо. Зналъ я одного, такой былъ у меня пріятель, поѣхалъ онъ за границу, страсть и взглянуть въ чемъ, а вернулся домой, встрѣчаю на Невскомъ—женихъ. Да и не одного зналъ я такого, передѣланнаго такъ за границей, а въ срокъ самый кратчайшій, и все отъ дешевизны тамошней, а главное—отъ вкуса. И скажу по всей по правдѣ, эта мысль и у меня въ головѣ вертѣла, ну, если не женихомъ, то ужъ во всякомъ случаѣ такъ принарядиться, чтобы, хоть и малую, да пустить въ глаза пыль.

— Главное дѣло, дешево очень, а сдѣлано съ необыкновеннымъ вкусомъ!—это общій голосъ людей бывалыхъ, противъ котораго не поспоришь, этотъ голосъ и меня напутствовалъ въ мои дальнія путешествія въ чужіе края.

Сначала-то, какъ я туда пріѣхалъ, было мнѣ тамъ не до покупокъ, все глядѣлъ я, что всѣ глядѣли, и удивлялся, чему всякій долгомъ своимъ считаетъ подивиться. И хоть не все оно было такъ, какъ говорилось, да ужъ тутъ некогда разбирать, знай только успѣвай оглядывать. Ну, а какъ обжился

да осмотрѣлся и пришло время на отъѣздъ, вспомнились и тѣ совѣты.

Главное дѣло, дешево очень, а сдѣлано съ необыкновеннымъ вкусомъ!“—такъ это и долбить и долбить и ужъ идешь по улицѣ, завидишь чучела, у портного торчатъ, изноряженные такія, розовыя, и обязательно станешь и цѣну вымотришь. И дѣйствительно, что-что, а дешево все на удивленіе, а ужъ вкусъ, и не выразишь. И въ большіе магазины пошелъ я для той же цѣли, и чѣмъ больше смотрѣлъ, да присматривался, тѣмъ все больше глаза разбѣгались, и ужъ остановиться ни на чемъ не могъ,—все такъ бы и взялъ, такъ бы и купилъ.

Всего-то покупать мнѣ и не къ чему было, мнѣ надо было пальто—лѣтняго пальто у меня не было. Ранней весной пріѣхалъ я въ Парижъ въ осеннемъ на ватинѣ, а какъ наступила жара, на ватинѣ и неудобно стало. Безъ лѣтняго пальто, что говорить, нечего было и думать домой возвращаться.

Хотѣлъ я попробовать на свой страхъ—ужъ очень мнѣ одно понравилось, такъ ни на что не похожее, мѣшкомъ, да раздумался: еще, думаю, выразиться не сумѣю толкомъ и сдерутъ втридорога. И рассказываю знакомому своему, рѣшилъ на него положиться, его указаніями воспользоваться—этотъ знакомый мой замѣчательный: русскій, а такъ замоторѣлъ на чужой землѣ, и ужъ по-русски разучиваться сталъ и, конечно, знаетъ все не хуже настоящаго природнаго жителя,—вотъ ему и рассказываю и само собой о большихъ магазинахъ...

— Большіе магазины!—такъ и напустился на меня знакомый мой,—да въ большихъ магазинахъ только одни дураки покупаютъ, для нихъ и магазины эти открыты. Большіе магазины! И дорого, и плохо, и покупать—только деньгами сорить!

И все это, какъ оказывается, знаетъ онъ по собственному опыту, на себѣ испыталъ, и ужъ другу и недругу по большимъ магазинамъ ходить закажетъ. Но зато можетъ онъ

такой магазинъ указать, и совсѣмъ небольшой, гдѣ просто даромъ даютъ—оказіонъ.

И сказалъ онъ адресъ оказіона и для вѣрности на листкѣ улицу и номеръ написалъ и какъ итти нарисовалъ: магазинъ неподалеку отъ Сень-Сюльписа церкви, на одной изъ узенькихъ поперечныхъ улицъ, такихъ тѣсныхъ, гдѣ дай Богъ одному автомобилю проѣхать.

— Чортъ ихъ не знаетъ, откуда они тамъ такое сокровище собираютъ! И вообразить себѣ трудно, какая дешеви́зна, ниже цѣнъ нѣтъ на всемъ свѣтѣ, да и не было, съ покойниковъ, что ли, доставляютъ имъ, чортъ ихъ не знаетъ, оказіонъ!

Такъ зудѣлъ, такъ нахваливалъ мнѣ знакомый мой этотъ магазинъ самый, куда, какъ рѣшилъ онъ, не иначе, какъ съ покойниковъ сокровища собираютъ—Сень-Сюльписъ церковь подѣ бокомъ!—и повторялъ на всѣ лады и по-нашему и не по-нашему, ужъ бросилъ я ходить по большимъ магазинамъ и на чучель выряженныхъ, что у портныхъ выставлены стоять, на чучель розовыхъ не паялилъ глазъ. Я твердо рѣшилъ и безповоротно: отыщу ту самую улицу поперечную подѣ Сень-Сюльписомъ, магазинъ тотъ оказіонъ, и хоть съ покойника, все равно, а куплю себѣ пальто—безъ лѣтнаго пальто нечего было и думать домой возвращаться.

И не откладывая въ долгій ящикъ, въ первый же ближайшій день пошелъ я улицу отыскивать, ту поперечную, и очень удачно, не очень много путался, легко попалъ на улицу и скоро домъ нашелъ, — ну, все какъ говорилъ и записалъ и нарисовалъ мой знакомый. И только одно меня смутило,—дѣйствительно, въ домѣ оказался магазинъ, но совсѣмъ не по одежной части: на двери, на стеклѣ огромная желтая ботинка нарисована, и кромѣ этой желтой ботинки ничего, и никакой подписи и никакого названія. Заглянулъ я въ окно—темновато, и тамъ какіе-то крючки и обувь, туфли больше въ родѣ купальныхъ такіа, а никакихъ сюртуковъ, никакого пальто нѣтъ.

Думаю, можетъ, на такой улицѣ два одинаковыхъ номера

есть, все, вѣдь, возможно!—и перешелъ на другую сторону, прошелъ всю улицу, но такого номера еще разъ не было, стало-быть, не ошибся, и опять вернулся къ магазину. Стою подъ дверью, смотрю на ботинку, а войти спросить духу не хватаетъ: вѣдь, ясно, ботинка да вдобавокъ еще желтая большая, чего же лѣзть спрашивать?

Постою, посмотрю, отойду немного и опять вернусь и опять стою.

„Да что же это, — думаю, — ботинки я, что ли, испугался, войти спросить страшно?“ — и ужъ собралъ я всю, какая есть, рѣшимость — чувствую, покраснѣлъ весь, — и съ еще пушчимъ остервенѣніемъ толкнулъ дверь.

— Какъ же, есть и пальто, сколько угодно! — продавщица въ черномъ, у нихъ это вездѣ такъ, и въ кафе и въ магазинахъ, все въ черномъ, барышня продавщица, на лису похожа, словно обрадовалась чему, такъ вся и распустилась, — какое угодно пальто, все есть! — и повела меня куда-то наверхъ черезъ самую тьму египетскую.

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ добрался я до верху, до той комнаты, гдѣ и пальто и все есть, и, слава Богу, чуть посвѣтлѣе стало. И сейчасъ же мнѣ продавщица все показывать: и одно тащить, и другое тянуть, и третье выкладываетъ, только смотри, только выбирай, — и фраки и смокинги, и жилеты... а вотъ брюки, бѣлыя, какъ нашъ сахаръ, и всего лишь у колѣнки гдѣ-то кофейное пятнышко, такъ пятнышко, а цѣна — пять франковъ, а вотъ жилетъ — перо павое, три франка!

— Мнѣ, — говорю, — пальто покажите лѣтнее! — самъ говорю, а у самого голова кружится, нетерпѣніе беретъ взглянуть поскорѣй: ужъ очень все хорошо и ни на какую стать очень дешево.

А продавщица порылась, порылась за прилавкомъ, зацѣпила тамъ, вытянула что-то изъ узла и ужъ тащить.

— Прямо на вашъ ростъ, автомобиль! — растопырила рукава, примѣрять держать.

Ничего, гляжу, пальто, какъ пальто, хорошее пальто, длин-

новато какъ будто, и рукава и полы длинноваты, свободно что-то очень.

— Автомобиль! по вашему росту! — а сама такъ лисой и смотреть, такъ вся и вылисывается.

„Можетъ,—думаю,— это такъ и надо, такъ и полагается, а главное, вкусъ-то какой!“ — пощупалъ я матерію: плотная и вся словно изъ волосъ однихъ, волохатая, а цвѣтъ зеленоватый съ сѣдинкомъ, и только эта штрипка сзади болтается, ну, такая, какъ на шинеляхъ, или халаты тоже такіе бывають съ такою штрипкой.

— Это,—говорю,—нельзя ли убрать?

Но тутъ продавщица словно бы сконфузилась за меня.

— Автомобиль! — повторила она и какъ-то такъ укоризненно и убѣдительно, что и возразить невозможно.

„Стало-быть,—думаю,— это такъ полагается и придется, видно, и какъ это ни глупо, а ходить со штрипкой!“

— А цѣна какая?

— Тридцать франковъ.

Тридцать франковъ—двѣнадцать рублей нашихъ, ну, какъ вамъ кажется, и гдѣ же это, скажите, въ какихъ такихъ рядахъ за такія деньги такое добро получишь?

Разсчитался я, записали мой адресъ, и пошелъ себѣ домой, вотъ какъ довольный! А къ вечеру у меня и новое пальто было — зеленое съ сѣдинкомъ. Теперь спокойно я могъ взять билетъ, уложить вещи и ѣхать въ Россію.

Такъ я и сдѣлалъ.

Такъ я въ это самое пальто и обрядился, и въ путь. И не скажу, чтобы дорогой было мнѣ очень пріятно: полы длинныя, какъ станешь въ вагонъ влѣзать, путаешься, путаешься, едва влѣзешь, и рукава широченные и опять же длинные, папиросу съ трудомъ закуришь, да и тепло, такъ тепло, словно въ зимнемъ. Намаялся, что говорить, и ужъ какъ пенялъ, что того не надѣлъ, на ватинѣ. Ну, какъ-никакъ, и доѣхалъ, а вотъ дома, какъ оглядѣлся, и дѣлать не знаю что.

Надѣну я этотъ самый халатъ покойницкій, посмотрюся

въ зеркало, да какъ увижу эту длинноту попятную и эту самую штрипку дурацкую, да скорѣе долой съ плечъ, да на вѣшалку, ну, хотъ иди покупай новое. По улицамъ хожу, примѣчаю, кто въ чемъ и нѣтъ ли у кого еще,— и сколько ни смотрѣлъ, ну, хотъ что-нибудь подобное, ну, хотъ разъ бы на глаза попалось такое.

„Можетъ, на слѣдующій годъ мода выйдетъ!“ — сталъ я утѣшать себя и рѣшилъ до весны подождать, а пока что оставилъ пальто на вѣшалкѣ висѣть.

И завелась у насъ моль въ домѣ. И чѣмъ я ни травилъ ее, вывести не могу, ужъ я и къ товарищу профессору обращался, къ физику, далъ профессоръ какихъ-то камушковъ купоросныхъ, разложилъ я камушки по всѣмъ угламъ, но и камушки не помогаютъ, все ея больше и больше, и откуда летитъ, неизвѣстно. Что дѣлать?—и взялся я за вещи. Пересмотрю, думаю, все, и найду гнѣздо, тутъ ей и конецъ будетъ! И много чего пересмотрѣлъ, а нѣтъ гнѣзда, а какъ дошла очередь до пальто, распахнулъ я его, а на немъ... ну, живого мѣста нѣтъ, одна моль—и ползетъ, и скачетъ и, Богъ знаетъ что, одна моль. Цѣлый день я возился и выбивалъ и вытряхивалъ, да хорошенько пронафталинилъ и положилъ въ сундукъ.

А пришла весна, и въ первый теплый день пошелъ я на Гороховую и купилъ себѣ простое лѣтнее пальто!

— Оказіонъ! — сказалъ Александръ Александровичъ, довольный своимъ профессоромъ, и опять взялся за всякія варенухи и за сласти прохладительныя: прохладиться не мѣшало.

— А со мной былъ такой случай,—тихо, но достаточно ясно сказалъ камергеръ Баукинъ, еще совсѣмъ не старый, но замѣчательно благообразный, какъ нѣкій мудръ мужъ, извѣстный гербовѣдъ петербургскій,—я, если хотите, расскажу вамъ этотъ случай.

— Расскажите, Петръ Ивановичъ, расскажите, пожалуй-

ста! — Александръ Александровичъ такъ и сіялъ весь отъ удовольствія — еще бы, на вечеръ не пожалуешься и Иванову нечего звать о колдунахъ рассказывать.

И Петръ Ивановичъ, держа на колѣняхъ руки, началъ своимъ успокаивающимъ голосомъ свой рассказъ.

Читалъ я въ газетахъ, какъ мальчишку какого-то, Петьку погасили: былъ на свѣтѣ Петька и вотъ не стало Петьки, хоть и живъ онъ живехонекъ, и вихры торчатъ попрежнему, а ужъ нѣтъ его—погасили!

Скажу кратко, какъ это все вышло, и что это „погасили“ такое.

У Петьки мать прачка, Марья, по стиркамъ ходитъ. Идетъ она разъ вечеромъ со стирки на Карповку къ себѣ, на квартиру, а на берегу у моста народъ, и какъ увидѣли ее, кричать: „Твоего выловили, утопъ!“ Ополоумѣла, бросилась Марья къ берегу, и видитъ, лежитъ ея Петька — примокъ весь и слинялъ мальченка: утопъ. Ну, поплакала, потужила, да видно ужъ Богъ, и похоронили мальченку, — разговаривать много не будутъ, живо схоронять. А такъ дня черезъ три къ ночи и является домой самъ Петька,—экій, сбѣжалъ на тотъ свѣтъ за счастьемъ, искалъ себѣ счастья, да вернулся! Но тутъ-то и начинается Петькина мука. Повела его Марья къ сапожнику, по сапожному мастерству думала опредѣлить мальченку, и сапожникъ ничего, принять Петьку не отказывается, только давай метрику. Марья къ дьякону, а дьяконъ ужъ отмѣтилъ въ церковной книгѣ, что Петька померъ, и никакой метрики выдать не можетъ. „Я,—говорить,—его погасилъ!“ Такъ и погасили мальчишку и ходу ему никакого.

Про эту исторію я какъ вычиталъ въ газетѣ и очень тогда меня растрогало все, и я себѣ все представлялъ этого бродячаго погашеннаго Петьку среди насъ горящихъ, и мнѣ очень было его жалко. Потомъ я позабылъ о Петькѣ, другое жалѣлъ, о другомъ думалъ, и вотъ вспомнилъ... А вспомнилъ я Петьку и всю его жалостную повѣсть при обстоятельствахъ самыхъ плачевныхъ—въ жандармской комнатѣ, въ дежурной, на нашей границѣ.

Возвращался я домой въ Россію изъ путешествій. Въ первый разъ я былъ за границей, и немалого труда стоило мнѣ за рубежъ переѣхать—въ Петербургѣ у меня не оберешься дѣла!—но жалѣть не пожалѣлъ, отъ всего не нашего былъ я тогда въ восхищеніи, все мнѣ казалось тамъ и бѣло, и хорошо, и благодатно, вѣдь это ужъ потомъ, много спустя, я ихъ грязизищу-то вотъ какъ черпанулъ, въ обѣ горсти...

Долженъ сказать, народъ правильный и, конечно, какъ старшихъ, есть за что и уважать и благодарить ихъ—какую крѣпкую церковь построили они себѣ каменную, воистину: врата адовы не одолѣютъ ее, прямо по колокольчику доведеть до вратъ небесныхъ! а какіе мудрецы жили на ихъ землѣ и подвижники, воистину: свѣтъ неизреченный ѿ а в о р с к і й въ явь видѣли! да и въ обиходѣ житейскомъ чего только ими ни повыдумано, ну, клопа, скажемъ, нашѣго доморощеннаго воздухомъ у себя вывели, развѣ что такъ послѣдыши остались, въ Парижѣ живутъ, и мужикъ у нихъ съ голоду не пухнетъ, развѣ что такъ... а трудятся по лошадиному и не безъ проку—конечно, что говорить, есть за что уважать!

Но впервые-то, увидѣвъ у нихъ только одну бѣлизну, одну чистоту, одну благодать, я былъ отъ всего въ большомъ восхищеніи и все-таки съ неменьшимъ восхищеніемъ подѣзжалъ я къ нашей землѣ: ну, какая ни есть, а своя, и пусть мы раздорны и разбродны и дураки набитые—выгоды своей частенько, хоть и подъ носомъ она, вовсе не замѣчаемъ, мимо премъ, и обойти насъ не такъ ужъ трудно, пускай все это вѣрно, не ложь, но, Господи, Троица наша

съ татаръ неколебимо стоить, и старцы по лѣсамъ еще не перевелись, тоже ѳаворскіе, и баня у насъ есть, а порядку... ну, порядку и мы научиться можемъ, безобразничать-то и нынче не очень ловко становится, и не такъ ужъ мы всѣ лѣнны, какъ сами о себѣ на весь міръ протрубили, а что если мы въ вагонъ за часъ забираемся, то, ей Богу, это вездѣ, это и въ самыхъ первыхъ городахъ ихъ, все равно, какъ и вездѣ, поѣзда опаздываютъ!

Съ нетерпѣливымъ чувствомъ подѣзжалъ я къ границѣ, къ дорогой Россіи нашей, лучше которой на всемъ свѣтѣ ничего для меня не было.

Осмотрѣли мои чемоданы — недозволеннаго я ничего не везъ, правда, много у меня было ненужнаго, да ненужное въ расчетъ не берется, и паспортъ мнѣ выдали.

Взялъ я билетъ, сдалъ багажъ и сѣлъ чай пить,—до горячаго чаю охота большая была: конечно, тамъ хорошо, тамъ все хорошо, да только чай-то теплый подаютъ, и никакъ, никакимъ словомъ не вдолбишь имъ, что теплаго этого и даромъ тебѣ не надо,—сiju за столикомъ, пью чай горячій, и такое благодущіе нашло, чувствую, распариваюсь весь,—эхъ, и кипяткоъ же крутой!

Такъ пріятно и часъ прошелъ. Минуть за двадцать до звонка расплатился я за чай, хожу по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мои чемоданы смотрѣли, хожу такъ—сейчасъ, думаю, и! покачу—покачу по родимой землицѣ!

— Вы Баукинъ Петръ Ивановичъ? — имя и отчество и фамилію мою называютъ, жандармъ называетъ, и откуда взялся такой, одинъ Богъ вѣсть.

— Я,—говорю,—самый.

А онъ рукой мнѣ такъ—дорогу показываетъ:

— Въ дежурную пожалуйста, ротмистръ васъ проситъ!—а самъ огромный, поперекъ возьметъ, переломитъ, вотъ какой.

А ротмистръ, вижу, торопливо такъ проскочилъ, телеграммой помахиваетъ. Увѣренно иду, знаю, ничего за мной нѣтъ такого, чтобы что-нибудь. И пришелъ я въ дежурную, и тотъ жандармъ великій со мной. А тамъ, въ дежурной,

ихъ великихъ такихъ штукъ пять стоитъ, а комнатенка тѣснѣй и не придумаешь—какъ сталъ, такъ и стой.

Тутъ подошелъ и ротмистръ.

Мой жандармъ на меня ему:

— Вотъ они,—говорить,—которые по телеграфу.

Смотрить на меня ротмистръ—молодой еще человѣкъ и чистенько такъ одѣтъ.

— Вы,—говорить,—Петръ Ивановичъ Баукинъ?

— Я,—говорю,—я самый.

— А чѣмъ,—говорить,—вы докажете, что вы самый Петръ Ивановичъ Баукинъ и есть?

— Какъ,—говорю,—чѣмъ, да вотъ же паспортъ, сами же вы его только-что мнѣ выдали!—да скорѣе въ карманъ за паспортъ, паспортъ ташу.

А ротмистръ у меня изъ рукъ паспортъ мой взялъ, повертѣлъ его, повертѣлъ, да жандарму тому великому, не глядя, и сунулъ.

Стоимъ другъ противъ дружки, смотримъ другъ на друга, ничего я не понимаю и какъ понимать, не придумаю, а вижу, что онъ-то понимаетъ что-то.

— Такъ чѣмъ же вы докажете, что вы и есть Петръ Ивановичъ Баукинъ?

Стоимъ, смотримъ.

Тутъ-то вотъ и вспомнилъ я Петьку, вспомнилъ, какъ погасили мальчишку, и подлинно, душа у меня въ сапоги ушла, и ужъ что отвѣтить и самъ не знаю: ѣхалъ я за границу такимъ-то,—и мысленно называю себѣ имя и отчество и фамилію свою,—а вернулся и ужъ не такой,—и мысленно опять называю себѣ имя и отчество и фамилію свою,—былъ Петръ Ивановичъ Баукинъ, и погасили!—стою, душа въ сапогахъ, и нѣтъ на языкъ слова.

А ротмистръ знай свое:

— Докажите и докажете, что вы Петръ Ивановичъ!

И, должно быть, видъ у меня былъ жалости подобный,—еще бы, когда тебя не признаютъ за тебя, а ты самъ и есть живой налицо!—и это вотъ понялъ ротмистръ.

— Можетъ, васъ тутъ знаетъ кто?—спросилъ ротмистръ.

А кому тутъ знать!.. и вдругъ вспоминаю, видѣлъ, въ буфетѣ, и какъ-разъ противъ меня за столикомъ сидѣлъ, тоже чай пилъ и тоже, какъ я, распаривался, благодушно, актеръ одинъ, „всей Россіи извѣстный“ комикъ Лалаевъ, и самъ ротмистръ подходилъ къ нему разговаривать...

— Пойдите, — говорю, — есть, сидитъ тутъ въ буфетѣ актеръ, всей Россіи извѣстный, Лалаевъ!

— Лалаевъ! Сидитъ, какъ же!—и ротмистръ не безъ удовольствія повторилъ фамилію актера,—Лалаевъ!

— Этотъ актеръ Лалаевъ, — хватаюсь я за послѣднюю, только съ перепугу и возможную, соломинку,—этотъ актеръ, человѣкъ образованный, онъ что-нибудь, можетъ, слышалъ обо мнѣ... изъ газетъ или читалъ...

Ротмистръ необыкновенно готовно вышелъ справиться обо мнѣ въ буфетъ къ актеру. А я остался одинъ съ моими богатырями въ дежурной, въ клѣтушкѣ; признаюсь, и посмотрѣть на нихъ мнѣ было страшно.

Что-то очень ужъ скоро вернулся ротмистръ.

— Нѣтъ, не слыхалъ, не знаетъ!—ротмистръ только пожималъ плечами.

„Ну, значить,—думаю,—погасили!“

И ужъ что прочиталъ ротмистръ на лицѣ у меня, на погашенномъ, одному Богу извѣстно, только сказалъ онъ мнѣ какъ-то совсѣмъ по-другому, совсѣмъ не такъ, какъ встрѣтилъ.

— По телеграфу васъ задержать велѣно, — сказалъ ротмистръ,—вотъ и карточка ваша!—да карточку мнѣ прямо къ носу.

И какъ глянулъ я на карточку, такъ не то, что въ сапоги, а изъ сапогъ ужъ вотъ-вотъ душа выскочить: поразительно, моя! я—вылитый, я! ну, все, и глаза и носъ и даже шляпа, ну, съ меня, съ меня самого! а вмѣстѣ съ тѣмъ что-то, не могу уловить что, а не мое, нѣтъ, не я! И вижу, не я, а въ чемъ дѣло, не догадываюсь.

И долго бы мнѣ такъ въ догадкахъ мучиться, одно спасло—наитіе Божіе.

Снялъ я шляпу, да себя за ухо: то за одно, то за другое...

— Уши,—говорю,—видите, уши-то видите? — а самъ все тяну, то за одно, то за другое,—не мои!

Тутъ и ротмистръ нагнулъ къ ушамъ и всѣ богатыри съ нимъ—и откуда такой народъ подбирается рослый!—всѣ богатыри съ нимъ уши мои провѣрятъ: посмотреть на карточку—и на меня и опять на карточку—и на меня.

— Ошибка! — услышалъ я, ротмистръ сказалъ, — уши не ваши, совершенно вѣрно! — и я почувствовалъ, какъ въ рукахъ у меня очутился паспортъ, ротмистръ въ руку его мнѣ сунулъ.

До вагона дошелъ я безъ шляпы: въ одной рукѣ шляпа, въ другой паспортъ. До вагона провожалъ меня ротмистръ, и ужъ пріятелями мы простились: съ нимъ тоже разъ было, это онъ мнѣ дорогой рассказывалъ, тоже случай, чуть разъ не погасили...

Три кукушки одна за другой прокуковали полночь — въ ледяной избушкѣ, въ лубяной избушкѣ и въ пировыхъ палатахъ. Оставалось только посошекъ, да и по домамъ — въ путь добрую.

И на загладку обнесъ насъ хозяинъ пряникомъ, — заглядишься: ну, какъ сливки густыя самыя, такой на видъ пряникъ, и конь на немъ въ упряжи вскачь несется, везетъ телѣгу, изъ Городца пряникъ, городецкій, а раскусить не то что тамъ зубомъ, не возьметъ и зубило!—а надпись: берегиса.

1907—1913 гг.

КУЗОВОКЪ.

ЗА КРѢПКОЙ ЦѢПЬЮ.

Вотъ и опять я на вышкѣ затворился подъ трубою дымной и копотной, туго наложилъ цѣпь на мою сѣнную дверь: кому надо, знаетъ, а кому такъ, пусть шатунъ на меня не посердится.

Моли-то развелось! Летить по комнатѣ, какъ бабочка, впору хоть сосѣда звать! А есть сосѣдъ у насъ, кумъ мой, добрѣйшей души, моли въ дому никакъ у себя не травить, не выводить и злыя яйца ея червяковыя, и варомъ не варить и не прыскаетъ и не душитъ ничѣмъ, а обзавелся сачкомъ, да картузь завелъ себѣ съ козырькомъ зеленымъ, и какъ со службы придетъ, пообѣдаетъ и первымъ дѣломъ— картузишко этотъ на голову, сачекъ въ руку, и до поту ловить моль сачкомъ, что бабочку. Шутникъ одинъ сулилъ ему: „Набери, — говоритъ, — тысячу, будетъ тебѣ ваза съ китайцами!“ А ему, куму-то, добрѣйшей души, охота страсть, чтобы бесѣдки были китайскія на вазѣ написаны, ну, и трудится, и какое терпѣніе: всякую молилку на тоненькую булавочку понасадить и у всякой крылышки ея тлиныя расправлять, въ лѣтѣ, будто, моль есть.

Нѣтъ, не позову я и кума, сосѣда моего, правду скажу, въ жизнь отъ него я себѣ не видѣлъ зла, вмѣстѣ и самоваровъ много повыпили, и отъ писанія бесѣдовали, и о построеніи новаго града передавалъ онъ мнѣ свое завѣтное

заповѣдное провѣдываніе и хитрое, и въ немощи не разъ посѣщаль меня, нѣтъ, останусь-ка, посижу я одинъ, и пусть моль летить, не помѣха мнѣ.

Оглянулъ я мою комнату,—все по старому, попрежнему, на бѣлой стѣнкѣ образа стоятъ старые, родительскіе. Я поправилъ вербу за образомъ, затеплил лампадку, постоялъ, подумалъ...

Между оконъ по стѣнѣ игрушки, живыя на меня смотрѣли игрушки, и какія важныя!—заяцъ ухо оттопыриваль, лютый звѣрь ершилъ свои сѣдыя брови, а лисица носомъ такъ и крутила своимъ лисьимъ, однѣ ноздри чернѣлись,—о, лись хитрый, и умнѣйшую птицу одурачилъ, а меня и Богъ велѣлъ!

— Мы тебѣ не докука, мы тебя всѣ ожидали!—голосомъ заговорили ко мнѣ игрушки.

— Милыя игрушки мои, чудаки чудаковые, спасибо вамъ! А чѣмъ же мы нашъ вечеръ скоротаемъ, нынче намъ никто не помѣшаетъ! Или рассказать вамъ, куда носилъ меня вѣтеръ, кого встрѣчалъ по дорогѣ, и что я думалъ и какія бѣды были и не-бѣды были, я съ вами хочу побыть, игрушки.

— А мы тебѣ кузовокъ набрали, —голосомъ сказали игрушки.

И куринасъ-звѣрь, легкій и быстрый, у нихъ мудрецъ первый, подаетъ мнѣ въ лапкахъ кузовокъ полный:

— Это тебѣ на сонъ грядущій.

Потрепалъ я куринаса, его шаршавую лапку погладилъ,—ой, какой онъ прелестный!—поставилъ кузовокъ на столъ, ну, ладно, будемъ разбирать, что тутъ такое...

КОНЬ-ИГРЕНЬ.

Мчится конь-игрень огромный, бѣгъ его такъ быстръ и летучъ—не разгибаются, подогнуты колѣни, квадратомъ шея, хвостъ трубой, мчится конь, злая лошадь. Со страху я присѣлъ за дерево, смотрю.

И конь промчался.

На лугу пасется стадо, посреди стада быкъ стоитъ: рога его до неба, и голова и грудь покрыли поле, а задняя часть, хвостъ и ноги маленькія, такъ ножки. И вижу я, бросился конь на быка, и они долго бились, и конь не могъ одолѣть быка.

И еще легче помчался конь.

Вхожу я въ озеро. Не тихо озеро, вода колеблется. Тина, водоросли, лягушки, высокая осока, — едва до берега добрался. И вижу я, мчится конь, обѣжалъ конь озеро и мчится, и прямо на меня.

И вдругъ конь обратился въ великана, и великанъ ужасный сталъ передо мной.

Я вынулъ изъ кармана игрушечный маленькій паровозъ и выстрѣлилъ, какъ изъ пистолета.

И ушелъ великанъ въ землю до самыхъ глазъ — только половина глазъ видна была изъ-подъ земли. И я видѣлъ,

какъ по каменной лѣстницѣ вышли изъ озера [семеро:] и лица ихъ были суровы и сами они сухи и крѣпки и бѣлы, какъ рыба кость. Они подошли къ великану, плотно кольцомъ окружили великана, и не знаю, вытащить ли его изъ-подъ земли хотѣли, или мѣтили и совсѣмъ заколотить его въ землю.

Семеро въ одинъ голосъ сказали...

2.

ЖАРЕННЫЙ ЛЕВЪ.

Убѣгалъ я отъ львовъ, ихъ цѣлая стая гналась за мной, а за львами народъ бѣжалъ съ вилами: хотѣли львовъ поймать. Я бѣгу, а самъ думаю, ужъ теперь-то мнѣ конецъ пришелъ! А львы погоню почуяли, да кто куда—всѣ разбѣжались, и остался всего одинъ левъ.

И вотъ нагнали льва, — и небывалое дѣло: зацѣпять вилами, а сдерется не кожа, навозъ отпадаетъ! Бились, бились, да какъ набросятся грудой,—и кончили льва.

А когда вилами зацѣпили льву голову, оказалось, что левъ—жареный.

3.

ПО МОРЮ, ПО ЦВѢТАМЪ БѢЛЫМЪ.

По морю плыли мы на пароходѣ. И чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ море все мельчало и совсѣмъ ушло.

Пересѣли мы въ экипажи и поѣхали по дну. Ёдемъ,— все цвѣты по дорогѣ. И чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ гуще цвѣты, все дно покрыто, цвѣты безъ стеблей бѣлые. И я вижу, вдали синѣетъ море — большія волны, и видно, какъ море все ближе, море ужъ близко,—между цвѣтами бѣжить вода.

Тогда на экипажи поставили мачты и мы полѣзли на мачты.

ЦЕРКОВКА-КОРОБОЧКА.

Въ какомъ-то изъ старыхъ нашихъ русскихъ городовъ... Я вхожу въ церковь за службу, народу много. А у стѣны съ лѣсовъ—обновляютъ церковь—хващается маляръ:

— Смотрите, — говорить, — какъ я икону пишу, а отецъ мой еще и лучше писалъ!

Заломилъ я голову, пялю глаза, а ничего не видно, только маляра вижу,—рыжій, веснучатый такой, и я полѣзъ на колокольню.

А на колокольнѣ подъ колоколами все коробочки лежать, — много ихъ всякихъ коробочекъ, и одна такая коробочка — въ ней тридцать коробочекъ, какъ соты, такія маленькія граненыя, и на крышкѣ у коробочки церковка нарисована.

Разсматриваю я церковку—старая, старая такая, наша. И вдругъ все разрушилось.—распались стѣнки, стиснулось донышко и соскочила церковка, стала трухлявой и сдунулась пепломъ.

5.

ПЕСОЧНОЕ СУКНО.

Все по какимъ-то горамъ мы ѣздили въ высокихъ тяжелыхъ телѣгахъ, полны телѣги краснымъ пескомъ насыпаны. Везли мы песокъ къ деревнѣ. А у околицы насъ бабы встрѣчаютъ:

— Это,—говорятъ,—изъ этого песку мы сукно ткемъ!

ЗАБЛУДНЫЙ ПОПЪ.

Полею я шелъ, на горизонтъ безлучно въ туманъ, какъ огромный мѣдный быкъ, стояло солнце. И увидѣлъ я, на дорогѣ часовенка, такая ветхая, погнулась вся.

Идетъ мнѣ навстрѣчу какой-то, сразу и не разобрать кто,—попъ, думаю, батюшка. И даю ему свѣчей.

— Вотъ,—говорю,—батюшка, купилъ я свѣчи, поставьте о здравіи.

А онъ взялъ мои свѣчи, да всѣ о колѣнку и переломалъ, и ставитъ какіе-то подсвѣчники маленькіе, круглые. И тутъ я замѣчаю, что сию я на крышѣ, на часовенкѣ, и попъ со мной тоже на крышѣ, и попъ совсѣмъ голый. И вижу я, какъ двѣ женщины спускаются по лѣстницѣ съ крыши.

Попъ подмигнулъ, волосатый такой, грязный:

— Блудницы идутъ!—и весь багровый, затрясся.

А на горизонтъ безлучно, какъ огромный мѣдный быкъ, стояло солнце.

ПСО-КУРЪ.

Сидѣлъ я въ гостяхъ у моей тетки, дома ея самой не было, однѣ двоюродныя мои сестры. И вотъ открывается дверь и входятъ какіе-то черноволосые, черные, пять человѣкъ, а лица синія у нихъ, и я понимаю, что они за мной пришли, а самъ говорю.

— Тетки дома нѣтъ.

— Мы ее дождемся!—говорятъ черные—лица синія, и такъ разсаживаются по комнатѣ, чтобы мнѣ ходъ загородить.

А я себѣ тихонько другой дверью и вышелъ изъ дому, бѣгу въ садъ. Смотрю, а въ саду капельмейстеръ на лавочкѣ сидитъ. Ну, слава Богу!—я къ нему, подсаживаюсь на лавочку.

И вотъ откуда ни возьмись курица, курица самая настоящая, а голова песья,—и хочетъ песь на колѣни ко мнѣ вскочить, а курица не даетъ, скользить, лапками отбивается.

Я всталъ и пошелъ садомъ, иду по дорожкѣ, не весело думаю. И выскочили на меня изъ-за кустовъ двѣ свиньи, такъ навстрѣчу мнѣ и бросились, прижались мордами къ землѣ, какъ собаки, когда собаки играютъ. И я безъ оглядки пустился бѣжать.

ТРИ УТОПЛЕННИКА.

На берегу три утопленника, только-что изъ воды ихъ выловили, съ открытыми глазами, синіе. А надъ утопленниками мать моя молится. И подходитъ къ намъ какой-то красный весь, видно, боится, страшно ему, вынимаетъ перочинный ножикъ, потомъ закурилъ папироску, нагнулся и ножомъ глаза сталъ у утопленниковъ подрѣзывать. И одному подрѣзалъ, и у того закрылись вѣки. Такъ и покончилъ.

А я ему платокъ надушенный подаю, — не беретъ, и опять за свое принялся: и другому и третьему утопленнику подрѣзалъ глаза, и вѣки закрылись у нихъ.

И вдругъ поблѣднѣлъ весь, отошелъ въ сторонку...

ВПОТЬМАХЪ.

Въ комнатѣ ночью электричество горить. Мы сидимъ съ сестрой въ нашей комнатѣ, и кромѣ насъ двоихъ нѣтъ никого въ комнатѣ. И одинокость и тоска одинокости давятъ насъ: вотъ мы вдвоемъ, мы—такіе, она и я!

И вдругъ электричество погасло. И стала такая тьма въ комнатѣ, совсѣмъ темно. Молча сидѣли мы въ комнатѣ одни впотьмахъ, и только чуть-чуть свѣтъ съ улицы намѣчалъ окно.

Я окликнулъ ее, но отвѣта нѣтъ. И ужъ кричу ей, зову, а отвѣта нѣтъ. Нѣтъ мнѣ отвѣта, и я схватилъ ее за плечо, и тотчасъ отдернулъ руку: я почувствовалъ ясно, что она не слышитъ моихъ рукъ. И ужъ не зналъ, дѣлать мнѣ что, я со стула на полъ стащилъ ее, и одна мысль, только бы оживить, только бы спасти! И я приподнялъ ее за плечи, крѣпко такъ стиснулъ, да головой ее объ полъ, такъ объ полъ разъ за разомъ. А на сердцѣ морозъ.

ТУФЕЛЬНИКЪ.

Когда бы я ни проснулся, всякое утро онъ сидитъ въ моей туфлѣ: въ родѣ онъ крысы, только на немъ шерсти нѣтъ, одни волосики по голому, да рѣдкіе и длинные. Проснулся я, а онъ такъ и бѣгаетъ, да скоро такъ—то въ одну сторону и назадъ, то наискокъ какъ-то, очень забеспокоился: видитъ, проснулся я, а туфли нѣтъ, сидѣть-то ему негдѣ.

И ужъ не знаю я, какъ мнѣ разстаться съ нимъ, нѣтъ, не продамъ я его,—а нашелся одинъ, тотъ же сосѣдъ мой, кумъ, пріятель, проситъ продать его. Ну, и какъ же разстаться намъ: вотъ, наконецъ, отыскалъ онъ туфлю, вотъ онъ усѣлся, сидитъ и смотреть—караулитъ меня, мои утреннія горькія думы, облѣзлый весь, жалкій, съ рѣдкими длинными волосками, такой мой, жалкій!

И вдругъ я понялъ, что кумъ-то, пріятель, скоро съ ума сойдетъ.

ПРОСТОКВАША.

Я въ любимомъ моемъ Нюрнбергѣ. Я по всѣмъ по ихъ церквамъ походилъ и въ ихъ источникъ золотой изъ кружки воду капаль—на седьмой каплѣ до дна досталъ! И заскучаль смертельно, очень мнѣ домой захотѣлось, въ Россію. Сѣлъ я на дерево, чтобы ѣхать, а дерево подломилось, и я очутился въ кровати.

И упалъ мой кошелекъ съ деньгами. И не могу я поднять его и говорю:

— Подымите, пожалуйста!

А мнѣ отвѣчаютъ:

— Мы еще посмотримъ, что тамъ у васъ, — и подають вмѣсто кошелька простоквашу.

Я взялъ банку съ простоквашей и одно себѣ думаю:

„Экіе жулики!“—а сказать ничего не могу.

КАМЕНЩИКЪ.

Я шатался гдѣ-то въ Парижѣ на какомъ-то гуляньѣ, надоѣло мнѣ, и пошелъ я домой. А шелъ я по досчатому мосту черезъ рѣку—рѣка бурливая, Мста-рѣка, не Сена, и мостъ безъ периль. И до конца прошелъ я мостъ, но почему-то повернулъ назадъ. И еще было страшнѣе итти: не Мста-рѣка бурливая, самъ Океанъ лапландскій—волны такъ и хлещутъ, а ноги скользять, вотъ-вотъ сковырнешься въ воду. Такъ съ грѣхомъ пополамъ я прошелъ весь мостъ и вышелъ къ крутой горѣ.

На горѣ соборъ бѣлый стоитъ, а внизу, подъ горой, камни навалены огромные, бѣлые, камень на камнѣ, и тутъ же рабочихъ много: кто съ молоткомъ, кто съ долотомъ. И слышу, одинъ бородатый заговорилъ по-русски. И я подумалъ:

„Въ Парижѣ нынче и каменщикъ русскій!“

ПТИЧКА.

Прилежъ я на диванъ и вижу, около книжныхъ полокъ птичка вьется. Я такъ ей обрадовался и говорю:

— Здравствуй, моя птиченька!—тянусь рукой, ловлю.

И поймалъ, — такая горячая, и носикомъ дергаетъ такъ, словно ищетъ, и сердечко стучить. Да порхъ! — выпорхнула птичка и прямо въ окошко.

Я поднялся съ дивана къ шкапу—шкапъ рядомъ, у окна, и вотъ точно толкнулъ меня кто, я обернулся, а тамъ, на диванѣ, гдѣ лежалъ я, дыра чернѣется, я—къ дырѣ, нагнулся посмотрѣть и въ дыру полетѣлъ.

ПО ЛѢСТНИЦѢ.

Въ новый неизвѣстный мнѣ городъ трясусь я съ чемоданами на извозчикѣ. Говорили, будто очень близко, совсѣмъ тутъ, рукой подать, а оказалось, сколько ни ѣду, а города нѣтъ. И подѣхали мы, наконецъ, къ рѣкѣ и извозчикъ мой остановился, дальше ѣхать не хочетъ. А городъ тамъ, за рѣкою, и хочешь-не-хочешь, а перебираться надо. Вывалилъ извозчикъ чемоданы, а самъ уѣхалъ. И остался я съ моей тяжелой кладью одинъ на волю Божью.

Моста никакого, а стоятъ стремянки-лѣстницы по-парно, одна къ другой спинкой: по одной лѣстницѣ подымайся, а съ другой спустишься и опять подымайся, пока не пройдешь всю рѣку. И это бы ничего, помириться можно, да между лѣстницами проваль,—и какъ взберешься, изволь прыгать, перепрыгнешь, и тогда ужъ спускайся. И это бы куда ни шло, будь я одинъ, одному кое-какъ еще можно, а вѣдь у меня на рукахъ вотъ сколько—чемодановъ этихъ! И все-таки перебираться черезъ рѣку я долженъ и вотъ я лѣзу и прыгаю: перепрыгну, переведу духъ и спускаюсь и снова лѣзу и снова прыгаю...

А рѣка, какъ подъ Костромою Волга, широкая.

НЕ-Я.

И опять я лежу на диванѣ, но ужъ въ столовой: диванъ очень широкій и никакой обивки, прямо доски однѣ. Я лежу на диванѣ на самомъ кончикѣ на правомъ боку спиною къ стѣнѣ, а за мной еще кто-то лежитъ, я его не вижу, обернуться боюсь, и онъ не теплый и не холодный, онъ только очень большой, а зовутъ не-я.

— Не-я!—это онъ дышетъ мнѣ въ уши,—не-я!

И я вижу, какъ на потолокъ появляются огненные шары, и слѣжу, что будетъ. А шары подержались подъ потолкомъ, подрожали и пустились летать по комнатѣ. И я извелся весь, слѣдя за ними, а ихъ все больше надувалось подъ потолкомъ и, продрожавъ сколько, они срывались и летали по комнатѣ.

Потомъ всѣ до одного шары померкли и въ комнату вошелъ какой-то, я не знаю кто и какъ вошелъ онъ, и прямо за обои—у обѣденнаго стола куски обоевъ лежали, оклеивать столовую собирались, голубые такіе обои—и этотъ самый ихъ ѣсть сталъ и всѣ съѣлъ и, какіе обрывышки валялись, все подобралъ чисто. А я на пруду очутился, — тамъ снѣгъ лежитъ, бѣлый, глубокій, а изъ-подъ снѣга кусты барбариса, и на кустахъ большія барбарисныя вѣточки висятъ.

И говорить кто-то, дуетъ мнѣ въ уши, называетъ улицу
сосѣдную и домъ...

— № 6 кв. 10. Не-я.

У ХВОСТА ЛОШАДИНАГО.

Купилъ я себѣ почтовой бумаги въ Гостиномъ, а конвертовъ забылъ.

„Вернуться, — думаю, — надо, а то у насъ всѣ конверты вышли, писать не на чемъ!

Подходитъ нищій—голова круглая и безъ волосъ, а вмѣсто ушей тоненькія красныя ручки торчатъ. Я къ магазину назадъ, а магазина-то и не найти, не могу я магазина найти, да и только. И наѣхала на меня лошадь — телѣжка, камни да песокъ возятъ въ которыхъ, я скорѣе за край ухватился,—ну, думаю, продержусь какъ-нибудь!—а тутъ и еще старуха, какъ я, подмятая, старуха какая-то тоже цапается.

И опрокинулась телѣжка, и очутился я у хвоста.

— Бога ради! — кричу, — остановитесь! — и отъ перепуга перевертываюсь и ужъ терпѣливо тащусь, за хвостомъ слѣжу.

И долго такъ ѣхалъ и наконецъ-то, наконецъ стала лошадь.

И что же: обыкновенный извозчикъ, а я въ пролеткѣ сажу, и вокругъ меня все свертки, такъ горой навалены,—извозчикъ-то, оказалось, заснулъ и лошадь по волѣ ѣхала.

ДОМОВЫЕ.

У писателя Б., нашего поэта петербургскаго, квартира въ пять комнатъ, и двѣ изъ нихъ заперты, потому что туда мебели не хватило. А изъ остальныхъ двѣ комнаты, каждая, не меньше залы Дворянскаго собранія, — обои розовые, въ одномъ мѣстѣ оторванъ цѣлый кусокъ виситъ, стоятъ всегда незаперты, и только послѣдняя комната запирается, — къ ней длинный-предлинный коридоръ ведетъ, и весь коридоръ уставленъ буфетами.

„Вотъ у него сколько буфетныхъ шкаповъ, — подумалъ я, — а у насъ и одного нѣтъ!“ — и вхожу въ послѣднюю, въ самую большую комнату.

Встрѣчаетъ меня самъ хозяинъ, а я и говорю ему:

— Зачѣмъ вамъ пять комнатъ, когда двѣ у васъ заперты?

— А видите ли, — говоритъ хозяинъ, — когда такая большая квартира, то изъ кухни ничего не слышно.

И правда, куда ужъ и что тамъ услышишь, квартира не маленькая, а эта послѣдняя комната еще больше тѣхъ двухъ розовыхъ — двухъ залъ Дворянскаго собранія, обои синіе и всякія украшенія на потолкѣ: и гады и птицы и чего-чего нѣтъ; огромный буфетъ полстѣны занялъ — съ одной стороны

цѣльный, съ другой двухъярусный, и рояль зеленый пепелесый къ стѣнѣ привинчанъ, ножками не достаетъ пола.

„И какъ же это на такомъ роялѣ играть, когда не достаетъ до полу?“—подумалъ я.

И когда я такъ подумалъ, въ комнатѣ появился какой-то въ бѣломъ, бѣлокурый съ синими глазами, усѣлся за рояль и, не сводя съ меня синихъ своихъ глазъ, заигралъ на роялѣ. А когда онъ игралъ, еще четверо такихъ же, какъ онъ, двойниковъ его, въ бѣломъ съ синими глазами появились въ комнатѣ, они взялись за руки, и меня взяли и закружились. И кружились все быстрѣй и быстрѣй.

Мы кружились, мы летали, и я видѣлъ, какъ я летаю надъ роялемъ.

И кто-то говорить, дуетъ мнѣ на ухо:

— Слушай, слышишь, это—домовые!

КОНЕЦЪ ВЕРЕВКИ.

Положилъ я на сковородку тарелку, на тарелку поставилъ стаканъ въ подстаканникъ и пошелъ на старый Курскій вокзалъ къ Николѣ Кобыльскому.

На вокзалѣ старуха-баба стоитъ въ панёвѣ и тутъ же артельщики шныряютъ, тюки переносятъ. И уронилъ какой-то свой тюкъ тяжелый и придавилъ тюкомъ старуху. И полна набралась зала бабъ такихъ, какъ старуха, въ панёвахъ, бабы бѣгали и перебѣгали безпокойно, словно вспрыснутые тараканы.

Я взялъ свой стаканъ, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ, я поѣхалъ по Садовой, по Земляному валу къ Таганкѣ.

Впятеромъ намъ на извозчикѣ и тѣсно и неудобно: насъ пятеро ѣдетъ—знакомый одинъ нашъ съ женой и съ двумя дѣтьми, да я — и стаканъ еще этотъ у меня въ рукахъ, стаканъ держу, не выронить бы какъ. И вѣтряно и дождь моросить. Знакомый нашъ у Пяти угловъ соскочилъ, — я ясно вижу Пять угловъ, и Владимирскую церковь вижу, — а мнѣ надо на Пушкинскую. Я и поѣхалъ, да какъ-то безпокойно стало, соскочилъ я съ извозчика, и не узнаю, не понимаю, куда попалъ. И вдругъ догадываюсь, что я въ Москвѣ у Высокаго моста на Земляномъ валу у дома Найденовыхъ.

„Но какъ же такъ, я и Пять угловъ видѣлъ и Владимирскую церковь видѣлъ?“—и хочу я дознаться, а объяснить никакъ не могу.

Мнѣ даютъ конецъ веревки, я долженъ эту веревку, этотъ конецъ, не раскручивая, разорвать. А веревка тугая, крѣпкая и совсѣмъ мнѣ не подъ силу,—канать. И знаю я, что не сладить мнѣ, и берусь за конецъ—и тереблю и тяну и рву его. И вдругъ вспоминаю, что ужъ однажды со мною было такъ, въ дѣтствѣ когда-то. И еще упорнѣй налегаю на упорный конецъ—не поддается веревка, я изъ силъ выбиваюсь и отчего-то духъ во мнѣ играетъ, и кажется, я никогда не отстану и до смерти не сдамся.

ПОРТФЕЛЬ.

Временно живутъ у насъ какія-то гимназистки, онѣ парами приходятъ изъ гимназіи въ нашъ домъ, онѣ и обѣдаютъ у насъ и учатъ уроки. Онѣ учатъ уроки всѣ вмѣстѣ по одной книжкѣ въ алой папкѣ, а всѣхъ ихъ живетъ у насъ душъ двѣнадцать.

Мнѣ зачѣмъ-то понадобилась эта ихъ книга въ алой папкѣ, — не то я спрашивать ихъ долженъ, репетировать, не то изъ любопытства, что онѣ тамъ учатъ въ своей книгѣ алой. Но попросить себѣ эту книгу почему-то мнѣ у нихъ неудобно, и я взялъ мой портфель и пошелъ на Невскій.

Я шелъ по 2-ой Рождественской, было слякотно и до колѣнъ я успѣлъ загрязниться. На тротуарѣ толкались какіе-то реалисты съ лысыми ранцами и одинъ изъ нихъ полетѣлъ. Я обошелъ ихъ, и, когда ступилъ на тротуаръ, поскользнулся и тоже полетѣлъ. И я слышалъ, какъ сзади захохотали, это надо мной смѣялись, но я не обернулся и шелъ дальше, никуда не смотрѣлъ, ни подъ ноги себѣ, ни по сторонамъ, что-то беспокоило меня.

Такъ я и шелъ, пока не очутился на Николаевскомъ вокзалѣ на какой-то 10-ой вологодской платформѣ. И тутъ начались мои мытарства: подойду къ одному выходу, говорятъ, —

тутъ не проходятъ, подойду къ другому: заперто. Подошелъ, наконецъ, къ какому-то подвалу, думаю, тутъ-то ужъ, навѣрно, есть выходъ, и иду.

— Вы куда?

— На Невскій.

— Тутъ въ Ялту!—и опять хохотъ, какъ тѣ реалисты, надо мной смѣются.

И такъ я долго плуталъ по вокзалу и насилу-то выбрался. И такихъ, какъ я, плутавшихъ, видно, не мало было. Насъ черезъ залу проходить порядочно, идемъ мы тѣсно, плечо въ плечо.

Около иконы у аналая лежитъ на полу старикъ, на одной рукѣ у него мальчикъ, на другой дѣвочка, сынъ и дочь, оба маленькіе. И старикъ ихъ къ себѣ на грудь перекидываетъ: перекинетъ, подержитъ и опять откинетъ.

Когда мы приближались къ выходу, я услышалъ:

— Старуха вышла!—сказалъ кто-то.

И я увидѣлъ, какъ изъ-подъ подсвѣчника выползла старуха вся въ красномъ.

А старикъ, перекинувъ дѣвочку, прижалъ ее къ груди и жалобно такъ сказалъ нараспѣвъ:

— Ты сосудъ соблазновъ моихъ!

И я видѣлъ, какъ старуха ударила старика и потомъ дѣвочку тяжелымъ чѣмъ-то, круглымъ.

— Убила!—сказалъ кто-то изъ толпы, и всѣ шарахнулись въ сторону, и я подался, посмотрѣть хочу, а самого дрожь такъ и бьетъ:

„Хватить,—думаю,—и меня старуха!“

А старуха на меня только посмотрѣла, недружно такъ посмотрѣла, она завязывала въ салфетку старика и дѣвочку—какіе оказались они оба маленькіе, словно какіе окуски! Завязала старуха салфетку да съ узелкомъ къ выходу. И я за ней.

— Проклятые,—шептала старуха;—проклятые вы!—и бросила у прохода, гдѣ жандармъ, свой кровавый свертокъ.

Я вышелъ на площадь и у памятника вдругъ хватился, гдѣ портфель?—не было моего портфеля, и сейчасъ же я

на 2-ую Рождественскую, къ тому самому мѣсту, гдѣ поскользнулся и полетѣлъ тогда, какъ реалистовъ обходилъ.

И увидѣлъ я свой портфель, у панели лежить, весь сапогами затертый, и я поднялъ его, раскрылъ посмотрѣть, все ли, не пропало ли чего? А тамъ—тамъ ручка торчитъ той дѣвочки алая и борода старикова запутанная, клоки запеклись. И вдругъ я почувствовалъ, что на плечи мнѣ вскочилъ кто-то, да за шею какъ...

ВЪ НОСУ.

Меня перевели внизъ. Я сижу у окна,—широкое окно, въ садъ выходитъ. Тутъ же у окна моя мать сидитъ. И входитъ въ комнату женщина, немолодая ужъ, одѣта такъ скромно, и у ней въ рукахъ два свертка. Она развернула ихъ, и въ одномъ я вижу иллюстрированныя изданія въ краскахъ, а въ другомъ горшокъ съ бѣлымъ цвѣткомъ, въ родѣ азалии бѣлой, а обернуть горшокъ въ тонкій кирпичный газъ.

— Газъ нынче очень дорогой!—говоритъ мать и подрѣзываетъ нитки на горшкѣ.

Матерія расправляется—пышный кирпичный газъ.

— Кто же это мнѣ прислалъ? — спрашиваю я женщину, которая цвѣтокъ принесла.

А она отмалчивается, вижу, не хочетъ отвѣчать.

И кто-то говоритъ, что пришелъ членъ первой Государственной Думы Ж. и спрашиваетъ, можно ли войти. Тутъ женщина, что цвѣтокъ принесла, выходитъ изъ комнаты, и я замѣчаю, что моя мать совсѣмъ neodѣта.

— Выйдите,—говорю,—на минутку, членъ первой Государственной Думы пришелъ!—и выхожу самъ.

Въ сѣняхъ толкуются какіе-то бритые, отекишіе,—за подаеніемъ, должно быть, пришли, ждутъ, и женщина та, что цвѣ-

токъ принесла, съ ними стоитъ. Ищу мелочь, чтобы на чай ей дать, а въ кошелекъ у меня одна скорлупа орѣховая. И тамъ порылся и тутъ пошарилъ, всѣ карманы вывернулъ,— нѣтъ ничего, одна скорлупа. Такъ и пошелъ.

У забора на цѣпи песь бѣлый съ желтымъ, а навстрѣчу мнѣ бульдогъ. Не залаялъ песь, а бульдогъ повилялъ хвостомъ и скрылся въ новой стройкѣ. И я вернулся домой, сѣлъ у окна — широкое окно, въ садъ выходитъ.

Членъ первой Государственной Думы, видимо, потерялъ всякое терпѣніе, — а ждалъ онъ меня наверху, — и вотъ онъ вошелъ въ комнату и ужъ не одинъ, а съ женой и съ маленькой дѣвочкой.

А я и говорю ему:

— Какъ же такъ, столько ждали вы меня и ничего не замѣтили: вы знаете, въ носу курить нельзя.

— Нельзя? — удивился мой гость, — почему же внизу не курятъ?

— Въ носу, — поправилъ я, — нельзя.

И вижу, стоитъ та женщина, что цвѣтокъ принесла, и такъ мнѣ неловко передъ ней, что ничего-то я ей на чай не далъ.

— Скажите же, — говорю, — отъ кого цвѣтокъ?

А она посмотрѣла на меня, — такъ пообѣщала, и говорить:

— Я сейчасъ, я справлюсь! — и сама такъ скоро пошла, и я за ней.

И мы очутились въ какомъ-то узенькомъ каменномъ дворикѣ, а она все идетъ и не смотритъ на меня. Потомъ за ворота вышли, и тутъ она обернулась:

— Я не могу сказать, — сказала она виновато, — они очень хорошіе, только боятся, — и ужъ не оглядываясь, пошла отъ меня, побѣжала.

Я было за ней, а потомъ подумалъ:

„Въ носу нельзя!“

НАВЕРХУ.

Наверхъ меня перевели. Наверху мнѣ дали комнату, комнaтeнкy досчатую,—къ ней лѣстница ведетъ, и очень широкая, да совсѣмъ неудобная: перила трясутся, а доски шатаются. И поставили мнѣ на столъ малюсенькую чашку чаю, такъ, съ наперстокъ.

— Пей,—говорятъ, до отвалу!—и комнату заперли.

А я себѣ думаю:

„Ну и спасибо, сами кушайте, и не притронусь! Ужъ такъ какъ-нибудь обойдусь и безъ чаю. Спасибо!“

КРОВОСОСЪ.

Входитъ нашъ швейцаръ Иванъ и говоритъ мнѣ, что въ прихожей меня хозяинъ нашъ спрашиваетъ. И я пошелъ встрѣтить его и въ дверяхъ столкнулся съ попомъ: рыжій въ лиловой рясѣ съ серебрянымъ наперснымъ крестомъ вошелъ въ комнату попъ и, не здороваясь, сѣлъ у камина въ дальній уголь. Сѣлъ и я съ нимъ, сидимъ молча, и вижу, какіе-то, не то носильщики, не то, Богъ ихъ знаетъ, кто, двое, начинаютъ выносить мои вещи. А попъ только губой причмокиваетъ—смѣшно ему. Тутъ ужъ я поднялся.

— Что вы,—говорю,—мои вещи выносите?—и иду за ними въ сосѣдную комнату, гдѣ стоитъ рояль.

А тамъ полна комната, и все пьяные, растерзанные—одна нога въ сапогъ, другая—такъ, распоряжаются.

И хочу я Ивана позвать, пройти въ прихожую, а никакъ не пройти—загородили дорогу. Я назадъ въ комнату,—плохо, думаю, очень плохо!—и бѣгу, къ окну подбѣжалъ. Они за мной и попъ съ ними, вижу, причмокиваетъ, побагровѣлъ весь. Открылъ я окно, высунулся на набережную и сталъ свистать... а они ужъ за спиною, а они ужъ тянутъ меня.

ПО-ДРУЖЕСКИ.

Вернулся въ Россію одинъ извѣстный государственный преступникъ. И когда это стало извѣстно, говорятъ мнѣ:

— Есть единственный способъ поступить съ нимъ по-дружески, идите и застрѣлите его соннаго. Иначе все равно его повѣсятъ.

Я взялъ съ собой револьверъ, и дѣйствительно, нашель его въ комнатѣ, лежитъ на кровати, спитъ. Но тутъ я замѣтилъ, что я совсѣмъ не одѣтъ, въ одной сорочкѣ.

„Такъ неловко,—думаю,—вѣдь, когда я его застрѣлю, подымется суматоха, придетъ полиція протоколъ составлять, а я въ такомъ видѣ!“—и начинаю одѣваться.

И пока-то я одѣвался, да застегивался, онъ и проснулся, увидѣлъ онъ меня, обрадовался.

— Вотъ какъ хорошо,—говорить,—что вы пришли и съ револьверомъ, теперь можно будетъ убѣжать. Побѣжимте вмѣстѣ!

А я ничего.

„Какъ же такъ,—думаю,—я долженъ убить его и это, вѣдь, будетъ самое дружеское, что я могу для него сдѣлать, а онъ—бѣжать! Мнѣ-то бѣжать, да куда? Такою ихъ жизнью я не

могу жить, какъ они, а главное, зачѣмъ же я взялся дѣло-то сдѣлать, мнѣ повѣрили, и вотъ убѣгу!“—и говорю ему:

— Давайте вмѣстѣ застрѣлимся!

А онъ такъ покивалъ головой, не хочетъ, значить, несогласенъ.

„Ну,—думаю,—застрѣлить-то я его теперь ужъ никакъ не могу, рука не подыметъ, тогда еще, какъ спалъ онъ, тогда дѣло другое. А теперь лучше я самъ!“—и я направилъ на себя револьверъ.

ПЕСЬ РОГАТЫЙ.

На осыпи желѣзнодорожныхъ путей церковка,—мнѣ со шпаль видна она, и что внутри тамъ дѣлается, и это я вижу, я вижу, у амвона стоитъ рояль...

Служба только-что кончилась и по алтарю ходить дьяконъ въ золотомъ стихарѣ, орарь снялъ. И знаю я, не настоящій дьяконъ, а бась оперный, извѣстный пѣвецъ, загримированъ, дьякономъ ходить, и борода у него приклеенная. И слышу, какъ за спиной у меня кто-то жалуется.

— Храмъ древній, а рояль завели, вотъ нынче какое благочестіе!

И тутъ, откуда ни возьмись, пѣсь появился рыжій съ рогами: два рога, „прикровенны въ космахъ“, какъ у бычка молодого, и хочетъ пѣсь—„звѣрь мимошедшій“ забодать меня. А я его, нащупалъ рога, да за рога, да къ себѣ и тяну. Ну, и ничего, только хвостомъ вертитъ.

— Пѣсь мой, — говорю, — звѣрь мимошедшій, куда намъ итти?

МЕДВѢДИЦА.

Все въ гору да въ гору... И знаю, далеко и много еще итти мнѣ. На горахъ, на вершинѣ снѣгъ лежитъ. Я прохожу лѣсомъ по мокрой глинѣ и итти мнѣ трудно: за спиной у меня тяжелый мѣшокъ, тамъ старое складное ружье, маленькія пули и дробь.

На дорогѣ мнѣ стала ель.

„Ишь, подѣ небо высокая!“ — остановился я, люблюсь, смотрю на нее и слышу, изъ обрыва звѣрина кричить.

Я къ обрыву, — а тамъ медвѣжата, на плоскомъ сѣромъ камнѣ медвѣжата кувыркаются. И вдругъ отъ камня отдѣлилась сѣрая большущая медвѣдица съ такими голубыми глазами. Я мѣшокъ съ плечъ скорѣй развязалъ, вынулъ ружье, да въ глаза ей и цѣлю. Да прямо въ голубые и угодилъ.

Поднялась, стала медвѣдица, лапы вытянула и пошла... Я отступать, а медвѣдица такъ и идетъ, лапы—такъ, на меня. Я за ель, прячусь за ель, а медвѣдица, и безглазая, словно видитъ все, и идетъ, и идетъ. И все ближе, и ужъ между нами такъ узко, развѣ что муравью перебѣжать.

И тутъ я увидѣлъ, что не лапы, а бѣлыя, такія бѣлыя руки тянутся ко мнѣ, и не медвѣдица сѣрая, а какой-то стоитъ,

человѣкъ стоитъ, лицо измятое, всклокоченный, рыжая клоками борода.

— Я вамъ ничего не сдѣлаю,—говоритъ онъ мнѣ,—я баптистъ.

ВИНОВНЫЙ.

Куда бы я ни пошелъ, а я спѣшу куда-то—изъ переулка въ переулокъ и самъ не знаю тороплюсь куда, и онъ тутъ же, онъ мнѣ всюду навстрѣчу. Богъ знаетъ, когда и гдѣ я его видѣлъ, но я его хорошо знаю.

Сначала онъ, какъ въ туманѣ, только мелькалъ, потомъ все яснѣй и отчетливѣй я сталъ различать его среди прохожихъ и, наконецъ, онъ самъ сталъ подходить и совсѣмъ близко. Онъ точно все выслѣживалъ меня, и вотъ напалъ на слѣдъ, осмѣлѣлъ, и ужъ шелъ, не скрываясь, прямо на меня.

Какой онъ ощеренный—какіе крѣпкіе широкіе зубы, немного припухлый, видно, съ печенью не очень важно, а галстукъ одинъ и тотъ же узенькій черный безсмѣнно, и отложной короткій воротничекъ, какъ всегда. Да, гдѣ-то ужъ я его видѣлъ, и не однажды, можетъ быть, даже и знакомы мы, только глаза... такихъ я никогда не видѣлъ, такіе свѣтящіеся глаза. И все смотреть, и такъ требовательно смотреть.

— Вы вотъ все смотрите на меня, слѣдите за мной,—и я сталъ на колѣни, — виноватъ передъ вами, должно быть, я въ чемъ... Я только не помню, что я вамъ сдѣлалъ. И если я виновенъ, вы мнѣ такъ и скажите и простите меня.

А онъ молчить, и хотъ бы одно слово, онъ только смотритъ своими — только у него такіе! — своими свѣтящимися глазами.

РАДУНИЦА.

Пришелъ знакомый одинъ, не очень знакомый, а мнѣ и неловко: постель моя не убрана. И мы пошли гулять, а онъ за мной никакъ не поспѣваетъ, съ ногой у него что-то, итти ему трудно. Прошли Лѣтній садъ, вышли на набережную, и тутъ еще двое встрѣтили насъ, и увязались съ нами. И надоѣли они мнѣ всѣ порядкомъ. Ужъ я и такъ и сякъ, на силу-то отдѣлался, и одинъ вернулся домой, а тамъ все по-прежнему, и постель моя стоитъ неубрана.

„Что же это,—думаю,—до сихъ поръ ничего не убрано!“—досажую.

И очутился въ лѣсу. На той же самой кровати лежу я въ лѣсу, только бѣлье все свѣжее. И знаю я, что въ лѣсу я путешествую: то въ кровати, то пѣшкомъ.

Весь зеленый лѣсъ лиственный, и такой холодокъ жуткій.

Птицы шумятъ, перепархиваютъ, и слышу, какъ онѣ между собой разговариваютъ. И говорятъ онѣ, птицы, что померла знакомая наша писательница, называютъ ее по имени, а черезъ полчаса и мужъ ея, писатель же.

И какъ услышалъ я, очень мнѣ жалко стало и такъ слезы подступили къ горлу, жалко очень. И вижу я, идутъ они: она въ черномъ, онъ въ сѣромъ. Ну, такіе же самые, но и другое въ нихъ есть что-то, поблѣднѣе какъ-будто. Очень

они мнѣ обрадовались. А я всталъ съ кровати и пошелъ съ ними.

— Ну, какъ же у васъ кружки какіе существуютъ?—спрашиваютъ они меня.

— Есть,—говорю,—одинъ кружокъ, читаютъ NN-а,—и называю фамилію какъ разъ этого самаго писателя.

А она на это какъ-то такъ, капризно такъ:

— Зачѣмъ же читаютъ NN-а?!

Тутъ онъ вступился.

— А почему же не читать NN-а?

И они такъ это говорятъ, будто совсѣмъ не про нихъ идетъ рѣчь, а про кого-то другого, кого они только знаютъ и сами читали.

А птицы все перепархиваютъ и такой зеленый, такой зеленый лѣсъ.

И опять мы подошли къ моей кровати. И вижу я, продается какая-то рыба въ родѣ селедки и стоитъ она—1 р. 50 к.: рыба плаваетъ въ кадкѣ, а на ней палочка, на палочкѣ дощечка съ надписью—1 р. 50 к. А продаетъ рыбу такъ въ родѣ приказчика въ бѣломъ фартукѣ и не ласковый такой, не обращаетъ на насъ вниманія,—рыбу изъ кадки руками вылавливаетъ.

— Дайте и мнѣ тоже немного!—говоритъ приказчику писательница, и ко мнѣ:—это я сестрѣ хочу отнести.

— Нѣтъ,—говоритъ приказчикъ,—я вамъ не дамъ, это имъ раньше заказано!—на меня показываетъ.

А я тихонько моимъ спутникамъ, утѣшаю ихъ:

— Не обращайтесь,—говорю,—вы на него вниманія, это не настоящій хозяинъ, настоящій хозяинъ совсѣмъ добрый.

НА ИЗВОЗЧИКЪ.

Выходить мнѣ изъ дому запрещено, я очень боленъ,—въ два часа докторъ ко мнѣ пріѣдетъ. А мнѣ такъ надоѣло, такъ бы вотъ и выскочилъ на волю, ну, хоть до угла, до газетчика и домой.

„И всего только до газетчика,—думаю,—успѣю, до двухъ еще есть время!“—взялъ да и вышелъ.

До газетчика дошелъ и дальше и, незамѣтно, все дальше, такъ и вышелъ на Невскій и прямо въ табачную къ Баннову.

За прилавкомъ приказчики и всѣ мальчики черную кофточку бархатную на прилавкѣ кроютъ, черную кружчатого бархату.

„Ишь,—думаю,—чѣмъ занимаются!“

А народу въ лавкѣ тьма тьмущая, и все идетъ народъ, дверью хлопаютъ.

Посмотрѣлъ я на закройщиковъ, потолкался, вынулъ часы, хватъ, а ужъ полчаса пятого.

„Вотъ тебѣ,—думаю,—и докторъ!“—и говорю:

— Прощайте,—некогда мнѣ!—и тороплюсь выйти.

Да не тутъ-то, словно бы и всѣмъ приспичило,—повалилъ народъ вонъ изъ лавки, не протолкаешься.

И ужъ кое-какъ я отъ Баннова выбрался, ну, слава Богу, вышелъ я на Невскій. А на Невскомъ пусто, и трамвай не ходитъ и всѣ извозчики не то разобраны уѣхали, не то по дворамъ куда разѣхались. И одинъ единственный на углу Пушкинской стоитъ, согнулся на козлахъ, заснулъ, что ли? Я къ нему, не торгуюсь, сѣлъ скорѣй, машу рукой,—погоняй, знай! А сидѣнье такое высокое.

И ужъ потомъ въ дорогѣ обратилъ я вниманіе, что извозчикъ-то мой странный какой-то—голова толкачикомъ, безъ волосъ, голая, и одинъ глазъ у него выпученный. И стало мнѣ не по себѣ какъ-то.

И долго мы ѣхали, и улицъ ужъ не знаю, какія это улицы, да и не улицами мы ѣхали, а такъ по камнямъ.

— Мнѣ на Таврическую!—схватилъ я извозчика за плечи.

— Везу, куда надо!—одинъ отвѣтъ, самъ знай себѣ подстегиваетъ.

Оторопѣлъ я, растерялся совсѣмъ, смотрю, а у меня и часовъ ужъ нѣтъ, дорогой, знать, выпали, и шляпы нѣтъ и манжетовъ нѣтъ, соскочили, знать, да и безъ пальто я и безъ пиджака, все пропало, все порастерялъ. А пролетка такъ и черкаетъ, такъ по песку и черкаетъ.

И вижу, рѣшетка, паркъ, въ паркѣ большой бѣлый домъ. И нѣтъ ужъ извозчика, и я нагишомъ стою,—все до рубашки снято, одинъ крестъ на шеѣ.

„Господи,—думаю,—что же мнѣ дѣлать?“—и неловко и стыдно мнѣ и тихонько я пробираюсь къ рѣшеткѣ, да за рѣшетку и сталъ.

Идутъ женщины какія-то, и у одной, какъ у извозчика того, одинъ глазъ выпученный.

— Ради Христа!—говорю имъ.

— Нѣтъ у меня ничего, милый!—отвѣчаетъ та, съ выпученнымъ глазомъ; подумала, что Христа ради прошу.

— Да мнѣ не надо ничего, мнѣ... чтобы на Таврическую отвезли.

А та стоитъ, раздумываетъ о чемъ-то, одинъ глазъ выпученный, какъ у извозчика.

— Да отвезите же меня,—прошу ее,—тамъ... сто рублей вамъ заплатятъ, а у меня нѣтъ ничего, только и осталось...— показываю на крестъ.

НА ПАЛКЪ.

Къ намъ пріѣхала наша старая знакомая и одѣта она такъ странно, какъ кукла—такъ куклы наряжены, видѣлъ такихъ, въ Ключи есть въ Парижѣ. И этотъ свой нарядъ странный, украшенія повѣсила она у входа, побыла съ нами немного и ужъ прощается.

Домъ нашъ среди поля стоитъ и прямо на землѣ,—нѣтъ ни ступенекъ, ни порога. У насъ много гостей. И всѣ куда-то ѣхать собрались, ужъ вышли, въ сани садятся, а саней полонъ дворъ,—колокольчики позваниваютъ.

Выхожу и я за гостями и вижу, на гвоздикѣ нарядъ тотъ виситъ странный, знать, забыла! Иду во дворъ. А ужъ гости по санямъ усѣлись, и нѣтъ саней свободныхъ, и сани за санями со двора отѣзжаютъ.

Ночь. По дорогѣ снѣгъ лежитъ. Луна.

Попробовалъ я покликать, можетъ, посадилъ бы кто! Да ужъ поздно, черной лентой сани кружатъ поворотъ,—не услышать! Я снялъ съ гвоздика палку—палка изъ того наряда, взялъ я палку... и помчался: я поставлю палку въ снѣгъ, закручу и мчусь и снова закручу и мчусь.

И я мчусь и мчусь, какъ вѣтеръ, нѣтъ, быстрѣй коня и шибче вѣтра.

Черныя сани по бѣлому снѣгу бѣгутъ—сани за санями, колокольчики позваниваютъ. На послѣднихъ саняхъ вижу, военный въ николаевской шинели, воротникъ поднять, я его спину вижу.

Луна, звѣзды, всѣ кусты въ снѣгу.

Однимъ духомъ перегоняю поѣздъ. Жутко мнѣ, замираетъ сердце: я поставлю палку въ снѣгъ, закручу и мчусь, я мчусь, какъ вѣтеръ, нѣтъ, быстрой коня и шибче вѣтра. И вровень мнѣ итти не удастся: то обгону я, то отстану.

И еще мнѣ жутче. Луна, снѣгъ блестить, всѣ кусты въ снѣгу. А дороги я не знаю, мчусь, и я мчусь, какъ вѣтеръ—безъ дороги.

ЖИВАЯ ЧУЧЕЛА.

Въ моей комнатѣ въ головахъ у меня стоитъ чучело тигра. Моя комната въ родѣ большой больничной палаты, пустая, только кровать посреди да этотъ тигръ, и нѣтъ ни стола, ни стула.

Входитъ писатель Б., нашъ поэтъ петербургскій.

— Ваша Таврическая,—говорить онъ,—ничуть не меньше 12-ой линіи Васильевскаго острова!—и идетъ въ сосѣдную комнату дописывать свою поэму.

Я сидѣлъ на кровати, невеселое шло въ голову. Темнѣло. И вдругъ я увидѣлъ, что тигръ заколебался и лапы пригнулись.

„Оживаетъ!“—подумалось мнѣ, и я всталъ и вышелъ изъ комнаты, сначала въ переднюю, потомъ на улицу.

Слякотно было по осеннему, дождь моросилъ. Изъ Суворовскаго сквера вѣтромъ наносились на тротуаръ листья. Пустынно, пусто на улицѣ и только дребезжала пролетка. Развалясь, ѣхалъ историкъ Щ. и во весь свой великій трубный гласъ выводилъ по-персидски многолѣтіе одному изъ современныхъ русскихъ писателей.

Пролетка повернула на Суворовскій, а я вернулся домой. И, когда я вошелъ въ мою комнату, я сразу замѣтилъ, что съ тигромъ что-то творится: тигръ стоялъ неподвижно, но

голова его была глубоко наклонена. Ясно, тигръ оживаетъ. И я сейчасъ же вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ мой гость дописывалъ свою поэму.

Сосѣдняя комната больше моей больничной, она вся въ коврахъ и много вещей стоитъ. Я рассказалъ о тигрѣ, что тигръ оживаетъ, и гость пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, не глядя на меня, какъ-то поспѣшно свернулъ свои бумаги. И ужъ не вижу его, — скрылся. А мнѣ безпокойно, а горечь какая-то точитъ сердце. И опять я иду къ себѣ.

Въ комнатѣ совсѣмъ темно, и лишь окна высокія, безъ занавѣсей, пусто стоятъ, высокія, свѣтлѣе тьмы комнатной, и тигръ... зеленые два огонька вдругъ сверкнули въ темнотѣ, и два глаза колко устремились на меня.

Я отступилъ къ порогу, я отступилъ въ коридоръ, шепотомъ кличу Б. А его нѣтъ. Я въ кухню, и тамъ его нѣтъ, и прислуги нашей, Брони, нѣтъ. Я въ ея комнату, — ея комната больше всѣхъ комнатъ и всѣхъ наряднѣй, и тамъ ея нѣтъ. Иду по коридору, шепчу въ потемкахъ, кличу, а Броня, я вижу по стѣнкѣ пробирается и съ ней мужикъ какой-то.

— Броня, — говорю шепотомъ, — Броня, гдѣ бритый баринъ, который сидѣлъ у меня?

А она молчитъ, только озирается, сама тянетъ мужика въ кухню.

И я вижу, одинъ за другимъ и парни и бабы въ тулупахъ желтыхъ пробираются по коридору въ кухню. Я въ столовую, — и тамъ полно: все какія-то дамы въ большихъ шляпкахъ и мужчины въ дорогихъ шубахъ.

„Какъ же это такъ, — думаю, — какъ они влѣзли? Или дверь незаперта?“ — и заглядываю въ сѣни, такъ и есть: дверь не заперта, настежь стоитъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? — едва духъ перевожу, меня все взволновало: и тѣ въ тулупахъ и эти въ шубахъ, — я развѣ звалъ васъ?

И тогда дама и съ ней господинъ нарядный встали и къ двери. Я за ними, — а изъ коридора такъ и гогочутъ, — я бросился вдогонку, ничего ужъ не помню.

— Да вы знаете,—кричу,—вы знаете, куда вы попали? Да вѣдь я могу васъ въ 24!—кричу, не соображаю ничего.

А господинъ въ шубѣ даму пропустилъ впередъ и заглядываетъ такъ изъ-за двери, улыбается: дуракъ, молъ, дуракъ, орать-то чего?—улыбается.

И я рванулъ за нимъ дверь и словно оборвалось что-то. Темно было и въ темнотѣ ничего я не видѣлъ, только глаза, только зеленые сверкающіе глаза изъ всѣхъ угловъ колко дрожали во тьмѣ.

ОДНА КАРТИНКА.

Я живу въ пансіонѣ, а лѣтъ мнѣ шесть-семь, не больше. Наша начальница очень хорошая и добрая женщина, самоотверженная, а пансіонъ въ саду. И все бы хорошо, одно—голодно.

Я зашелъ на кухню,—кухня отдѣльно и тоже въ саду, и тамъ вижу, знакомая наша, ужъ не молодая женщина, а тутъ совсѣмъ еще дѣвочка, у плиты стоитъ, а ея дочка, тутъ совсѣмъ взрослая, котлеты дѣлаетъ,—на доскѣ въ сухаряхъ котлеты катаетъ, и котлеты маленькія такія круглыя, катышки.

— Да я штукъ десять одинъ такихъ съѣмъ,—говорю ей,—а вѣдь, намъ и по цѣлой не дадутъ!—и думаю: „хорошо тутъ, что говорить, одно—голодно!“

Вся сосѣдняя земля принадлежитъ моему доброму знакомому, съ которымъ, я не знаю, отчего такъ вышло, а будто я много-много лѣтъ не вижусь. У нихъ такой садъ, что, говорятъ, и конца ему нѣтъ, и въ саду дворецъ ихъ стоитъ. И очень мнѣ хочется пройти туда.

У изгороди, вижу, стоитъ моя мать и братъ. И мнѣ хочется показать имъ и садъ, которому и конца нѣтъ, и дворецъ. Только сдѣлать это какъ, не придумую. Не дай Богъ

сказать, что я изъ пансіона, и!—ни за что не пустятъ: самъ хозяинъ съ кѣмъ-то поссорился изъ близкихъ нашей начальницы и, слышно, на дуэли будетъ драться, или ужъ дрался.

И я везу мою мать и брата показывать садъ, которому и конца нѣтъ. Втроемъ мы ѣдемъ въ экипажѣ, но выходить какъ-то такъ, что я все впереди.

Пасмурно, унывная осень,—темная зелень, никлыя, густо заросшія деревья, и тихо.

Ѣдемъ мимо дворца, а тамъ ярко, тамъ свѣтло, тамъ весна—тамъ, я знаю, всегда весна съ молодымъ, свѣтлымъ солнцемъ.

„Господи,—думаю,—сколько вечеровъ я провелъ въ этихъ вотъ самыхъ комнатахъ!“—такъ съ горечью думаю.

— Смотрите,—говорю,—вонъ тѣ комнаты съ большими окнами крайнія, изъ нихъ я въ садъ смотрѣлъ! Да смотри же!

А ни мать, ни братъ не слышатъ, они страшно отстали отъ меня, и мой голосъ не доходитъ до нихъ, а говорю я очень громко—и громко и ясно.

Обогнули ограду, сталъ дворецъ деревьями закрываться, и ужъ совсѣмъ за деревьями скрылся, а я все показываю, все прошу, чтобы смотрѣли.

Мать у памятника лежитъ, такъ головой прилегла, и тутъ же братъ присѣлъ на ступенькахъ. Мать плачетъ чего-то.

— Да смотрите же,—говорю,—что же вы не смотрите?—и одинъ вхожу во дворецъ.

Въ первую комнату я вошелъ, а дальше и не могу пройти: вся стѣна до потолка стеклянная, и черезъ нее мнѣ видна сосѣдняя комната—пустая, и двери видны еще въ слѣдующую комнату, но отъ меня кромѣ наружныхъ я не нахожу другихъ дверей.

И я думаю, какъ бы это такъ мнѣ проникнуть? Крѣпко задумался и очутился опять въ пансіонѣ. Тамъ, въ пансіонѣ, я живу въ саду, въ бесѣдкѣ,—бесѣдка съ колоннами. И много тамъ, въ моей бесѣдкѣ, книгъ всякихъ, но я ничего не читаю, времени нѣтъ. Къ намъ въ бесѣдку ночевать ходитъ лицеистъ, странный онъ человѣкъ: говорить ничего не гово-

рить, придетъ, поздороваеся, подѣлаеъ гимнастику и спать, и сколько просилъ я его вмѣстѣ прогуляться, молчить. А далеко одному отходить отъ бесѣдки страшно, и всякое утро я хожу не дальше колодца. Мимо насъ по дорогѣ проходятъ какіе-то люди, и куда идутъ и зачѣмъ, я ихъ никогда не спрашивалъ, а сами они ни съ кѣмъ не заговариваютъ. Выхожу я къ колодцу, и вижу, Наполеонъ идетъ... „Ну, какъ бы такъ мнѣ проникнуть за стеклянную стѣну?“ — опять и опять я спрашиваю себя и не нахожу отвѣта.

И вижу я, какъ въ сосѣдную комнату, а я вижу это черезъ стеклянную стѣну, штукъ двѣнадцать маленькихъ кадетиковъ вбѣжали въ комнату, все двоюродные братья хозяина, и съ ними старый генералъ.

И, глядя на нихъ, я подумалъ:

„Теперь-то ужъ мнѣ ни за что не пройти!“

Входитъ горничная Катя, она подошла ко мнѣ близко, гладить меня по лицу.

— Что съ вами, плохо-то какъ у васъ? — гладить меня по лицу и смотреть и такъ жалостливо.

И я чувствую, что лицо у меня отекло, я весь опухъ и мѣшки подъ глазами.

— Вамъ надо заниматься, ничего вы не дѣлаеъ! — укорно говоритъ Катя.

— Какъ! я? — я подскочилъ весь, а самъ думаю: — „правда, ну, что же такое я дѣлаю и что я такое сдѣлалъ, да ничего, ровно ничего!“ — и горько мнѣ, что правда: ничего.

И какъ сквозь туманъ солнечный вижу я, по дорогѣ къ дворцу ѣдутъ кареты, карета за каретой, и въ одной изъ нихъ вижу сестру хозяина, моего добраго знакомаго, съ которымъ, я не знаю, отчего такъ вышло, а будто я много-много лѣтъ не вижу, вся она въ черномъ, крепомъ покрыта, и все лицо ея отъ рыданія передергивается, а слезъ нѣтъ.

А я ужъ въ трамваѣ, я ѣду въ трамваѣ, и мчится трамвай безъ звонковъ, безъ остановокъ. И я всѣмъ дорогу показываю и садъ, которому и конца нѣтъ, и дворецъ. Я будто

все знаю и одного только не знаю, самого главного, не знаю, куда всѣ мы ѣдемъ.

Трамвай остановился. Стали вылѣзать, и я вышелъ. А кто съ трамвая вышелъ, тотъ тутъ же среди поля долженъ на землю ложиться. И всѣ ложатся. Всѣ по-парно ложатся: съ кѣмъ свело, съ тѣмъ и быть. И я легъ. И достался мнѣ нашъ историкъ Цц.: онъ во всю свою длину развалился, а я около калачикомъ, и такъ вмѣстѣ лежимъ.

Передъ нами двѣ портнишки-ученицы. Я прислушиваюсь къ разговору, хочу разобрать, о чемъ онѣ такъ оживленно толкуютъ, а у нихъ всего только и есть два слова: да и нѣтъ.

— Вотъ, значить, какъ,—говорю моему подневольному сосѣду,—словъ-то ужъ нѣтъ больше!

А тотъ безнадежно только рукой махнулъ.

И передъ каждымъ лежитъ развернута книга. И каждый долженъ, когда дойдетъ его очередь, прочитать вслухъ то мѣсто изъ книги, на которомъ она раскрыта. Книги старопечатныя, все божественныя: у кого тріодъ, у кого минея, у кого библія. И я знаю, скоро до меня дойдетъ, скоро мой чередъ, мнѣ читать, и не знаю я, что мнѣ читать? У всѣхъ, вижу, раскрыты книги на листахъ съ текстомъ, а у меня—одна картинка!

ГЛАЗАТЫЙ.

Позднимъ вечеромъ я вернулся домой, засвѣтилъ свѣтъ, присѣлъ къ столу. И много чего прошло у меня въ мысляхъ, и такое и такъ думалось, что и хотѣлъ бы, да никакъ не сумѣлъ сказать, о дняхъ моихъ думалъ заботливыхъ и тревожныхъ, о часахъ тяжкихъ, и о людяхъ, кого встрѣчалъ, съ кѣмъ былъ, о комъ слышалъ, и о книгахъ и о Россіи нашей, о русскомъ нашемъ, о бѣдовомъ и разбродномъ, о нашемъ горькомъ, и о тѣхъ, кого люблю, о комъ душа болитъ.

Перебивая мои мысли, заговорилъ кто-то... странно, не по-русски, по-англійски заговорилъ онъ... домовой нашъ—его голосъ, я сейчасъ же узналъ, домовой нашъ, онъ самый.

Его я никогда не видѣлъ и одно знаю, онъ живетъ въ моей комнатѣ на диванѣ на лѣвомъ валикѣ подъ волчьей шкурой. И странно, такой русскій, и такъ заговорить!

Но меня ужъ другое мучило: слово, которое по-англійски повторялъ онъ, обидное и гнусное такое слово, — слово мучило меня, и я все хотѣлъ отвѣтить ему рѣзко, какъ только можно рѣзче, но сдержался, пересилилъ обиду и сказалъ, какъ однажды сказалъ мудрецъ одинъ:

— Эхъ, хозяинъ, хорошо еще, не все ты про меня знаешь, а то и не такъ бы еще меня назвалъ!

Домовой не отозвался.

А я всталъ, хотѣлъ выйти изъ комнаты, и у стола остановился: на диванѣ, на правомъ валикѣ, не на лѣвомъ, и не на волчьей, а на козьей шкурѣ поднялось вдругъ сѣрое что-то съ длинными заячьими ушами. И когда я нагнулся посмотреть, думая, что заяцъ, я отступилъ: не заяцъ, не заячьи уши, это глаза торчали, — глаза заячьими ушами подымались вверхъ надъ головою и свѣтъ зеленоватый разгорался въ нихъ, разгораясь, сноваль волной.

Онъ не говорилъ, онъ ни о чемъ не спрашивалъ, онъ только смотрѣлъ, и свѣтъ зеленоватый волной катилъ изъ его зеленью налитыхъ свѣтящихся глазъ, — такъ и смотрѣлъ, такъ и свѣтилъ и, кажется, все и самые всѣ тайники подсердечные высвѣчивалъ мнѣ.

Волны вились,плыли, паутинными нитями кружились,плыли, подплывали все ближе и ближе, и я видѣлъ, не паутина, не шелковинки, а иглы, тончайшія иглы неизбежно тянулись ко мнѣ и мучили меня тоскою смертной — и все изнывало и тянулось во мнѣ.

И вотъ дошла волна, кольнула — сюда кольнула, вотъ сюда, гдѣ такъ мнѣ больно было въ тяжкіе мои часы и дни тревоги.

Я вышелъ изъ комнаты, притворилъ дверь, и стоялъ, не дыша, за дверью.

ТРИЗНА.

Птицей коричневой съ бѣлымъ горлышкомъ, птичкой счастливой перепархивалъ я съ камня на камень по берегу моря, я прислушивался къ плеску волны и повторялъ свои два малыя слова, и рядомъ на камнѣ лежалъ лапы вверхъ тюлень, утопый дѣтенышъ съ раздутымъ брюхомъ, стальной, какъ море.

— Китъ, китъ попался!—бѣжали ребятишки и кричали, и ребятишкамъ было очень страшно и они были рады, что видѣли звѣря морского.

Я стоялъ передъ престоломъ Бога Живаго, я давалъ обѣтъ быть справедливымъ и милостивымъ. Власть моя не знала границъ и, вооруженный силою міра, я чувствовалъ въ себѣ непобѣдимую силу, я одинъ могъ бы потопить любой флотъ, я одинъ могъ бы разсѣять и самое стройное войско и задавить мятежный сбродъ непокорныхъ полчищъ, я былъ судьбою народовъ, я не зналъ пощады и никто не ускользалъ отъ моего ока, я былъ мечомъ для сердца, и мечъ мой, проходя черезъ сердца, открывалъ сердцу помыслы человѣческіе... и былъ я первымъ подъ зорями солнца.

И какой злой хозяинъ выгналъ бы собаку со двора? По слякоти въ промозглое утро шелъ я ошельмованный связень съ полицейскимъ изъ Петровской въ Петербургскую часть, я дрожалъ всѣмъ своимъ измученнымъ голоднымъ тѣломъ и былъ тихъ и кротокъ, да я и таракашку снялъ бы, всѣхъ пощадилъ бы,—и сердце въ сапоги ушло...

И вотъ ужъ ташутъ... А вѣдь я какъ хотѣлъ въ Лавру, нѣтъ, по-своему распорядились, на Волково ташутъ. Ужъ отпѣли и отпѣтаго, поконченнаго, несли на кладбище зарывать въ могилу. Выскочилъ я на поворотѣ, забѣжалъ впередъ—до кладбищенскихъ воротъ мнѣ еще можно! А какъ хорошо было на волѣ, въ Божьемъ мірѣ, на землѣ моей любимой, и чисто и ясно, только все чуть помельче, будто черезъ стекло какое, черезъ бинокль обратно, я смотрѣлъ на нашу землю, на улицы наши, на дома и сады и на прохожихъ. Я стоялъ у большого сѣраго камня, у своей могилы, и разбиралъ надпись—по-латыни вырѣзана была надпись на камнѣ, римскими буквами неровно...

— Ой, горю!—припалъ я къ горячимъ стѣнкамъ котла,—ой, горячо!—языкъ пересохъ, горло запеклось.

— Одинъ глотокъ,—кричу—одинъ глотокъ!

Черный идетъ, зло глаза горять, учуялъ зовъ.

— Стражъ мой черный, — прошу я его, — мучитель мой, дай испить!

— Богъ подастъ! — насмѣшливо смотреть такъ, — Богъ подастъ!—и опрокинулъ котелъ.

Морозъ, у! лютый!—морозъ трещить. Выкарабкался я изъ проруби, по горло въ водѣ стою, зубы мнѣ съ дрожи разбило, закоченѣлъ весь, и двинуться страшно, вотъ оборвусь.

— Стражъ мой черный, — прошу я его, — мучитель мой, спаси душу, дай огонька!

— Богъ подастъ!—ощерился, черные пылаютъ глаза.

И опять весь въ огнѣ, опять попалъ въ горючій котелъ,—
ой, горю, ой, горячо!

Черный, мой стражъ неизмѣнный, ходить вокругъ. Кого
мнѣ просить, кого звать? И дымъ моей муки непрестанно
восходитъ, и нѣтъ мнѣ покою день и ночь.

1913 г.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Въ объясненіе заглавія книги Весеннее порошье скажу. Слово „порошье“ означаетъ мелочь и прахъ: „И гнѣздо себѣ здѣлали (мураши, мравіи) потъ печью и оттуду исхожаху ко мнѣ... И азъ гнѣздо ихъ кошицею носилъ в воду, а они болши тово наносятъ всяково порошья туды“. (Житіе инока Епифанія, ч. I стр. 238 въ трудѣ Я. Л. Барскова. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Изд. Лѣтопись занятій Имп. Археограф. Коммис. за 1911 г., вып. 24. СПб. 1912). Весеннимъ же порошьемъ будетъ прахъ весенній: и лепестки тутъ цвѣтовъ опавшихъ и листочки всякіе и сережки березовые и отъ дубу цвѣтъ и прутики и усики травокъ.

Стр. 99. — *Любовь крестная*. — Памятники старинной рус. литерат., изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, СПб. 1860 г. вып. 1 стр. 123.

Стр. 104. — *Отрокъ пустынный*. — Вып. 1 стр. 201.

Стр. 108. — *Древняя злоба*. — Вып. 1 стр. 203.

Стр. 112. — *Святая тыковъ*. — Рукописный Коломенскій прологъ XVI в. изъ собранія Ивана Александровича Рязановскаго (Кострома): „...и святому чюдотворцу Николе Мокарьевъ сынъ положилъ есми сия прологи в домъ великому чюдотворцу Николе к Мокрому на посаде на Коломне на поминание душъ родителей своихъ при благовѣрномъ великомъ князи Васильи Ивановичи всея Руси и при епископѣ Тихоне коломенскомъ, а при по...“ (л. 1—10) „лѣта 7204 (1696) сия книга града Коломны церкви Обновленію святаго храма Воскресенія Христа Бога нашего, да церкви Іоанна Богослова, да Николы чюдотворца, что на посаде на Покровской улицы, а подписана сия книга мѣсяца мая въ 21 день на память святаго і равноапостоломъ великаго царя Константина і матери его Елenny, а сия книги любити аки камению драгоє і аки

бисер многоцѣнны, православнымъ крестіянѡмъ на утверженіе, а еретикомъ і развратникомъ крестіянскія вѣры уста заграждати“. (л. 15—71) „сію книгу прологъ продала старица Пелагея“ (л. 71 об—73) „куплена стана Балахоннскаго села Бреляковскаго деревни Бѣлыя Рамени у Івана Ѳедоровыхъ Хадоевыхъ, а дана два руб. і десять ал., а купил сію книгу, глаголемую прологъ Суждальскаго оуезду Ворешмы слободы Спаски Шестѣни деревни... большихъ Петръ Ивановъ, а подписалъ своею рукою“. (л. 109—314) „в сей книзе шесть сотъ 12 листовъ“. (л. 607). Прологъ этотъ безъ первыхъ листовъ, начинается съ 4 сентября, а оканчивается 28 февр. О св. тыкови см. подъ 12 сент. л. 27. Въ великихъ Макаріевскихъ Четій-минейхъ—12 и 13 сент. Изд. Московской старообрядческой книгопечатни, М. 1913 г.

Стр. 114.—*Украшѣ-вънѣца*.—О хожденіи Христа съ своими учениками (лужская сказка) въ предисловіи Ѳ. И. Буслаява, Русскія народныя пѣсни, собранныя П. И. Якушкинымъ. Лѣтописи рус. литерат. и древности изд. Н. С. Тихонравовымъ, М. 1859 г. кн. 2 стр. 99.

Стр. 117.—*Сердечныя очи*.—Памятники, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, СПб. 1860 г. вып. 1 стр. 273.

Стр. 120.—*Едина ночь*.—Вып. 1 стр. 91. Рукописный ржевскій сборникъ XVIII вѣка изъ собранія А. Ремизова (Петербургъ): „Ис книги Зѣрцало Великаго о покояніи нѣкоего князя зѣло полезно и о иереи, еже его како исправи, зѣло дивно“. (л. 121). Сборникъ Кирила-Бѣлозерскаго монастыря № 9/1086 XV в. „Слово о аввѣ Сисоѣ“.

Стр. 129.—*Свѣтъ невечерній*.—Патерикъ синайскій—лимонарь, твореніе Іоанна Мосха (въ началѣ VII в.). Русская рукопись (конца XI или начала XII в.) въ Москвѣ въ Синодальной библіотекѣ, а напечатана у акад. И. И. Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, LXXXII. Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ.

Стр. 141.—*Црпль золотая*.—В. Мичульскій, Слѣды народной библии въ славянской и древне-русской письменности, Одесса, 1893 г., Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, СПб. 1862 г. — „Слово Адама во адѣ къ Лазарю“, „Вопросы св. Варѡломея“, А. И. Успенскій, Переводы съ древнихъ иконъ В. П. Гурьянова, М. 1902 г., В. Н. Успенскій, переводы съ древнихъ иконъ А. М. Постникова, СПб. 1899 г., Т. С. Рождественскій и М. И. Успенскій, Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. т. XXXV, СПб. 1912 г., Псалмы отъ унынія и стихи, — рукописный сборникъ XVIII вѣка изъ собранія Ивана Александровъ-

вича Рязановскаго (Кострома), Рукописный сборникъ на перга-
минѣ XIV вѣка—„Громовникъ призрѣнскаго протопопа“ изъ собранія
Михаила Ивановича Терещенко (Кіевъ).

Стр. 171.—*Осла бритѣть*—оселокъ бритвѣ.

Стр. 181.—*Щечилы*—тараторы, вергасы.

Стр. 190.—*Нитунисѣ*—ни то, ни сѣ.

Стр. 191.—*Оскордѣ*—сѣкира.

Стр. 257. — *Кузовокѣ*. — Это самые обыкновенные сны, какіе намъ
снятся, я только записалъ.

	Стр. книги	Годъ написа- нія.	Годъ напеча- танія.		№
Лвва Агіодуль	131	1913	1913	Рус. Молва	241
Адамъ	144	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Аленушка	26	1913	1913	Завѣты	3
Ангельъ благовѣстникъ	148	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Ангельъ мститель	150	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Ангельъ погибельный	156	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Ангельъ стражъ-муки	158	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Бабинька	55	1913	1914	Ежемѣсячный журн.	1
Бабушка	50	1912	1913	Завѣты	3
Блюдуцій	134	1913	1913	Рус. Молва	246
Божіе солнце	143	1913	1913	Сборникъ Сиринъ	1
Боченочекъ	37	1913	1914	Ежемѣсячный журн.	1
Бѣда	73	1913	1913	Рус. Мысль	10
Бѣлое знамя	77	1913	1913	Рус. Мысль	11
Бѣлый заяцъ	43	1912	1913	Завѣты	3
Глаголица	211	1911	1911	Рѣчь	354
Дикіе	68	1913	1913	Рус. Мысль	10
Древняя злоба	108	1913	1914	Сѣверн. Записки	1
Едина ночь	120	1913	1913	День, прилож.	350
Жукъ	60	1913	1913	Рѣчь	174
Завѣтныя сказки	47	1913	1914	Ежемѣсячный журн.	1
Звѣзды	40	1912	1913	Завѣты	3
Крѣпкая душа	135	1913	1913	Рус. Молва	246
Кузовокъ	257	1913	1914	Сборникъ Сиринъ	3
Любовь крестная	99	1913	1914	Сѣвер. Записки	1
Мурка	30	1912	1913	Завѣты	3
Нищій	132	1913	1913	Рус. Молва	244
Оказіонъ	231	1907—1913	1913	Завѣты	12
Отрокъ пустынный	104	1913	1914	Огонекъ	1

	Стр. книги.	Годъ написа- ніи.	Годъ напеча- танія.	№
Павочка	171	1914	1914	Нива 9,10
Покаяніе	136	1913	1913	Рус. Молва 246
Прекрасная пустыня	164	1913	1913	Сборникъ Сирина . . . 1
Птичка	13	1913	1913	Рус. Мысль 10
Святая тыковъ . . .	112	1913	1913	Рѣчь 102
Сердечныя очи . . .	117	1913	1914	Сѣверн. Записки . . . 1
Спасовъ огонекъ . .	90	1913	1913	Рус. Мысль 11
Странникъ Божій . .	82	1913	1913	Рус. Мысль 11
Странникъ прихожій	161	1913	1913	Сборникъ Сиринъ . . . 1
Страсти Адама . . .	145	1913	1913	Сборникъ Сиринъ . . . 1
Украшъ-вѣнецъ . . .	114	1913	1913	Рѣчь 353
Ученикъ	137	1913	1913	Рус. Молва 244
Чистое сердце	133	1913	1913	Рус. Молва 244
Чудо	34	1912	1913	Завѣты. 3
Яблонька	21	1913	1913	Рус. Мысль 10

Разсказы, вошедшіе въ книгу Весеннее порошье (1907, 1911—1914 гг.) напечатаны были въ газетахъ, въ журналахъ и сборникахъ.

I. Газеты: „День“ (приложеніе), Спб., „Русская Молва“, Спб., „Рѣчь“ Спб.

II. Журналы: „Завѣты“, Спб., „Ежемѣсячный Журналъ“, Спб., „Нива“, Спб., „Огонекъ“, Спб., „Русская Мысль“, Спб., „Сѣверныя Записки“, Спб.

III. Сборники: „Сиринъ“, Спб.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА.

Въ 8 законченныхъ томахъ,
съ портретомъ автора и указателями: азбучнымъ и хронологическими.

Содержаніе томовъ:

- ТОМЪ 1. Неумный бубень, Царевна Мымра, Чортикъ, Судъ Божій, Жертва, Занофа, Слоненокъ.
ТОМЪ 2. Часы, Въ плѣну, Пожаръ.
ТОМЪ 3. Крѣпость, Святой вечеръ, Безъ пяти минутъ баринъ, Придворный ювелиръ, Серебряныя ложки, Музыкантъ, Опера, Казенная дача, Эмаліоль, Новый годъ, Бебка, Бѣдовая доля.
ТОМЪ 4. Прудъ.
ТОМЪ 5. Крестовыя сестры, Чертыханецъ, Галстукъ, Мака.
ТОМЪ 6. Посолонь, Къ Морю-Океану.
ТОМЪ 7. Лимонарь, Паралипоменонъ.
ТОМЪ 8. Бѣсовское дѣйство, Трагедія о Іудѣ принцѣ Искаріотскомъ, Дѣйство о Георгіи Храбромъ.

Цѣна каждаго тома 1 р.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

- ПОДОРОЖІЕ. Пѣтушокъ, Пятая язва, Покровенная, Бисеръ малый, Тайнственный зайчикъ, Съ очей на очи. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Народныя сказки. Спб. 1914. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.
ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. Свѣтъ немерцающій, Свѣтъ незаходимый, Свѣтъ неприкосновенный, Свѣтъ невечерній, Цѣпь золотая, Матки-Святки, Кузовокъ. Петроградъ. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Сиринъ.

Каталогъ издательства высылается желающимъ
бесплатно.

